

Публикация книги на сайте
библиотеки появилась благодаря -
Михаилу Котлярову.
forum.vgd.ru (mkotlyarov).

book-olds.ru

Николай Черкашин

Белая карта

«Белая карта»: Совершенно секретно; М., 2006
ISBN 5-89048-135-5

Аннотация

Новая книга Николая Черкашина "Белая карта" посвящена двум выдающимся первопроходцам русской Арктики - адмиралам Борису Вилькицкому и Александру Колчаку. Две полярные экспедиции в начале XX века закрыли последние белые пятна на карте нашей планеты. Эпоха великих географических открытий была завершена в 1913 году, когда морякам

экспедиционного судна "Таймыр" открылись берега неведомой земли... Об этом и других событиях в жанре географического детектива повествует шестая книга в "Морской коллекции" издательства "Совершенно секретно".

Автор выражает благодарность всем, кто помог делом и добрым советом в сборе и обработке материалов для этой книги: таллиннскому историку российского императорского флота Владимиру Верзунову, московскому исследователю Владимиру Лобыцыну, петербургскому историку флота Владимиру Фотуньянцу, начальнику штаба Северного флота вице-адмиралу Сергею Симоненко, историку-архивисту Марине Черкашиной, сотруднице Библиотеки русского зарубежья Татьяне Корольковой, сотруднице ЦГА ВМФ Людмиле Спиридоновой, петербургскому историку Александру Смирнову, севастопольскому правозащитнику Владимиру Стефановскому, кинорежиссеру Сергею Юрженко, сотруднице музея Вл. Набокова Елене Кузнецовой, а также родственникам Александра Васильевича Колчака - Михаилу Александрову, родственнику Софьи Федоровой Колчак(Омировой) - Андрею Ткаченко, родственнику Анны Тимиревой - Илье Сафонову.

Приношу низкий поклон с молитвенной памятью - писателям Владимиру Максиму, Виктору Конечному и Валентину Пикулю, капитану 1 ранга профессору Николаю Залесскому, протоиерею отцу Борису (Старку).

БЕЛАЯ КАРТА

ОТ АВТОРА

*«У него ничего не было, кроме чемодана
со сменой белья и парадным мундиром,
а ведь ему приходилось командовать лучшими
флотами России.*

*Теперь им пугают детей, изображают негодяем
ада,*

*кроважадным чудовищем с мертвыми глазами
людоеда,*

*а он всю жизнь мечтал о путешествиях
и о тайном уединении в тиши кабинета
над картами открытых земель».*

Вл. Максимов. «Звезда адмирала Колчака»

Имя этого человека, брошенное на весы Фемиды, еще не остановило их чаши. Они качаются и поныне, хотя их так долго придерживал жестокий палец

партийного цензора.

За последние восемьдесят лет злых и бранных слов об адмирале Колчаке сказано не меньше, чем восторженных за сорок шесть лет его жизни. Впрочем, минувшее десятилетие несколько уравнило чаши весов: о Колчаке вышла добрая дюжина толковых, отнюдь не хулительных книг, сняты фильмы художественные и документальные, написаны диссертации и пьесы. Спектакли об адмирале идут в Севастополе и Иркутске. На месте расстрела поставлен крест. В Кисловодском военном санатории «Благодать» открыт едва ли не первый в России музей Колчака, точнее музейная комната, посвященная уроженке города Анны Васильевны Сафоновой-Тимиревой. Даже в Москве в ограде храма на Соколе можно прочитать имя адмирала Колчака на поминальной плите. Все это сделано стараниями энтузиастов, знатоков и ценителей отечественной истории. Официальные власти страшатся имени Колчака, то ли по преемственности от большевистских правителей, то ли от нежелания брать на себя еще одну заботу - увековечивать память «весьма спорного деятеля гражданской войны», как оценили личность адмирала петербургские чиновники, когда инициативная группа горожан предложила отметить памятными досками дома, где жил и работал Александр Васильевич Колчак. В мемориальной прописке Колчаку отказали, как отказали и в реабилитации его по закону о жертвах политических репрессий. Его судебное дело отправили на правовую экспертизу в военный трибунал Забайкальского военного округа. По иронии истории делом Колчака занимался прокурор по фамилии Чапаев. Оттого ли, потому ли, но по всем статьям - лавина отказов: корабль назвать - отказ, восстановить на карте историческое название «остров Колчака» - отказ, повесить мемориальную доску на дом, где прошло детство - отказ...

Однако среди самых выдающихся десяти полководцев России XX века россияне, утверждает далеко не самая лояльная к героям белого движения газета «Новые известия», третьим после маршала Жукова назвали адмирала Колчака.

Лучшими памятниками адмиралу стали книги последнего времени, вышедшие, по счастью, без санкции Главлита. К их числу принадлежит биографическая повесть-хроника «Адмирал Колчак», написанная историком флота Константином Богдановым, «Огонь и пепел» (Неизвестный Колчак) Валерия Краснова, а также его двухтомник «Колчак. И жизнь, и смерть за Россию», монография Ивана Плотникова «Колчак», вышедшая в Ростове-на-Дону, книга алтайского исследователя Георгия Егорова «Последние дни Колчака», роман-эссе Юрия Власова «Огненный крест», роман Валерия Поволяева «Верховный Правитель», монография Валерия Синюкова "Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики" наконец, уникальное переиздание военных дневников отца и сына - Василия Ивановича и Александра Васильевича Колчаков «Севастополь - Порт-Артур», предпринятое петербургским историком Александром Смирновым, замечательная документальная повесть «Гранит во льдах» о Русской Полярной Экспедиции Юрия Чайковского, диссертационная работа авторитетного

колчаковеда Сергея Дрокова... Все это составило многоплановую и яркую колчакиану, начатую эмигрантскими биографами адмирала Сергеем Мельгуновым, Михаилом Смирновым, Николаем Чириковым.

На долю автора этой книги выпало немного открытий в судьбе Колчака, хотя и довелось немало походить по его стопам и в Санкт-Петербурге, и в Лондоне, и в Севастополе, и в Таллине (былом Ревеле), и в Хельсинки (тогдашнем Гельсингфорсе), и в Полярном (Александровске-на-Мурмане), и в Тикси, и во Владивостоке, и в Пирее, довелось зажечь свечу на месте гибели Колчака в Иркутске... Впрочем, за героем этой книги все равно не угнаться. Вряд ли кто из россиян его времени поездил по миру, походил по морям столько, сколько он...

То, что открылось мне в беседах с бывшими офицерами русского флота - а мне посчастливилось застать в ясной памяти и мичмана с «Цесаревича» Альфреда Бекмана, и последних гардемарин Морского корпуса Александра Пышнова, Бориса Лобача-Жученко,... Кербера - в беседах с сыновьями тех, кто знал Колчака очень близко по службе и в жизни: контр-адмиралов Георгия Старка и Михаила Черкасского, капитанов 1 ранга Алексея Щастного и Сергея Власьева, дочерью капитана 1 ранга Петра Новопашенного и внуком контр-адмирала Бориса Вилькицкого, с племянницами вице-адмирала Адриана Непенина и племянниками Федора Матисена и Анны Тимиревой, все, что отозвалось в душе при чтении архивных документов, в тишине арктических снегов и на палубах ледоколов - все в этой книге.

За два года до гибели у него была возможность сказать «нет», и тогда бы жизнь его, вероятно, продлилась до естественных пределов, а имя украшало бы географические справочники, борта кораблей, титулы книг и уличные таблички. Но он сказал «да» - и выбрал тот путь, который на Руси издавна метился грозным перепутным камнем: «Прямо поедешь - убитому быть...» Да и мог ли он выбрать круглую дорогу, когда только по прямой лежал путь к главной цели его жизни - к Южному полюсу?!

Как бы там ни было, но из истории России его имя не вычеркнуть, как не вымарать его из ледяных скрижалей Арктики.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Ленинград. Май 1990 года

На Исаакиевской площади я сел в допотопный трамвайный вагончик с прямыми окнами в деревянных рамах, с другой, изогнутой на манер спинки финских саней... Этот экскурсионный трамвайчик, трамвай-воспоминание, повлек меня по старому Питеру, погромыхая старинным железом... Вспоминала вслух молодая гидесса с копной нахимиченных волос. Она же перечисляла и экскурсионные маршруты: Петербург Пушкина, Петербург Блока, Петроград Ленина, Ленинград Кирова... Можно было пройти по

адресам Гоголя и Шаляпина, Андрея Белого и Скрябина, Ахматовой и Гумилева. Но был - был и есть! - я знал это доподлинно, Петербург Колчака. Город молча помнил этого человека, сделавшего свой самый первый вдох под его неприветливым небом.

Быть может, и поручни этого трамвайчика помнили пальцы Колчака - гимназиста, гардемарина, офицера... Я ехал к тому дому, где прошло его детство: Поварской переулок, 6. Разумеется, его не было ни в каких путеводителях, как не было в них и второго весьма важного в его жизни адреса - Большая Зеленина, 3... Я постоял перед обшарпанным, как и повсюду в округе, трехэтажным фасадом. Мысленно примерил на стену мраморную доску с золочеными буквами: «В этом доме прошли детские и гимназические годы выдающегося полярного исследователя, флотоводца и государственного деятеля России Александра Васильевича Колчака».

Право, доска бы эта смотрелась на этой ветхой стене, как драгоценный орден на жалком рубище.

Потом я поднялся по запущенной за семь десятилетий бездворничкого догляда лестнице и позвонил в его бывшую квартиру. Три бойкие старушки - соседки по коммуналке - провели нежданного гостя на кухню, выслушали мое сообщение о прежних хозяевах квартиры и были изумлены и приятно польщены своей причастностью к имени этого известного всем человека.

Я тоже был удивлен: старушки, жизнь которых пришлась явно лишь на советские годы и которые ничего кроме хулы о Колчаке, не слышали, были польщены тем, что жили в его стенах...

Два документа лежат на моем столе, знаменуя начало и коней жизни героя этих строк. Первый - выписка из метрической книги Троицкой церкви села Александровского Петербургского уезда: «У штабс-капитана морской артиллерии Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильиной, обоих православных и первобрачных родился сын Александр, четвертого ноября, крещен пятнадцатого декабря 1874 года».

И второй - радиограмма председателя Сибревкома И.Н. Смирнова: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивое положение советской власти в Иркутске, приказываю вам находящегося в заключении у вас адмирала Колчака... с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Между этими бумагами сорок шесть лет жизни. И какой жизни...

Глава первая. СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРЕ

В год тридцатый по завершении севастопольской компании полковник морской артиллерии Василий Иванович Колчак собрался посетить места, где прошла его боевая бомбардирская юность. Для его десятилетнего сына-гимназиста Саши эта поездка началась, как обычные сборы к бабушке в Одессу. Разве что на сей раз отец попросил его быть непременно в полной гимназической амуниции при фуражке с эмблемой 6-й петербургской

классической гимназии. Сам он тоже надел в дорогу белый флотский вицмундир с севастопольскими медалями и солдатским Георгием на черно-оранжевой ленточке, полученный за меткую стрельбу с Малахова кургана, как полагал Саша, чуть ли не из рук самого адмирала Нахимова.[1] И фуражку он взял не обычную - балтийскую с черным околышем и белым верхом, а припрятанную до случая черноморскую - белую всю.

В Одессу выехали поездом, взяв два купе в вагоне первого класса: в одном ехали Ольга Ильинична со старшенькой Катей, в другом сам Василий Иванович с Сашей. Раньше никогда так не шиковали - брали одно четырехместное купе во втором классе, но эта поездка обещала быть особенной с самого начала, и Василию Ивановичу очень хотелось, чтобы она стала праздником не только для него одного.

В Одессе полковник Колчак долго не задержался. Взял с собой сына и отправился в порт, где нашел старого приятеля, капитана грузопассажирского парохода «Гаджибей» Ивана Андреевича Порубко. «Гаджибей» совершал каботажные рейсы в Крым, Новороссию и дальше до самого Батума. Капитан Порубко - могучий грузный казачина в белоснежной флотской тужурке при золотых нашивках - с радостью взялся доставить Василия Ивановича в Севастополь. Ольга Ильинична с Катей провожали их на следующий день. Старшей сестре тоже очень хотелось попасть на судно; от досады, что ее не берут, она покусывала губы, но дело намечалось мужское, можно сказать, военное, так что морская прогулка ей никак не улыбалась. Они с мамой долго махали пароходу с причала платками, пока черный дым из одинокой прямой трубы «Гаджибея» не скрылся за мысом. Саша стал было отвечать им, сорвав со стриженной головы серую фуражку, но, поймав ироничный взгляд отца, водрузил головной убор на место, и, подняв, как и он, правую руку, степенно поводил ладонью из стороны в сторону.

Море источало такую синеву с таким радостным переблеском южного солнца на взгорбьях волн, что никакая печаль не омрачала душу, тем более, что разлука намечалась совсем недолгой, тем более, что за маяком пароход встретили дельфины, вылетая из воды стремительными сверкающими полукружьями, тем более, что капитан Порубко пригласил их на мостик, откуда мир открывался совсем по-другому - высоко и просторно.

- Ну, что, господин гимназист, - обращаясь к нему повелитель этого лучшего на свете корабля, - батюшка-то ваш не рассказывал вам, как шли мы с ним в Севастополь на бочках с порохом? То-то был бы фейерверк, ежели бы турки нас зажгли? А, Василий Иваныч? Тысяча пудов доброго артиллерийского пороха - то ж не фунт изюма?

- В Стамбуле бы услышали! - Не отрывался отец от подзорной трубы. Он разглядывал удаляющийся берег.

- Я тогда юнгой был в Николаеве, немного старше вас, а батюшка ваш в юнкерах хаживал... Ну, и отрядили нас в конвой порох в Севастополь вести на крытых фурах. А ведь пронюхай о том вражеские лазутчики, не сдобровать нам - один лишь ружейный выстрел и поминай как звали!

Саша не раз слышал эту историю от отца. Когда началась Севастопольская

война, Одессу, где жила тогда семья дедушки Ивана Лукьяновича Колчака да и мамина тоже (правда, Ольга Ильинична Посохова еще не родилась к тому времени), обстреляли корабли англо-французской эскадры...

...Это случилось в Страстную пятницу - 9 апреля 1854 года, когда из всех одесских храмов выносили Плащаницу, символический саван Христа. Вдруг громом среди ясного неба бабахнул первый орудийный залп. Восемь английских и французских военных пароходов выстроились на внешнем рейде в боевую линию. Против них стояла лишь одна вооруженная 24-х фунтовыми пушками береговая батарея прапорщика Щеголева, остальные являли собой лишь земляные насыпи, наспех возведенные ввиду назревавшей войны.

Русская береговая батарея открыла ответную пальбу, но быстро сбавила темп, поскольку ураганный огонь изрядно побил пушкарей. Тогда на помощь батарейцам бросились три лицеиста. Среди тех, кто подоспел к умолкающим орудиям был и шестнадцатилетний Василий Колчак, выпускник одесского ришельевского лицея (подобный ему был только в Царском Селе). Бой разгорелся не на шутку. Юноши наравне с канонирами всю орудовали у пушек - подтаскивали ядра, подносили заряды... Орудия умолкли лишь тогда, когда на батарее кончился порох.

Вражеские корабли, сжегши пристань и несколько купеческих судов, ушли, а хваткого смелого лицеиста оставили при батарее. Василия Колчака зачислили юнкером в 44-й флотский экипаж. Вскоре поручили ему сопровождать в Севастополь артиллерийские припасы ввиду того, что главный театр военных действий определился в Крыму. Вести порох морем было нельзя - неприятель установил морскую блокаду побережья. Тогда из Николаева, где размещались флотские арсеналы, огнеприпасы были погружены на конные фуры и взрывоопасный транспорт двинулся под охраной казаков и моряков в дальний - полутысячеверстный путь.

В том воистину адском походе Василий и сдружился с судовым юнгой Ваней Порубко, по кличке Казачок, поскольку тот, как впрочем и юнкер Колчак, был выходцем из черноморских казаков и вместо матросского платья носил неизменную черкеску.

На обед капитан пригласил дорогих гостей в свою каюту, где и был накрыт стол на троих. И хотя в посвежевшем море «Гаджибей» изрядно покачивало - вестовой даже застелил стол мокрой скатертью, чтобы не съезжали тарелки - Саша, который вдруг почувствовал как столь радужный доселе морской мир несколько поблек и стал весьма неуютен, все же заставил себя сесть за стол. Уха из султанок, одобренная красным перцем и красным же луком, показалась преотвратной настолько, что он едва не выскочил из-за стола без спросу и не бросился на свежий воздух. Отец насмешливо поглядывал на побледневшее лицо сына, видимо, вспоминая и свои первые морские ощущения. Он попытался приободрить его, рассказывая французский анекдот про некоего абсолютно лысого господина, у которого в ресторане вдруг в тарелку свалился сверчок. «Поскользнулся, милый?!» - Спросил господин.

Саша вежливо изобразил подобие улыбки. Он стоически выдержал до конца обеда, отведав лишь зеленого кислющего яблока на десерт.

- А не постоять ли нам на руле, Александр свет Васильевич?! - Великодушно предложил Порубко, поднимаясь из-за стола. Все трое сотворили послетрапезную молитву и покинули каюту.

На мостике, продуваемом свежим ветром, капитан велел рулевому матросу, рыжеусому дядьке в полотняной рубаше, передать штурвал «господину гимназисту». Саша, разведя до предела руки с трудом ухватился за отполированные ладонями рулевых до матовой желтизны деревянные рукояти.

- Ложись на чистый зюйд! - Скомандовал Порубко. - Так, чтобы эта стрелка смотрела на букву «S». - Пояснил он, постучав пальцем по стеклу путевого компаса.

- Ну, ворочай вправо! Смелее...

Саша изо всех сил приналег на рулевое колесо, и оно нехотя повернулось. Сразу же нос парохода, увенчанный бушпритом («Гаджибей» нес и парусную оснастку на двух мачтах), медленно пошел вправо, отворачивая от берега. Мальчик не сразу поверил, что вся эта железная махина с дымящей трубой и высоченными мачтами, подчинилась движению его рук; но она подчинилась! Пароход закачался сильнее, подминая под себя встречную волну. Качка стала килевой, да Саша уже и не замечал ее - дурнота прошла сразу, как только он ощутил в своих руках власть над огнедышащим кораблем. Глаза сияли гордостью - видели бы его сейчас питерские одноклассники! Видели бы Катя, мама! Ведь это он сейчас сам - сам! - ведет большой пароход со множеством людей и грузов на борту. И никто из пассажиров даже не подозревает, что «Гаджибей» повернул на юг никто иной как гимназист третьего (уже переведен в третий) класса Александр Колчак.

Это упоительное счастье длилось с четверть часа, хотя мальчику и показалось, что он отстоял за штурвалом целую вахту.

- Ну что, теперь уж, верно, моряком будешь? - Спросил капитан Порубко. Саша ответил не сразу. Ему не хотелось обижать этого замечательного человека, но он сказал то, что давно уже было им решено:

- Нет. Я, как папа, буду пушки делать.

Перед глазами встали огромные пролеты обуховских цехов. Поднятые на цепях стволы гигантских орудий - что там Царь-пушка! - медленно плыли под закопченными стеклами заводских кровель. Огромные зевластые - из них стреляли не люди по людям, а государства по государствам...

- Вы ведь читали сочинение господина Жюль Верна «Из пушки на Луну»? - Спросил Саша. - Так вот и я хочу такую пушку построить, чтобы в снаряде до Луны долететь.

- Охо-хо, - засмеялся старый капитан. - Да зачем вам Луна, коли мы еще свою Землю-матушку как след не знаем?

- Как это не знаем? - Изумился Саша. - Столько путешественников было, все карты давно составлены.

- Все да не все... - Порубко достал из шкафа глобус на резной подставке. - Вот видите у Земли две макушки, два полюса - Северный и Южный, а ведь ни одна живая душа туда не добралась, не посмотрела, как она эта ось мира через те полюса проходит, на каких таких подшипниках вертится? А вот вам,

господин гимназист, целый застывший океан при полюсе, где люди только-только по самому краешку чуток прошли и все. А сколько ж там земель еще не открытых, островов... Ого-го! А вы на Луну собрались. Да у нас еще тут на Земле столько делов! Ну, как, уговорил?

- Я подумаю, - дипломатично ответил мальчик.

- Ну, что ж, брат Пушкин, тебе виднее. Айда, чай пить.

И они снова спустились в капитанскую каюту, где вестовой привинтил к столу маленький дорожный самовар-кубышку из надраенной до зеркального блеска латуни. Чай пили турецкий с колотым сахаром, миндалем и сушками. А Порубко с отцом приняли по стопочке старки за успешное завершение того «порохового похода», из которого они вернулись не отроками, но мужами...

...

В Севастополь «Гаджибей» прибыл к полудню, когда с полукруглого о двух ярусах белой Константиновской батареи гулко и туго рванула воздух полуденная пушка. Пароход стал под разгрузку в квадратный ковш Артбухты, а отец с сыном, оставив дорожные вещи в каюте («Гаджибей» собирался в обратный путь через три дня), сошли в город. Первым делом они поднялись на центральный холм, увенчанный белым храмом с цветными - красно-синезелеными - круглыми оконцами в роде судовых иллюминаторов. В наружные стены главного храма Севастополя были вделаны мраморные плиты с именами павших адмиралов. Сняв фуражки и взяв их, как положено, в левую руку козырьком вперед, Колчаки старший и младший поднялись на паперть. С замиранием сердца Саша вошел под высокие своды в полумрак, слегка расцвеченный цветными бликами. Слева по всей стене поблескивали золотом беломраморные доски с именами Георгиевских кавалеров, получивших эти знаки высшей воинской доблести во дни севастопольского стояния.

Купив свечи Василий Иванович, забыв о сыне, стал возжигать их одну за другой перед заупокойным крестом, потом долго писал поминальный список: «Помяни, Господи души убиенных воинов твоих: «Петра, Феодора, Степана, Алексея, Николая, Василия, Михаила, Карпа, Александра...»

Позже Саша прочтет в книге отца «Война и плен»:

«... Беспредостанно падавшие снаряды поражали то человека, то станок, то орудие, то падая в толщу насыпи, разворачивали ее и превращали в безобразную грудку земли. Вот затлелись от бомбы туры и фашины. Солдат хватает мокрую швабру и, перекрестившись, влезает в забрасываемую снарядами амбразуру - пожар потушен, солдат убит. Впрочем, о смерти не задумывались, да и некогда просто было. Вот взвизгнуло ядро, пролетевши через самую середину амбразур. Здоровый, красивый матрос, наводивший орудие, с улыбкой что-то приговаривая к выстрелу, незаметно осел, съежился, согнулся - и медленно, почти плавно рухнул наземь. Ядро снесло ему полчерепа. Рядом стоящий товарищ сорвал с себя фуражку, нахлобучил торопливо на кровавую голову мертвеца и спокойно заступил на его место. Весь забрызганный кровью своего предшественника, он хладнокровно наводил орудия, держась правой рукой за клин и отдавая команду прислуге. Ни секунды не было потеряно, и ответный выстрел загремел в свой черед...»

Если бы прапорщик морской артиллерии Василий Колчак написал свою «Войну и плен» прежде «Севастопольских рассказов» поручика горной артиллерии Льва Толстого, его литературный успех в России был не менее заметен, чем дебют его собрата по оружию. Но он сподобился написать свою хронику лишь спустя полвека после пережитых событий.

Помянув соратников по Гласисной батарее, полковник Колчак спустился по приалтарной лестнице в крипт - нижний храм, где под напольным крестом из черного мрамора покоились останки великих севастопольских адмиралов - Лазарева, Истомина, Корнилова, Нахимова...

ОРАКУЛ-2000:

Лежать бы и адмиралу Колчаку вместе с ними, если бы смерть подкосила его на три года раньше, чем пришла к нему. Но и останки великих адмиралов не пощадили: в двадцатые годы «археологи» из НКВД пытались обнаружить в усыпальнице адмиралов драгоценные ордена на истлевших мундирах, кортики и сабли с золотыми эфесами. До них это пытались сделать англичане с французами - сразу же по горячим следам по не остывшим от пожарниц севастопольским камням, в 1918 в гробнице шарили кайзеровские любители старины. В 1942-ом фашистские офицеры. В 1992 году кости героев Севастополя шустрый питерский студент увез в коробке из-под бананов в Ленинград, еще не ставший Петербургом. Якобы на судебно-медицинскую экспертизу. Те ли черепа, не те - неизвестно до сих пор. Но в тот же год некий шофер из Иркутска заявил телерепортеру, что он знает, где лежит скелет адмирала Колчака.

Лихолетье России уравнило их истинные могилы в безвестье... Остались только кресты, где были первоначально похоронены севастопольские адмиралы, где был расстрелян Колчак, где была убита семья отрекшегося императора. Некрополь великих сынов России исчез, как град Китеж...

Из Владимирского собора Василий Иванович повел сына крутыми трапами-спусками в сторону вокзала, точнее в горную слободу Бомборы. Город еще хранил многие следы военного разрушения: то тут, то там попадались руины домов с пустыми глазницами, пробойны-проломы в каменных заборах, Саша набрал целый карман штуцерных пуль и чугунных осколков.

Севастополь слишком долго почти до скобелевских побед в Болгарии простоял в развалинах, без права держать в своих бухтах военные корабли. И вот за шесть последних лет он стал оживать, отстраиваться заново. Год назад, пояснял Василий Иванович сыну, на стапелях севастопольского адмиралтейства были заложены первые в мире многобашенные броненосцы «Синоп» и «Чесма». Да и сейчас хорошо было видно с высоты как дымили в Южной бухте военные пароходы, как белели паруса сновавших пакетботов.

Морская синева была ровно налита во все разрывы городского ландшафта. Местами она стояла выше крыш, местами пропадала за взгорбьями холмов. Колонна Затопленным кораблям белела как поминальная свеча в честь севастопольских героев.

- Куда мы идем? - Спросил Саша, подбирая очередной осколок.

- В Бомборы, в слободу отставных бомбардиров. Там живет Павел Лукич

Рогов, бывший канонир нашей Глассисной батареи. Я ему жизнью обязан.

Только тут Саше заметил, что отец несет в руке небольшой, но увесистый сверток.

Когда столичный гимназист увидел этот крутой склон, заросший айлантом, дерезой и прочей дикой зеленью, сквозь которую краснели углы черепичных кровель, он не сразу понял, что там живут люди. Как можно ютиться на такой крутизне? Носить туда воду, дрова, хлеб и прочую провизию? Так могут селиться разве что горные ласточки, чьи гнезда торчат одно из-под другого. Но так жили в Бомборах люди. Множество семейств, осевших в Севастополе отставных солдат и матросов, большей частью из бомбардиров давно минувшей войны, освоили каменистый склон, как смогли, настроили домиков-мазанок, налепили дворики с подпорами, насадили в долбленных ямах яблонь, абрикосовых, вишневых, грушевых, персиковых, ореховых деревьев, и, похоже, вполне примирились с неудобствами косогора.

Домик старого канонира Павла Лукича Рогова они отыскивали не без помощи местных пацанят, которые с нескрываемым восторгом взирали на гимназическую форму нездешнего мальчика и серебряные погоны полковника с острой черной бородкой и совершенно лысой головой. Они сопровождали столь редкостных гостей в Бомборах до самой верхотуры, где на третьем ярусе книзу крепился невесомый как к скале белый мазаный домик в два голубых окошечка. На пронзительные вопли мальчишек вышел хозяин домика - дед Павлуха в белой холщевой рубаше с закатанными рукавами,

- Господи Сусе, Василий Иванович, ты ли голубчик?! И с сынком никак?! Вот ведь радость-то какая вышла. Вот ведь случай сподобился!

Василий Иванович снял фуражку и они облобызались, после чего старик почему-то заплакал. Но тут же пришел в себя и зычно крикнул домочадцев:

- Варька, Глашка - жив-ва стол накрывайте! Гляньте кто к нам пожаловал-то!

Из домика выскочили обе снохи Павла Лукича, потом выплыла сама хозяйка прелюбезная Марфа Карповна и в крохотном дворике закипело столпотворение вокруг столика под куцым виноградным навесом. Откуда-то возник и старший внук отставного бомбардира Степка. Вихрастого Степку с облупленным конопатым носом совсем не смутило гимназическое величие юного гостя. Он тут же потащил Сашу еще выше - на самую макушку Бомбор, которую еще не успели застроить и где в рыхлых кремовых камнях у него были спрятаны главные сокровища: старое бомбическое ядро, жестянка с пуговицами от английских, французских, сардинских и русских мундиров, нерасплющенные штуцерные пули, здоровенные, как бутылочные пробки, английский тесак, два бомбардирских погона...

Отсюда, с новой высоты, город открывался в новом величии. Море входило в город глубоко и извилисто, всеми своими многорогими бухтами. В разрывах крон виднелись корабли и бастионы.

- Вона - там Лазаревские казармы, там матросы живут. А вон - Царская пристань, туда царева яхта приходит. А за ней Минная стенка - корабли при ней стоят. А дальше на том берегу - Михайловская батарея. А то - Павловская. А

вона - Малахов курган!

Степка втянул воздух чуткими ноздрями и распорядился:

- Наши за стол садятся! Айда скорее, а то ничего не останется.

За столом, сколоченным из старых, но крепких корабельных досок, накрытых льняной скатеркой сидели под виноградной сенью гость и хозяин дома. Мальчиков посадили рядом, заставив Степку отмыть руки с мылом. У Саши ладони тоже почему-то оказались в ржавчине, глине, черной смоле... Он с восторгом оглядывал крохотный дворик и домик, как бы нависший над бухтой и городом. К тому же, как пояснил Степка под черепицей жили белки, воровавшие у деда и у соседей грецкие орехи, а на самой кровле грелись зобастые ящерицы-гекконы, похожие на маленьких китайских дракончиков.

Обед был великолепен! Во всяком случае в Питере такого Саша никогда не пробовал: в глиняных мисках дымила наваристая уха из барабулек и бычков, приправленная сладким красным перцем, затем одна из снох поставила на стол большое блюдо с голубцами в виноградных листьях, политыми сметаной, затем появились оловянные парадные кружки полные черешневого киселя. А посреди стола в граненом графинчике рдело вино из шелковицы. Рядом же возвышалась бутылка шустровского коньяка, привезенного полковником морской артиллерии из самого Петербурга.

Первую чарку Василий Иванович и Павел Лукич подняли за убитого пулей в сердце через амбразуру батарейного командира лейтенанта Юрьева, потом за славного тезку канонира Рогова и конечно за адмирала Павла Степановича Нахимова.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «В роковой день 26 мая мы потеряли нашего батарейного командира лейтенанта Юрьева. - Сетовал в своих записках Василий Иванович Колчак. - Тяжела, мучительна была служба на кургане, да и всюду в Севастополе. Вконец подорванные непрерывными потрясениями нервы совершенно притупились, и только гнет какой-то лег на плечи. Этот гнет спаял в моем представлении все пережитые дни в одну сплошную, однотонную массу физических и нравственных страданий. На фоне ее резко выделились моменты сильнейшего подъема чувств. Одним из таких моментов для меня была смерть Юрьева. Проходя по батарее, он остановился у одной из 24-фунтовой пушек во время ее заряжания. Матрос вынул из принесенного кокора заряд (помню даже - в красном мешке), хотел вложить его в канал орудия, тяжело был ранен осколком гранаты, лишился чувств и уронил заряд на платформу. Юрьев моментально поднял заряд, схватил прибойник для заряжания и - незаметно, вдруг - склонился на дуло орудия. Он не произнес ни звука, ни стога. Смерть наступила мгновенно. Пуля через амбразуру поразила его в сердце.»

Отдохнув с дороги и после сытного обеда, дождавшись, когда спадет полуденный зной, Василий Иванович и Павел Лукич в сопровождении Саши и Степки тронулись в путь к Малахову кургану. На сей раз Колчак-старший взял извозчика, на котором все вчетвером приехали в самый центр Севастополя. Степка первый раз ехал в пролетке и потому сидел притихший и гордый, поглядывая по сторонам в тщетной надежде узреть на тротуарах кого-нибудь из

знакомых. Саша полагал, что Малахов курган возвышается посреди города, как тот холм, на котором стоит Владимирский собор. Но оказалось, что до него еще добираться и добираться. Сначала они прошли сквозь невысокую, но торжественную колоннаду Графской пристани, спустились по гранитной лестнице к причалу, откуда к вящей радости обоих мальчишек пересели на небольшой катер-паровичок, который через полчаса доставил их на Корабельную сторону. Затем долго шли мимо Морского госпиталя до Апполоновой слободы, поднялись через одну из арок старинного лазаревского акведука в гору и, наконец, предстали у подножья широкого не очень, впрочем, высокого взгорбья.

- Вот тебе, Сашок, и Малахов курган! - Сказал Василий Иванович, снял фуражку и размашисто перекрестился. То же сделал и Павел Лукьянович Рогов, который по случаю такого похода обрядился в старый бомардирский мундир с унтер-офицерскими погонами.

- Пап, а кто такой Малахов?

- Шкипер был, пьяница несусветный при адмирале Лазареве еще... Жил под самым Курганом, с тем и попал в историю. Да не в нем суть. - Роковое место этот курган: адмиралу Истомину оторвало ядром голову, потом тяжело ранило опять же ядром адмирала Корнилова, а потом пуля ударила в висок адмиралу Нахимову. Адмиральская Голгофа... Да и матросская тоже.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Жизнь на кургане становилась все тяжелее и мучительнее. Убыль людей увеличивалась со дня на день. От прицельных выстрелов мы еще в некоторой степени были защищены земляным бруствером толщиной около 20 футов и до 8 футов в вышину, но от навесного огня спасения не было...

...Посмотрел - весь низ моей шинели в клочки изодран осколками гранат, очевидно проскочивших у меня под ногами во время бега. И ни одной царапины. А ведь я слышал у самых ушей своеобразное порханье осколков, самого малого из которых вполне достаточно было бы, чтоб отправить меня к праотцам...

В этом же месяце Малахов курган лишился своего начальника, капитана 1 ранга Юрковского. Обходя батареи, он направился к башне и встретил по дороге капитана Станиславского. Разговаривая с ним, Юрковский остановился у самого входа в башню. В это время близко над ними разорвалась бомба и осколками тяжело ранило в бок Юрковского. Станиславскому же оторвало пальцы на ноге. Ему два раза делали ампутацию, но он не перенес ее, несмотря на свое атлетическое сложение, и через две недели скончался от гангрены. Юрковский прожил всего несколько дней.»

Они поднялись на самый верх по дорожке окаймленной туями, бересклетом, акациями - к оборонительной башне, с стен которой еще не исчезли выбоины от осколков вражеских бомб и ядер. Неподалеку стоял крест над братская могила русских и французских солдат. На нем Саша прочитал вслух надпись: «Смерть примирила их здесь».

Кто мог подумать, что декабре 1917-го здесь снова прольется кровь русских морских офицеров? По наущению большевистских вожakov их будут расстреливать свои же русские матросы - «во благо мировой революции». Пройдет слух, что среди расстрелянных был и мичман Горенко, брат известной поэтессы Анны Ахматовой. Она откликнется на эту жуткую весть строчками, которые станут эпитафией всем, для кого Малахов курган стал офицерской Голгофой.

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

В ночь с 15 на 16 декабря кровавого 1917 года было убито 23 офицера, среди них - три адмирала и генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства, командующий Минной бригадой капитан 1 ранга И. Кузнецов, частенько бывавший в доме Колчаков.

* * *

...

День завершился поездкой на Братское кладбище, чей пирамидальный храм, похожий на солдатский шатер, белел на том берегу главной бухты. Не было в мире более светлого, более солнечного кладбища, чем эта севастопольская Валгала, напоминавшая скорее дворцовый парк, чем некрополь. Среди вечнозеленых туй, стоявших меж белых обелисков и склепов, как зачехленные знамена, разбегались по склону этого последнего бастиона, который не взять никому никаким приступом, дорожки, проложенные к полковым плитам. Лишь один раз вздрогнул Саша: из сухой прокаленной земли торчал корень, похожий на человеческий локоть.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «Раздался крик "французы!". Карпов, проходивший около башни в свой блиндаж, велел пробить тревогу; но барабанщик бью убит, и тревогу протрубил стоявший тут же горнист. Послышалась частая, будто горох сыпался из мешка, перестрелка. В момент приступа я находился на левом фесе Гласисной батареи, у крайнего 68-фн. орудия, заряженного мелкою картечью с ядром. Я видел, как ряды синих мундиров смешались и рассеялись после выстрела, но взвившаяся пыль и пороховой дым скрыли от меня

остальное.

Несколько выстрелов, разумеется, не могли удержать движения одушевленных масс. Французы все шли и шли вперед к кургану. Я поднял первый попавшийся палик с дымящимся фитилем, схватил ручную гранату и пробежал к правому фасу батареи. Но здесь не удалось сделать ни одного выстрела. Орудия были или засыпаны землею, или подбитые лежали на сломанных станках. Французы, вскочившие в ров, по лестницам быстро взобрались через амбразуры и бруствер на батарею. Началась рукопашная схватка. На площадках кургана наши солдаты отдельными группами боролись с подавляющею массою французов. Дрались с ожесточением - штыками, прикладами, банниками, кирками, лопатами, всем, что было под рукою, чем попало, даже камнями. Шагах в 10 от Гласисной батареи, близ башни, лежал генерал Буссау. Окруженный небольшим числом наших солдат и ополченцев, бросился он к батарее, но зуавы стреляли по ним почти в упор, как в мишень. На батарее Жерве, внизу, с правой стороны кургана, бился князь Багратион во главе дружины 47-го курского ополчения. Ополченцы с топорами бросились на французов. Неприятель подавил их только массою.

Рядом с нашей батареей, на правом переднем фасе кургана, был редан в 3 орудия: одно из них действовало по бывшему нашему Камчатскому люнету и два - на случай штурма. Командир редана, прапорщик конной артиллерии Постников, в первые минуты штурма долго защищался. Завязался страшный рукопашный бой. Нахлынувшая масса зуавов и венсенских стрелков бросилась на горсть мужественных защитников редана. Постников и его команда были буквально подняты на штуцерные тесаки (*sabre-baïonette*), которые играли у неприятеля роль наших штыков. Как теперь помню симпатичное, молодое, с еле пробившимися усами лицо этого храбреца. Постников недавно был выпущен из корпуса и по прибытии в Севастополь прямо назначен на Малахов курган. Он часто заходил в наш блиндаж по вечерам побеседовать и посмеяться после тяжелого, томительного севастопольского дня.

Не зная, что делать, я искал батарейного командира. Только хотел я спуститься с батареи по трапу, как вдруг наткнулся на колонну алжирских стрелков (*Tirailleurs Indigènes*). Их зверские черные лица дико смотрели по сторонам. Колонна шла скорым шагом, с ружьями наперевес, от батареи Жерве к башне. В глазах у меня запестрело от их красных, синих, белых плащей; капюшоны надеты на голову, придавая и без того свирепым физиономиям еще более грозный вид. Я инстинктивно бросился обратно, на левый фланг батареи. Тут все смешалось - матросы, солдаты, французы. В неприятельских траншеях еще раздаются сигнальные звуки труб и барабанов. Всюду звенят шомпола, слышен треск, стук оружия, крик, гам и стоны раненых. Вот уже на бруствере развевается трехцветное знамя!... Вдруг я почувствовал сильный удар в плечо, упал, не мог подняться, но не терял сознания. Я видел, как минутой позже моего падения взойшел на батарею по мостику, переброшенному через ров, французский генерал Мак-Магон. За ним шел довольно многочисленный штаб. Офицеры были в полной парадной форме, щегольски одеты, в новых блестящих эполетах, разноцветных востреньких кепи, с обнаженными шпагами

в руках. Почему-то они остановились около места, где я лежал. Видя, что я приподнимаюсь и не могу подняться, один из офицеров помог мне. Очутившись среди блестящей свиты Мак-Магона, я вдруг заметил, что сапоги мои и шинель в крови, и на правой руке рана. "Ура" то близилось, то глухо звучало вдали, мешаясь с криком: "Vive l'empereur!" Французы овладели уже Гласисной батареей. Между орудиями и около них валялись убитые и раненые, большею частью наши матросы и солдаты. Малахов курган был занят. На башне также развевался трехцветный флаг. Кто-то закричал, по-видимому отдавая приказание; ко мне подошли два молоденьких солдата, почти мальчики, тоже раненые. Они отправлялись на перевязочный пункт и попросили меня за ними следовать. Но я так ослабел и чувствовал такую сильную боль в плече, что с трудом мог двигаться. С раннего утра я ничего не ел, а все, что пришлось пережить в эти истинно ужасные минуты, сжимало сердце томительною болью».

...

На обратном пути отец дал по рублю двум сторожам-ветеранам, несшим вахту у железных ворот.

- Эх, мне бы здесь лечь после трудов земных... - Вздохнул Василий Иванович, оглядываясь на Братский стан. Будто чувствовал - не суждено ему иметь своей могилы. Успенское кладбище в питерском селе Мурзинка, где упокоят его останки в 1913 году рядом с могилой жены, снесут в советские времена, и на их безвестных костях возведут очередной жилой массив.

* * *

Обратно в Одессу возвращались на вполне родном уже «Гаджибее». Ночью Саша вышел из каюты на палубу. Экономя топливо, пароход шел под парусами, благо попутный ветер позволял идти почти той же скоростью, что и под парами. Падали звезды и паруса казались огромными сачками для ловли этих стремительных мотыльков. Верхушки мачт покачивались среди созвездий; туго обтянутые снастями мачты походили на стрелы, нацеленные лучником в небо. Переблесками лунной дорожки море таинственно роднилось с ночными светилами.

Весь Колчак, каким он известен миру - Колчак-Полярный, Колчак- Порт-Артурский, Колчак-Балтийский, Черноморский, Сибирский пошел от той самой первой детской встречи с Севастополем.

Военный риск отца, его умение преодолевать страх и делать под навесом смерти то, что нужно для боя - все это, что коротко зовется словом «мужество», войдя в кровь отца, передалось генетически и сыну.

Много лет, спустя, когда вице-адмирал Колчак командовал Черноморским флотом, он в урочный час велел шоферу ехать в Бомборы. Автомобиль с трудом одолел крутизну единственной в слободе проезжей дороги. Адмирал выбрался из авто с полпути и пошел пешком, повинуюсь памяти детства. Домик старого бомбардира был еще цел, но самого хозяина Бог прибрал еще на исходе

века. О Степке Рогове удалось узнать, что сложил он свою матросскую голову в Порт-Артуре на эскадренном броненосце «Севастополь», которым командовал тогда незабвенной памяти Николай Оттович Эссен.

Адмирал молча спустился к автомобилю.

ОРАКУЛ 2000

Мог ли предположить Василий Иванович, отбивая на Малаховом кургане атаки англичан и французов, что сын его станет британским офицером, внук - французским солдатом, а праправнук - американским? Но все произошло именно так...

Глава вторая. «НАДО КОЛЧАКА СПРОСИТЬ»

Осенью 1888 года 14-летний Саша Колчак впервые надел не матросский костюмчик, купленный мамой в конфекционе, а флотскую робу кадета, сшитую в швальне Морского кадетского корпуса портными-матросами. Из 3-го класса гимназии он перевелся в Училище «и по собственному желанию, и по желанию отца». Не возражала против выбора сына и мама - Ольга Ильинична, брат которой - дядя Сережа - был морским офицером.

...

«В канцелярию Морского Училища
Подполковника Колчака В. И.

Прошение

Желая определить на воспитание в младший подготовительный класс Морского Училища сына моего АЛЕКСАНДРА КОЛЧАКА, я, нижеподписавшийся, имею честь представить при сем метрическое свидетельство о рождении и крещении его, и мой послужной список.

Если по принятии Александра Колчака в Училище, начальство оного признает нужным исключить его вследствие дурного его успеяния или поведения, а также вследствие таких болезней, которые препятствуют службе на флоте, то я обязываюсь, по первому требованию Училища, без замедления взять его обратно на свое попечение.

Марта 22 дня 1888 года.

Подполковник Колчак

С-Петербург,

Поварской пер., дом 6, кв. №6»

...

Первое знакомство с будущими однокашниками вышло не очень веселым. Некий рослый и разбитной кадет-переросток, явно кичившийся тем, что в Корпусе он, как у себя дома, стал раздавать направо и налево клички оробелым новичкам.

- Колчак? - Переспросил он, когда Саша назвался, - Ха-ха! Стульчак! Колчак-Стульчак!

Саша побледнел, крепко сжал кулаки и негромко, но твердо заявил обидчику:

- Если вы еще раз меня так назовете, я ударю вас по лицу!

Рослый кадет несколько озадачился, но быстро нашелся:

- А зачем вам кличка?! У вас фамилия такая, что и клички не нужно - Колчак!

Откуда ему было знать, что древняя тюркская фамилия означала «боевая рукавица», что один из прапращуров погребен на почетнейшем кладбище янычаров в Стамбуле.

Необычная фамилия доставляла немало проблем и Сашиному отцу, дружившего с композитором Бородиным. Василий Иванович много и подробно рассказывал ему то, что, правда, сам знал из исторических книг - о жизни половецких ханов и их воинов, про своего исторического предка трехбунчужного пашу Колчака. Бородин в тот год напряженно работал над оперой «Князь Игорь». Своего половецкого князя он назвал Кончаком по созвучию с древней фамилией друга. Какого же было его недоумение, когда после премьеры Василий Иванович не только не поздравил приятеля, но и вообще перестал с ним здороваться. Позже выяснилась причина его гнева:

- Как вы могла назвать половецкого хана Кончаком?! Это же в переводе - «штаны». Хан Штаны! Колчак - другое дело: это означает «боевая рукавица».

...

Звезда Александра Колчака начала свой взлет уверенно и круто. В Корпусе он шел все время первым, реже вторым.

В 1892 году Саша нашивает на свои погончики две золотистые лычки младшего унтер-офицера. Это его первое повышение в чине.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить». Это слова однокашника «ментора-энциклопедиста» Д.В. Никитина, ставшего контр-адмиралом.

И еще одно гардемаринское свидетельство человека, который с молодых ногтей и до первой седины в волосах пойдет за Колчаком всюду, куда тот его позовет. Михаил Смирнов, кадет младшей роты, впервые увидев гардемарина Колчака с унтер-офицерскими лычками, назначенного в роту фельдфебелем, напишет, будучи контр-адмиралом так:

«Колчак, молодой человек невысокого роста с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы, тринадцатилетние мальчишки, чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться,

чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь».

Питерский историк Константин Богданов отмечает:

РУКОЮ ИЗЫСКАТЕЛЯ: «В Корпусе его более всего интересовали военные науки, при этом морскую артиллерию он, помимо официальной программы, изучал на практике на Обуховском заводе. Бывавший на заводе и гостивший в доме отца английский промышленник миллиардер Армстронг, нажившийся на производстве пушек и удостоившийся впоследствии звания лорда, оценил знания морского кадета по пушечному делу и предлагал ему в будущем должность инженера на своем заводе

Здесь же, на заводе, юный Колчак по собственной инициативе приобрел навыки слесарного дела».

...

15 сентября 1894 года Государя Императора Александра III Александр Колчак был произведен в первый офицерский морской чин - мичман. Главная радость этого года была омрачена смертью мамы. Ольга Ильинична скончалась в одночасье, не дожив и до сорока лет. Ее отвезли на тихое Успенское кладбище в пригородном селе Мурзинка. Впервые Александр видел всегда веселого насмешливого отца плачущим. Да он и сам не сдерживал слез, против воли скатывавшихся по щекам.

Василий Иванович всегда полагал, что именно он первым покинет сей бренный мир. Он был старше жены почти на тринадцать лет. На похороны приехал из Одессы ее отец, дед Илья Андреевич Посохов, ее кузены капитан 2 ранга Сергей Посохов (будущий контр-адмирал) и подполковник Андрей Посохов (будущий генерал-майор).

Второе событие, которое отметило тот черный год не только для мичмана Колчака, но и для всего флота, - было кораблекрушение броненосной лодки «Русалка». Она затонула в шторм на полпути из Ревеля в Гельсингфорс. Считалось до той поры, что море перед стальными кораблями с паровыми машинами - бессильно. Ан, нет... Потрясало и то, что никому не удалось спастись...

Девятнадцатилетний офицер прибыл в петербургский 7-й флотский экипаж. Весной 1895 года получил назначение на только что спущенный на воду крейсер «Рюрик».

В мичманах Колчак ходил три года. В декабре 1898 года он приколот на погоны лейтенантские звездочки. Но флотской жизнью своей был крайне недоволен: рутина, тина, тишь да гладь...

Глава третья. «НА ВАХТУ НАРЯЖЕН МИЧМАН КОЛЧАК!»

Ночь. Свеаборгский рейд. Крейсер «Рюрик», прикованный к морскому дну двумя становыми якорями, спит вполглаза. Ночную вахту - с полуночи до

четырех утра, самую мучительную для человеческого организма и потому «собаку» - отстоял мичман Антонов. Буркнув сменщику - мичману Матисену - «Все в порядке. На вахту свистали. Книга приказаний в рубке» - он ныряет в палубный люк, и не теряя минуты, блаженно засыпая на ходу спешит в свою каюту. «Собака» хороша тем, что на ней меньше всего распоряжений и дерготни - начальство почивает и слава Богу. А вот на вахту мичмана Матисена приходится побудка, приборка, подъем флага да и спать хочется зверски - не меньше чем, на «собаке». Но зато сменщику - мичману Колчаку - достанется пик утренней суеты.

Темна осенняя финская ночь. На шкафуте при тусклом свете электрических лампочек строится в две шеренги заступающее на вахту отделение. Новый вахтенный офицер выкрикивает номера матросов, распределяя их по постам огромного корабля.

Первый час этой вахты - самый тяжелый: голова сама собой клонится на грудь. Если присесть на минуту в рубке, хотя это и запрещено, то можно сквозь смеженные веки увидеть обрывки прерванного сна. Но только на минуту, делая вид, что читаешь книгу приказаний старшего офицера. И хотя большая часть приказаний относится к дневным вахтам, все же новый «вахтерцер» должен заглянуть в нее для порядка. Мичман Матисен, хоть и без году неделя на крейсере, но уже хорошо знает, как опасен соблазн посидеть в рубке. К черту книгу приказаний! Лучший способ прогнать дрему - сделать десять приседаний. И обойти всех вахтенных, а там и рассвет скоро...

За двадцать минут до склянок, с которыми закончатся его томительное бдение, Матисен подзывает вахтенного унтер-офицера:

- Доложи мичману Колчаку, что без 20 восемь.

Скатившись по трапу в офицерский коридор бывалый унтер осторожно стучит в дверь колчаковской каюты. Тишина. Повторный более громкий стук не вызывает в каюте никаких шумов, свидетельствующих о жизни ее хозяина. Тогда вахтенный распахивает дверь и перешагнув комингс, решительно трясет спящего за плечо:

- Так что изволите вставать, вашблародь! На вахту вам! Без двадцати восемь!

Он сочувственно смотрит на свою жертву - в такую рань самый сладкий сон. Особенно, если лег за полночь. На столе у мичмана ученые морские книги, опять зачитался, как барышня...

- Однако, ваш блародь...

- Уже проснулся... - Обманчиво бодрым голосом откликается мичман. - Ступай себе...

Однако унтера не проведешь.

- Пожалуйте на вахту! Время выходит...

- Отстань! - Сердится все еще спящий офицер. - Сказал же - встаю!

Сказал - еще не встал. Посланец вахтенного начальника подзывает вестового:

- Духопельников, не дай ему уснуть! Понял?! С тебя взыщется!

Матрос вырастает у изголовья оставленного на минуту в покое и потому

крепко спящего барина. Он укоризненно смотрит на него, потом решительно стаскивает одеяло.

- На вахту опоздаете! Времечка-та вона сколько! - Пугает он барина и тот, наконец, протирает глаза, хватается за часы, и убедившись что на все-про все остается 12 минут, проворно вскакивает в брюки, натягивает рубашку, бросается к умывальнику.

- Что ж ты, Духопельников, так миндальничаешь?! - Сердится Колчак. - Я ж тебе наказывал - лей воду на грудь и кричи «Потоп!»

- Жалко вас больно...

- А то, что я сейчас без завтрака останусь - не жалко?!

- Успеет еще, Лександр Васильич, это мы за минуту управимся. - Вестовой в мгновение исчезает. Колчак облачается в тужурку, хватается с вешалки шарф, кортик, фуражку и рысью в кают-компанию, где Духопельников уже поджидает его со стаканом горячего кофе, двумя булочками и ломтиком сыра с розочкой из чухонского масла. На бутерброд нет ни минуты, весь завтрак нужно прикончить за сорок секунд. Опоздание на вахту - единственное преступление в мичманском кодексе, которое не имеет никаких извинений, все остальные грехи подвержены компромиссам. Хрустящая хорошо пропеченная булочка исчезает во рту до половины и запивается обжигающим кофе. Вестовой сочувственно наблюдает за сверхскоростной трапезой - эх, не успеет барин булочку-то доест, вон уже старший офицер принимает доклад вахтенного:

- Ваше высокоблагородие, через пять минут подъем флага без церемонии.

- Доложи командиру, - кивает старший офицер, поправляя фуражку. Только тут он замечает мичмана, судорожно проглатывающего кусок булки.

- Александр Васильевич, ты на вахту?

На крейсере все офицеры на «ты». На «вы» переходят лишь тогда, когда отношения резко портятся или в сугубо официальных случаях.

- Так точно, Николай Александрович!

На вторую булочку остается двадцать секунд, но ее уже не съесть. Начинается инструктаж:

- Затупишь на вахту, спусти паровой катер, а номер «раз» подними. Второй гребной катер - послать на берег на песок, выдраить его как следует. На нем же отправь мыть артиллерийские чехлы. Боцман знает какие. Маты тоже не забудь.

- Есть, есть!... - Отвечает мичман, пытаясь запомнить сквозь сонную одурь скороговорку распоряжений.

- И последнее: к 9 утра капитанский вельбот к трапу, командир едет к адмиралу. Не забудь «шестерку» послать за провизией пораньше. А то склады на обед закроют, а наши балбесы с ленточками «Рюрика» будут два часа по городу шататься, неровен час на начальство нарвутся.

Сверху доносится крик Матисена:

- На флаг! На гюйс! Смирно!!

Всё - пора наверх. Командир уже вышел.

- Флаг и гюйс - поднять!

Торжественно закурлыкал медный горн. Все, кто на палубе встали к борту с поднятыми к козырькам ладонями.

- Вольно! Свистать на вахту!

Это последняя команда Матисена, и он отдает её с превеликим удовольствием. С первой же трелью боцманской дудки фуражка мичмана Колчака появляется над комингсом люка, поправляя кортик, он бодро подходит к однокашнику.

- Здорово, Федя!

- И тебя тем же концом... Принимай вожжи. Все распоряжения до подъема флага выполнены. Все о, кей! Второе отделение на вахте.

При слове «распоряжения» новый вахтенный начальник чувствует некоторое смущение, поскольку не совсем уверен, что запомнил все, что ему поручил в кают-компании старший офицер.

Уточнить бы у него еще раз, но это лишний повод дать ему понасмешничать. Староф и без того остер на язык. Да и поздно. Он уже у командира на утреннем докладе. Заглянуть в книгу приказаний? Это мысль! Но увы, в книге по его вахте еще ничего не записано. Что же делать? Он всего столько наговорил... Разве запомнишь на дурную со сна голову? Духопельников, верблюдов, поздно разбудил. Говорят, если хорошо растереть уши, то это обостряет память.

Мичман Колчак яростно трет уши, они горят рубиновым огнем, но кроме того, что капитанский вельбот к трапу да постирать чехлы, ничего не вспоминается. Последняя надежда - старший боцман Никитюк.

- Рассыльный, позвать старшего боцмана!

Но Никитюк сам идет вперевалку навстречу.

- Серафим Авдеич, не говорил ли вам старший офицер насчет работ на утро?

- Так точно, ваше благородие, говорили. Паровой катер спустить, гребной поднять. Чехлы мыть.

Да, да - поднять, спустить, молодец боцман. Но что-то еще было.

- И все?

- Кажись, все!

Ладно, начнем аврал, а там вспомнится. Колчак выходит на шкафут:

- Гини второго парового катера - развести! - Командует он. - Свистать обе вахты наверх, на гини становись!...

Он поднимается на мостик, откуда виднее спуск тяжелого катера. Дело это опасное - легко покалечиться, а то и насмерть матроса придавить. Хорошо хоть не на волне...

- Готова, ваш блаародь! - Докладывает боцман снизу.

- На гинях! Гини нажать. Ходом гини! - Как учили в Корпусе нараспев командует мичман. Никитюк зорко следит за приподнимающимся с киль-блоков катером. Белая махина катера медленно вываливается за борт, покачиваясь над водой. Стопора сняты.

- Ги-и-и-ни травить! - Тянет Колчак, будто впрягает свой голос в нелегкую общую работу. Десятки жилистых матросских рук удерживают на гинях трехтонную тяжесть парового катера.

- Легче, соколики, понемногу травить! На стопорах не зевай! -

Подправляет боцман ход аврала, зная по печальному опыту иных спусков, как сжигают тросы кожу на ладонях при самовольном сходе катера на воду. Но в этот раз все обошлось. Катер на плаву и на нем уже разводят пары.

- Раздернуть! Катер на бакштов!

Обратным манером поднимают второй катер. Теперь самое время подавать к трапу капитанский вельбот.

- На первый вельбот! Вельбот к правому трапу! - Командует Колчак. - Рассыльный, доложи старшему офицеру и командиру, что вельбот у трапа! Запыхавшийся матрос бойко сообщает:

- Доложил, вашблародь, командир сейчас выходят!

- Четверо фалрепных на правую!

Первым появляется старший офицер. Он выходит на верхнюю площадку трапа взглянуть на гребцов. Дело серьезное - к адмиральскому кораблю идти. Там уж все на заметку возьмут.

- Фуражки поправить!... Грести враз. Наваливаться как один. Ты уж присмотри, Фролов! - говорит он загорелому квартирмейстеру, сидящему загребным.

- Не сумлевайтесь, вашсокродь, в чистом виде!

Колчак слегка уязвлен тем, что староф, как бы не доверяя ему, сам изучает гребцов и вельбот. Но с адмиралом шутки плохи. Командир и тот идет к нему на инструктаж с поджатым хвостом, и это не скрыть никакими молодецкими покриками.

Едва в дверях рубки возникает грузная фигура командира крейсера, как вахтенный начальник гаркает, что есть мочи:

- Смирно! Свистать фалрепных!!

Командир после контузии турецкой гранатой глуховат и всегда недоволен, что «командуют шепотом». Мичман Колчак, взяв под козырек, становится в затылок старшему офицеру, пожирая глазами, как положено, приближающегося командира. Как бы хотелось видеть в нем бравого морского волка. Но... Мичман Колчак обещает себе, что у него ни в какие лета не будет такого отвислого живота, такой свалывшейся бороды, хоть и подбритой по щекам по случаю визита на адмиральский корабль.

Это всем известный храбрец боев на Дунае тогдашний лейтенант, а ныне капитан 1 ранга Ш. По корабельному прозвищу Шабля. Ко всем прочим физическим недостаткам Шабля отчаянно шепелявит, но самое печальное то, что он не умеет держать себя с офицерами, то сбиваясь на явное амикошонство, то самодурно вмешиваясь в ход простейших событий. Сегодня Шабля встал в проникновенном расположении духа, поскольку пребывал в полной неизвестности причин адмиральского вызова. Всякий раз ему мнится, что флагман вот-вот объявят приказ о его увольнении в запас, ибо он давно уже выслужил все мыслимые для его чина сроки.

- Не беспокойтесь, господа! - Бросает он грустную и ласковую улыбку встречающим его офицерам. - Я сам... Я сам...

Вельбот ощутимо проседает под его тяжестью. Шабля снимает парадную треуголку и осеняет себя крестным знаменiem.

- С Богом! - Командует он.

Первый же взмах шести длинных весел выносит вельбот на добрую сажень от трапа, затем вторую, третью... И р-раз, и-два... Остроносое суденышко набирает скорость под дружные удары отборных гребцов-молодцов - гордости старшего офицера. Мичман Колчак, заглядевшись на красивую греблю, быстро спохватывается:

- Горнист! Захождение!

Печально-певучий медный глас величаво плывет над рейдом, будто крейсер прощается со своим повелителем.

После того, как гребцы зашабашили веслами у борта адмиральского броненосца, жизнь на крейсере снова вернулась в рабочую колею. Вахтенный офицер в должном порядке распорядился отправкой гребного катера с брезентами, чехлами, матами, ведрами и щетками на песчаный пляж.

- Матвиенко! - Крикнул Колчак старшине шлюпки. - Набери песочка - мелкого - сам знаешь для чего.

Матвиенко знал - для командирского кота, чтоб он утоп, прохвост гадливый! Сколько ж из-за него, подлеца, палубу перелопачивать приходилось. Шабля не прощала и малейшего пятнышка на палубе. В несвежей сорочке мог выйти на люди, но палуба на «Рюрике» всегда отливала ровной матовой поверхностью в цвет яичного желтка.

- Ваше благородие, разрешите обратиться? - за спиной мичмана стоял с поднятой к уху ладонью баталер Прошин.

- Обращайся. - Весело откликнулся Колчак.

- Так что насчет провизии, дозвольте спросить. Будет ли шестерка на берег?

Мичман чуть не хлопнул себя по лбу: Боже, какой верблюд! Про песочек для кота вспомнил, а про провизию... Ведь старшой просил непременно пораньше, а сейчас уже - страшно на часы глянуть - одиннадцатый час!

Вполголоса - вахтенному:

- Свистать на шестерку, артельщиков и буфетчиков наверх - к левому трапу.

Авось, староф не заметит. Но вахтенный унтер-офицер после посвиста дудки, как нарочно, заорал с дурацким рвением:

- Ар-р-ртельщики, буфетчики, ходи к левому тр-р-рапу!

«Ну, что ж ты так орешь?!» - Поморщился мичман. Но было уже поздно. Старший офицер быстро зашагал к нему.

- Александр Васильевич, что это значит? Ты только сейчас посылаешь шестерку?

- Виноват, Николай Александрович! Упустил из виду...

- Упускают бабы белье в проруби!... - Острая борода старшего офицера задрожала от негодования. Он резко перешел на «вы»:

- Не так уж много я вам поручал, чтобы забывать элементарные вещи! Это не прихоть и не каприз: сейчас они попадут в обеденный перерыв и будут шляться по городу. А потом пойдут толки, что у меня распушены люди. Понимаете, не у вас, и не у командира, а у меня, старшего офицера?!

От дальнейшего разноса Колчака спасает возглас сигнальщика:

- Вашесокродь, командир отвалили от адмирала!

Надо немедленно отзываться, надо править службу, как бы не снедал его гневным взглядом староф.

- Горнист - наверх! - Горестным голосом командует мичман. - Четверо фалрепных - на правую!

Хорошо Матисену, его вахта проходит под сенью ночи. Можно даже закурить в рубке, пряча огонек папиросы. А тут все утро в режиме чеховской Каштанки.

Вельбот несется, красиво рассекая волну. Белые усы под форштевнем взмываются вместе с шестью белыми всплесками ударяющих в воду весел. Гребцы откидывались почти навзничь, и в этот же момент вспыхивало облако брызг над разбитым гребнем. И-эх! Навались! И снова - назад вровень с бортом. Играет с ветром синекрестный флаг. Во всем мире нет красивее гребли, чем на русских капитанских вельботах. Школа!

Снова затянул протяжную величальную песнь горнист - захождение! Командир заходит. Замерли фалрепные на трапе, готовые в любую секунду подхватить командира, если гульнет под вельботом волна. Но Шабля тигром вспрыгивает на нижнюю площадку. От утреннего благодушия не осталось и тени. И староф, и вахтенный начальник вытянулись в струнку, ожидая бури. Мичман Колчак первым предстает перед гневливым начальником.

- Господин капитан 1 ранга, на крейсере Его Величества «Рюрик» вахту править наряжен мичман Колчак!

Обычно Шабля не дослушивает рапорта, отделяваясь старческим «Не беспокойтесь!». На сей раз он внимательно выслушивает ритуальную фразу и разглядывает вахтенного начальника так, будто видит его впервые. Не отнимая руки от козырька фуражки, Колчак делает уставной шаг влево.

- Очень плохо, что на крейсере Его Величества болтается за кормой овечий хвост!

И не вымолвив больше ни слова, тяжело переваливаясь, командир скрывается в дверях рубки.

Мичман Колчак застыл в оцепенении: неужели свисает пустой конец?

- Командуйте «отбой»! - Шипит старший офицер. - Чего вы ждете?

- Горнист, исполнительный!

Коротко вскрикнул горн, и Колчак опрометью бросается на ют. Но старший боцман, слышавший замечание командира, - это его позор! - опережает вахтенного начальника. Он же тычет кулаком под ребро дневального на бакштове, забывшего втащить конец, когда провизионная шестерка отвалила из-под кормы к левому трапу. Более позорного «гаффа» на вахте, чем конец, свисающий с кормы боевого корабля, придумать трудно. Колчак, кляня судьбину, и ставя в душе крест на морской карьере, возвращается на шкафут совершенно убитый. Однако, жалкий шут, говорит он себе, должен доиграть свою роль до последней уставной точки. Слава Богу, не сняли с вахты! Тогда только закрыться в каюте и револьвер к виску.

- На палубе прибратся! - А за четверть часа до полудня долгожданная

всеми команда:

- Пробу подать!

Старший кок в накрахмаленном колпаке и белоснежном фартуке шествует в чинном сопровождении старшего боцмана на шканцы. В руках серьезного до скорби кока-сверхсрочника - надраенный пуце солнечного сияния медный поднос, на нем ломоть ржаного хлеба, солонка и миска наваристого флотского борща с торчащим из темно-красной гущи шматком мяса при мозговом мосле. По докладу с вахты к ним выходят старший офицер и командир. Все, кто на палубе, замирают по стойке «смирно», дабы ничем не нарушить священнодействие. Командир берет с салфетки ложку, зачерпывает гущу и безбоязненно отправляет ее под рыжеватые усы - борщ в миске нагрет до той кондиции, когда снимающему пробу нет нужды дуть в ложку, а тем паче втягивать воздух на обожженный язык. Все предусмотрено, как и мозговая кость, торчащая посреди миски.

- Дозвольте ложечку, ваше высокоблагородие! - Заботливо воркует старший боцман и ловко выбивает в нее сгусток костного мозга - любимого лакомства Шабли. Никитюк перехватывает благодарный взгляд мичмана Колчака: спасибо, братец, умаслил дракона по первому разряду! Теперь злосчастный «овечий хвост» будет, наверняка, забыт.

Зажмурив глаза, командир слизывает с ложки нежную консистенцию, и расчувствованно уступает миску старшему офицеру. Тот при всей своей худобе обладает отменным аппетитом. Да и что может быть вкуснее флотского борща, приготовленного полтавскими коками, на свежем морском воздухе? Миска пустеет в мгновение ока. Оставив на белоснежной салфетке томатный след свой эспаньолки, старший офицер снова переходит на дружеское «ты».

- Корми людей, Александр Васильевич!

- Свистать к вину и обедать!

В ту же секунду раздольно и радостно залились по палубам «соловьи»: дудки боцманматов, созывающих «пьющих» к ендове с ромом. Крейсер недавно вернулся из заграничного плавания и потому в винном погребе стоят недостижимые для таможни бочки с ромом.

Старший офицер, утолив первый голод, степенно спускается в свою безраздельную вотчину - кают-компанию. Шабле накрывают в его салоне. Согласно вековой традиции обедать в кают-компании он может только по приглашению офицеров. Но зная его неровный нрав, офицеры редко пользуются своим правом. Командир тоже может приглашать к своему столу своих соплавателей, усмотрев в том особую причину. Шабля не любит трапезничать в одиночестве и сомнительное удовольствие делить с ним хлеб-соль чаще других выпадает старшему доктору. При этом Шабля, как капризный ребенок, которому каждую ложку нужно сопровождать сказкой, непременно требует от доктора сведений о пользе того или иного блюда, поданного на стол. Доктор, устав от лекций по биохимии пищеварения, стал сводить разговоры к страшным медицинским историям о прободных язвах желудка и циррозе печени, стараясь испортить сотрапезнику аппетит. Но нашел на свою беду очень терпеливого и заинтересованного слушателя.

- Да, да, цирроз... - Поддакивал он, - вот у моего цесця так разнесло печень, что ему прислось удалить совершенно здоровое легкое, поскольку печень уже не вмялась в животе.

Старший доктор округлял глаза и наклонял голову:

- Однако...

Старший офицер пребывал с командиром в весьма официальных отношениях, поэтому приглашения на совместные обеды получал редко. Зато в кают-компании он витийствовал:

- Вестовые, что у нас на закуску?

Буфетчик Козлов перечислял яства и если среди них оказывалась жареная навага, старший офицер расцветал так же, как Шабля при виде жареной печенки, которую терпеть не мог староф. Это было одной из причин их очень сдержанных отношений.

Окинув орлиным взором безукоризненно накрытый стол, он приглашал толпившихся в салоне офицеров.

- Господа офицеры, прошу!... Батюшка, благословите!

Корабельный священник отец Константин, откинув рукава подрясника, осенял стол святым крестом:

- Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им всем пищу во благовремени, и отверзаеши щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволение... Аминь!

Так наступило главное событие дня.

Мичман Колчак пришел к столу последним, поскольку сдавал вахту. «Комод» - закусочный столик с тремя графинчиками «хлебного вина № 18» или попросту водки - уже опустел. Мичман налил себе пол рюмки, *споловинил* ее и поддел на вилку одинокий гриб, спрятавшийся под смородиновым листом. Позабыть поскорее муторную вахту. Стоило для того, чтобы печься о песке для командирского кота, быть первым в Корпусе все три года...

Матисен по-дружески придвинул стул на мичманском «шкентеле» - самом дальнем конце стола. Он, как старший из мичманов, председательствует здесь так же, как старший офицер на «барском» конце общего стола.

- Зайди ко мне, получил свежую почту...

О том, что командир был у адмирала и что флагман весьма скептически отнесся к боевой выучке «рюриковцев», каким-то образом дошло и на мичманский «шкентель». Здесь не было двух мнений: Шаблю давно надо менять и если он еще командует новейшим крейсером со своими марсофлотскими понятиями о современной тактике, то это только потому, что грудь его украшает густой «иконостас» за дунайские подвиги. Но все попытки старшего артиллериста, старшего штурмана и старшего механика изменить боевые расписания применительно к новым скоростям и дальности стрельбы, натывались на непоколебимую веру Шабля в мудрость тех, кто правит флотом из-под «шпица» - золоченого шпица над питерским адмиралтейством. Скорая война на Дальнем Востоке заставит заплатить за эту косную «мудрость» страшной ценой.

СУДЬБА КОРАБЛЯ:

Спустя несколько лет крейсер «Рюрик», правда, с другим командиром, не Шаблей, - капитаном 1 ранга Трусовым примет мученический кончину в бою с японскими кораблями близ острова Цусима. Мичман Колчак узнает о том, как погиб корабль его мичманской юности, лишь в Петербурге после возвращения из японского плена.

В знаменитом бою отряда владивостокских крейсеров «Рюрик» разделил геройскую судьбу «Варяга», только еще более горшую. Истерзанный снарядами, едва управлявшийся корабль остался один на один с японской эскадрой из шести вымпелов.

После гибели командира офицеры «Рюрика» по старшинству сменяли друг друга в боевой рубке. Они поднимались туда, как на эшафот, залитый кровью своих предшественников. Капитану 1 ранга Трусову оторвало голову, и она перекатывалась в такт качке по скользкой палубе рубки; старший офицер кавторанг Хлодовский лежал в лазарете с перебитыми голеньями. Заступивший на его место старший минный офицер лейтенант Зенилов простоял в боевой рубке недолго: сначала был ранен осколком в голову, а затем разорван снарядом, влетевшим под броневой колпак... Настал черед лейтенанта Иванова-Тринадцатого. Оставив свою батарею левого борта, он поднялся в боевую рубку - броневой череп корабля. Мрачное зрелище открылось ему: исковерканные приборы, изуродованные трупы... Не действовал ни один компас.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «...Несомненно, крейсер был обречен на гибель или пленение,- вспоминал Иванов-Тринадцатый.- Только одна мысль, что окруживший нас противник из шести вымпелов постарается овладеть нами (как ценным моральным призом), заставляла возможно быстрее принять какое-то решение, так как наше действительное положение было такое, что достаточно было прислать с неприятельских судов четыре баркаса с вооруженной командой и они с легким и полным успехом могли подойти к крейсеру и овладеть им, так как при том разгроме, который царил на «Рюрике», не было никакой возможности оказать им должное сопротивление:

артиллерия была вся испорчена и молчала; abordажное оружие было также перепорчено, а живая сила команды, обескровленная пережитым боем, сделалась непригодной к серьезному сопротивлению. Не теряя времени, я отдал приказание мичману, барону Шиллингу, взорвать минное отделение крейсера с боевыми зарядными отделениями мин Уайтхеда. Боясь за неудачу или задержку отданного приказанья, а времени уже терять было нельзя, так как кольцо неприятельских судов без единого выстрела все суживалось вокруг «Рюрика», тут же я отдал приказание старшему механику, капитану второго ранга Иванову, открыть кингстоны затопления крейсера и об исполнении мне доложить. Выбежав на верхнюю палубу, я объявил о принятом решении и отдал распоряжение о спасении раненых из недр корабля. Но не насмешкой ли звучало мое приказание? Какое же спасение раненым и оставшемуся экипажу я мог предоставить? На этот раз только тихие и глубокие воды Японского моря в 40- 50 милях от берега и те плавучие средства, кои представляют

пробковые матрасы коек и спасательные нагрудники. Ни одной шлюпки не было в целости, все гребные и паровые суда были побиты в щепки. Часть команды начала доставать и расшнуровывать койки, другие начали выносить раненых из нутра судна на верхнюю палубу, прилаживать к ним спасательные средства и прямо спускать за борт. Надо было посмотреть на матросов и вестовых «своих благородий», которые с полным самоотвержением в ожидании ежеминутно могущего произойти взрыва проявляли заботу о раненых офицерах, устраивая то одного, то другого к спуску на воду. Я помню несколько эпизодов из этой заключительной сцены нашей драмы.

На юте с левой стороны лежал на носилках вынесенный с перевязочного пункта наш старший офицер капитан 2 ранга Николай Николаевич Хлодовский. Он был совершенно голый, грудь его высоко поднималась от тяжелого дыхания, ноги с сорванными повязками представляли ужасный вид с переломанными голеньями и торчащими костями. Около него возился вестовой матрос Юдчицкий, старающийся приладить под носилки несколько пробковых поясов, но это оказалось напрасным. Хлодовский, приподнявшись на локтях, открыл широко глаза, глубоко вздохнул и скончался на своем корабле. Идя дальше, на шканцах я наткнулся на лежащего ничком на палубе командира кормового 8-дюймового плутонга лейтенанта Ханыкова. Тело его было обнажено, и на спине, ниже левой лопатки, зияла громадная круглая рана, обнажавшая переломанные ребра, сквозь которые ясно было видно трепетанье левого легкого. Увидя меня, Ханыков умоляюще попросил меня его пристрелить, но так как при мне не было револьвера, я мог только его утешить, сказав: «Потерпи еще минуту, а там будет общий конец».

Тут же под кормовым мостиком полулежал наш младший доктор Бронцвейг, у него были перебиты обе ноги в щиколотках. Обещав сделать распоряжение приставить к нему людей для помощи, пошел дальше и вдогонку услышал: «Не надо, все равно я пропавший уже человек». Тут же навстречу попался наш старший механик капитан 2 ранга Иванов, доложивший, что четыре главных кингстона затопления уже открыты. Я приказал травить пар из котла и застопорить обе машины. Больше я его не видел, он потонул при крушении. В это время явился ко мне мичман барон Шиллинг и доложил, что взрыва минных погребов произвести не удалось, так как нет подрывных патронов. Действительно, часть из них хранилась в особом помещении рулевого отделения, уже затопленного, а другая часть взорвалась в боевой рубке. Я ответил, что теперь это безразлично, так как кингстоны открыты, крейсер наполняется водой, и мы не попадем в руки неприятеля. Дал ему поручение проследить за порядком спуска на воду раненых и за возможно быстрым исполнением этой задачи.

Крейсер уже заметно стал садиться в воду с дифферентом на корму и креном на левый борт. Я должен был, как последний командир корабля, еще раз обойти палубу крейсера, чтобы запечатлеть живее в памяти всю обстановку, а также посмотреть, много ли еще живых душ томится в его недрах и нуждается в помощи. Зайдя в боевую рубку, окинул ее и тело командира капитана первого ранга Трусова прощальным взглядом. Каким-то могильным холодом повеяло на

меня. Тут же вспомнил, что на последнем из живых офицеров лежит обязанность выбросить за борт тут же лежащий мешок со всеми сигнальными секретными книгами, шифрами и документами, а также и с колосниками для тяжести, с трудом вытащил на крыло мостика и выбросил его за борт. Конечно, в нашей обстановке, при гибели судна на глубине около 300 сажен, такая мера и не требовалась, но я уже не рассуждал и от физического переутомления, контузий и всего морального потрясения, пережитого во время действовал автоматически и по инерции, не считаясь со здоровым лом. На мостике я наткнулся на труп матроса, лежавшего на палубе, уткнувшись лицом в лужу сгустившейся крови, и вдруг этот приподнимая голову, обратился ко мне с вопросом: «А скоро ли конец, ваше благородие, и потопляться-то будем?» Я привожу этот случай, так как вид его запечатлелся у меня на всю жизнь и много преследовал в сновидениях и ночных галлюцинациях. Кожи и мяса на его лице почти не было, на меня смотрел единственный уцелевший глаз, казавшийся необычайных размеров, вставленный в голый череп смерти. Другая часть была совершенно разворочена. Это было черное, нечеловеческое лицо. Невольно отпрянув в сторону, я решил успокоить его, сказав, что сейчас пришлю за ним, и быстро гился по поломанному трапу на верхнюю палубу, оттуда через вой люк в батарею 6-дюймовых орудий, с намерением спуститься в следующую жилую палубу, но в этот момент почувствовал легкие содрогания корпуса судна и ясно ощутил, что крейсер быстро начинает валиться на левый борт, а дифферент сильно увеличивается на корму. Пробежав по батарейной палубе к корме, я через грот-люк выскочил на палубу, где с юта навстречу мне представилась картина бурлящей воды, поднимавшейся волной на верхнюю палубу, стоять на которой из-за сильного крена на левый борт, все быстрее увеличивающегося, было почти невозможно; я подполз к правому борту, где через барбет средней 75-мм пушки перешагнул через планширь борта, очутившись на наружном борту, поскользнулся и, усевшись на него, поехал, как на салазках с горки, но, дойдя до медной обшивки подводной части, уже обнаружившейся из воды, зацепился одеждой за какую-то медную заусеницу обшивки, и меня точно неведомая сильная рука прижала к корпусу судна, застелила зеленоватая масса воды, и я почувствовал, что державший меня крейсер увлекает в свою водную могилу. Когда через несколько мгновений швырнул на поверхность воды, перед глазами на миг я увидел таран крейсера, вставшего на попа на корму, и, перевернувшись на левый, он исчез под водой, а вдоль тихого, спокойного моря раздалось громкое, потрясающее «ура» плавающей на воде команды».

Все это будет через несколько лет. А пока на «Рюрике» объявлен благословенный «адмиральский час». Все разошлись по каютам добирать до «основного» сна законные полста минут. Мичман Колчак же направился в офицерский коридор левого борта, где в каюте под барбетом противоминного орудия квартировал мичман Матисен. В корреспонденции, которую доставляли ему с берега, частенько бывали свежие номера «Морского сборника» и «Известия Императорского Русского Географического Общества». Все, что касалось гидрологии морей, прочитывалось обоими мичманами с жадностью и

жаждой новых сведений.

Море... Это только для несведущего человека оно лишь грандиозное скопище воды. Колчак еще в Корпусе был захвачен тем, что Океан - это живая оболочка планеты, что так же разнообразен, как земная суша со всеми своими горами и степями, пустынями и ледниками, саваннами и джунглями... В нем струят свой бег глубинные реки и бушуют подводные гейзеры, он многослоен, как пирог и каждый слой живет по своим гидрофизическим, гидробиологическим законам, таинственно связанным с движением Луны и других светил. В его чудовищной толще вздымаются огромные внутренние волны или же возникают вдруг мощные вертикальные токи - апвеллинг... Океан могуче дышит меж двух ледяных чаш - Арктики и Антарктики; так меж двух разнополярных пластин струятся токи, рождающие невидимую силу, могущую сожигать и освещать, согревать и морозить, держать и двигать, убивать и воскрешать... В начале века еще не было термина «гидрокосмос», но именно он-то и манил молодого моряка, именно о нем-то он и вел речь с единственным на крейсере офицером, которому все это близко и понятно - мичманом Матисеном.

Был и еще один замечательный товарищ, к которому Колчак относился хоть и несколько покровительственно, поскольку тот был выпуском младше, но с затаенным уважением - мичман Костя Случевский. Сын известного русского поэта Константина Случевского Случевский-младший также писал стихи и при том неплохие. Младшие офицеры «Рюрика» порой вставляли его строфы в свои любовные послания. Однако музу мичмана Случевского питала морская стихия. Его эпиграммы на Шаблю и старшего офицера пользовались большим успехом, делая жизнь отважного пиита весьма рискованной.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Константин Константинович Случевский, мичман выпуска 1892 года, служил с Колчаком на «Рюрике» без малого четыре года - с 1895 по 1898. В 1900 году перешел в Гвардейский экипаж на императорскую яхту «Полярная звезда». Погиб лейтенантом в цусимском сражении на эскадренном броненосце «Император Александр III». Успел выпустить книгу стихов «С моря», которая хорошо была принята поэтической общественностью. На гибель флотского поэта Игорь Северянин откликнулся стихотворением:

Здесь лейтенант Случевский, в цвете лет,
Пел красоту природы прибалтийской,
Но послан в бой по воле злой царийской
У берегов японских пал поэт.

Александр Колчак назвал в честь друга мыс на острове своего имени.

После «адмиральского часа» была сыграна боевая тревога и начато общекорабельное артиллерийское учение. Мичман Колчак расписан помощником командира плутонга противоминных орудий правого борта. Командир батареи в береговом госпитале и Колчаку приходится исполнять все его обязанности. Он обходит орудия плутонга, проверяет установку прицелов по стрелкам циферблатов, управляемых электрическим током из боевой рубки.

- Горыня! - Подзывает мичман артиллерийского квартирмейстера. - Подать

беседку со светящимся снарядом.

Горыня резво бросается к переговорной трубе и дует в амбюшур так, чтобы сигнальный свист услышали в артпогребе. Но погреб молчит.

- У погреби! У погреби! - Взывает квартирмейстер к совести старшины перегрузочного отделения, известного лодыря, которому осталось служить до увольнения в запас всего три месяца. Офицеры в погреб, расположенный глубоко под ватерлинией, заглядывают редко. В этом укромном, хотя и небезопасном месте боцманмат Терещенко, может позволить себе многое из того, за что любого матроса, попавшегося на глаза начальству, непременно поставят под винтовку («стрелять рябчиков»), а то и отправят в карцер: например, дрыхнуть во время учений или нюхать махорку (не курить ума, слава Богу, хватает) или читать про похождения графа Нулина.

- Терещенко! Кому говорю... - Надрывается Горыня.

- Чиво надо? - Откликается, наконец, хозяин снарядного погреба.

- Накати светящийся!

- Да кто приказал? - Недовольно гудит переговорная труба. Надо же, только устроился на боковую, теперь выискивай на стеллажах светящуюся дуру в полпуда весом.

- Да ён приказал!

- Кто это ён?

- Ну ён же... Палутонговый! - Горыне неловко объяснять кто именно отдал ему приказ, так как мичман Колчак стоит рядом, раздраженно поигрывая темляком сабли. Он сам подходит как латунному раструбу:

- В погребе! Старшина!

- Есть, вашблародь! - Бодро доносится из недр корабля.

- Долго я буду ждать светящийся?

- Есть подать светящий!

И тут же взвыла лебедка, подающая беседку.

- Три раза повторить подачу! Десять секунд на каждую! Товьсь - ноль!

Под конец учений к борту крейсера подвалила та самая шестерка с провизией, которую забыл во время отправить мичман Колчак. Теперь перегружать с нее бочки, мешки, корзины, ящики - забота сменившего мичмана Колчака вахтенного начальника лейтенанта Петрова-Девятого. Это самый опытный вахтерцер на крейсере, любимец старшего офицера, который всегда ставит его в пример молодым мичманам вроде Колчака. Лейтенант правит вахту, как распорядитель бала - виртуозно, с шиком. Правда, сейчас предстоит не самое престижное дело - надо поднять бочку с кислой капустой. Петров-Девятый приказывает завести пару дополнительных оттяжек и бочка уверенно ползет вверх под мерный скрип талей. Но тут со шканцев раздается шепелявый голос:

- Лейтенант Петров, как вы поднимаете боцку?

- Стропом, господин капитан первого ранга!

- Кто-то из нас не знает, что такое строп.

- Никак нет, это строп!

- А я говорю - не строп!

У Шабли послеобеденное несварение желудка, он раздражен и крайне опасен. Однако, лейтенант Петров-Девятый проявляет безрассудное упорство.

- И все-таки это строп, господин капитан 1 ранга!

Перечить командиру? Да это почти бунт в глазах дунайского ветерана.

- Та- а- к! - Угрожающе тянет Шабля и, отыскав взглядом старшего офицера, спешит к нему.

- Николай Александрович, - меняя тон на обиженный, просит командир. - Смените лейтенанта Петрова с вахты!

- Есть. - Без особого энтузиазма отвечает староф и подзывает кивком головы невольного свидетеля инцидента мичман Колчак. - Александр Васильевич, примите, пожалуйста, вахту на оставшиеся полчаса. Лейтенант, которого впервые за всю службу так нелепо снимают с вахты, взбешен. Он молча сдирает с себя шарф, кортик...

- Продолжайте поднимать провизию стропом! - Делает он ударение на последнем слове.

Его бешенство передается командиру.

- Николай Александрович, - топает он ногой, - арестуйте лейтенанта Петрова на сутки! И приставьте к его каюте «пикадора».

- Мичман Колчак, чем вы будете поднимать боцки?

Колчак медлит с ответом - злополучная «шестерка» возвращается на его голову, как промахнувшийся бумеранг. Но кривить душой на миру?

- Стropом, господин капитан первого ранга.

Шабля вытаращивает глаза. Это явный заговор против него. Отправить под арест дерзкого мичмана? Но он уже сам чувствует, что переборщил с Петровым.

- Вот, Николай Александрович, - ищет он защиты у старшего офицера, - вот видите, как заразительно вольнодумство! Я не ожидал... Не ожидал-с!

Голос его слезливо дрожит, он резко разворачивается и скрывается в рубочной двери. Старший офицер бесстрастно отдает распоряжение:

- Александр Васильевич, продолжайте подъем провизии... Стropом! - Неожиданно добавляет он.

...

Ужин в кают-компании против обыкновения проходил без шуток, подначек, смеха. За обеими концами стола - «барским» и «шкентелем» - обсуждали вполголоса последнюю выходку Шабля. Все сочувствовали без вины пострадавшему лейтенанту Петрову-Девятому. Но пострадал еще и мичман Матисен, которому вместо съезда на берег, где его поджидала некая дама, приехавшая на свидание из Питера, выпало теперь заступать в караул, поскольку при арестованном на корабле офицере, начальником караула должен быть тоже офицер, а не унтер, как при обычном течении дел.

- Хочешь я тебя подменяю? - Приходит на выручку приятелю мичман Колчак. У него нет пока знакомых дам, и он почти не сходит на берег, вникая во все нюансы корабельной службы. Договариваться о замене, они идут к старшему офицеру вместе. Тот играет в вист со старшим штурманом и доктором. В ответ на просьбу мичмана Колчака он задумчиво роняет:

- А возле шестого орудия на палубе масляные пятна...

- Но комендоры подкладывают брезент при смазывании пушек, Николай Александрович. - Осторожно вставляет Колчак.

- А что толку, когда обе стороны брезента вымазаны тавотом. - Не отрывает глаз от карт староф.

На помощь мичману неожиданно приходит старший штурман:

- Комендоры обязаны мыть только чехлы пушек.

- Знаю, но палуба грязная... Не все ли равно по какой причине...

Это надо понимать как отказ в благородной просьбе. Вирус вредности передался от Шабли старшему офицеру. Мичман Матисен идет заступать в караул, а мичман Колчак, взяв в штурманской рубке стопу лоций, располагается в своей каюте для удобного чтения.

... Как бездарно проходит время. Вот и еще один день уволокся за солнцем на запад... Он остро чувствовал счет своим дням, ибо они и в самом деле были сочтены, и сочтены коротко.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не мог никогда согласиться со многими деталями постановки...дела у нас во флоте. Я не буду здесь разбирать причины этого, хотя главное основание всех недостатков и неудобств военно-морской службы я вижу в малой подготовке личного состава, ничтожной практике, истекающей из огромной материальной стоимости плавания современного судна и происходящей из этих двух оснований характера чего-то показного, чего-то такого, что не похоже на жизнь. На наших судах служат, но не живут, а мнение мое, что на судне надо жить, надо так обставить все дело, чтобы плавание на корабле было бы жизнью, а не одною службой, на которую каждый смотрит как нечто переходящее, как на средство, а не как цель...»

Цель у него была - великая цель: пройти к Южному полюсу планеты.

У него не было времени на рутинный ход строевой службы... Сбежать бы от нее! Но куда?

Взгляд мичмана падает на прикнопленную к переборке общую карту мира. Да хоть бы в Антарктиду! К пингвинам...

Этот вопрос - куда сбежать от прозябания в он будет задавать себе не раз и не два... Куда деваться от таких командиров, как Шабля?

А хоть бы под пули британской пехоты, высадившейся на земле буров, как когда-то в Крыму высаживалась шотландская пехота - под барабанную дробь и вой волюнок...

Пройдет время и мичман Колчак станет нести вахту «без тумана», то есть без сучка и задоринки. Более того, начнет учить сам других - молодых - вахтенных начальников.

Командир учебного клипера «Крейсер» капитан 1 ранга(впоследствии контр-адмирал), Г. Цывинский был весьма доволен своим младшим штурманом мичманом Колчаком. За четыре года почти непрерывных плаваний Александр съел добрый пуд морской соли.

Рукою очевидца: «Один из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции

всех морей, знал историю почти всех европейских флотов и морских сражений».

А тот отчаянно тосковал и тяготился, набившей оскомину строевой службой - через день на ремень.

Но где же выход?!

Глава четвертая. К ЗЕМЛЕ САННИКОВА!

Об этой загадочной земле толковали в России и царь, и псарь. Ее миражные отроги маячили сквозь летние туманы и зимние бураны за краем известного людям света - с глухотных необитаемых островов Восточно-Сибирского моря.

Впервые увидел эту марь сибирский купец-промышленник, добытчик песка и мамонтовой кости Яков Санников аж в 1810 году. С той поры эта неведомая и недоступная земля лишила покоя многих людей - сильных духом и трезвых разумом.

Странное дело, мало ли в России земель, мало ли у нас больших и малых островов, островков, островищ? Но почему-то так не хватает ей именно этой призрачной земли Санникова в непроходимых морях. Чем же манили так россиян заснеженные кручи в пропащей дали? Добро бы золотые жилы там по распадкам змеились, как на Клондайке, или простирались бы лежбища тучного морского зверя, или хоть одна бухточка не замерзала в зиму, или... Но ничегошеньки, ровным счетом ничего та ускользающая земля не сулила. А на Москве и в Питере серьезные люди, не праздные мечтатели, не мальчишки-романтики, а все больше ученый народ - штурманы, геологи, гидрографы - ломали головы, как достичь заветных берегов.

Будто бы и в самом деле огромная - в шестую часть света - страна была бы неполна без этой пригрезившейся Санникову Земли. И Государь-император Александр III в шутку ли, всерьез молвил на очередном выпуске Морского корпуса: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать будет. Дерзайте, мичмана!»

И мичмана, став лейтенантами, дерзали... Лейтенанты Коломейцов и Матисен, лейтенант Колчак, лейтенант Брусилов, старший лейтенант Седов...

Досужая публика недоумевала - чего ради?... Ее вопросы замечательно сформулировал известный географ Ф.Ф. Врангель (это в его честь назван огромный остров в Чукотском море, чудом не переименованный большевиками), а потом сам же на них и ответил:

«Разве нет задач более неотложных, более близких, требующих меньше затраты сил нравственных и физических, чем исследования безлюдных мертвых неприглядных областей вечного снега?»

... Нужно ли оправдывать личные жертвы, приносимые людьми ради идеи: расширить круг человеческих знаний, стать властелином Земли... Все это выказывает готовность переносить лишения, даже рисковать своей жизнью, служит порукою тому, что общество, воспитавшее в своей среде такой

энтузиазм, еще юно, бодро, мужественно.»

Все это так!

Но был один резон в экспедиции, в который не посвящали репортеров и широкую публику. Уголь!

Еще американец Де Лонг обнаружил на острове Беннетта залежи бурого угля. Барон Толль предполагал, что третичные угленосные пласты острова Новая Сибирь простираются до Беннетта и дальше - до Земли Санникова, ежели таковая существует.

Зачем же искать уголь так далеко? Ведь в России огромные запасы его и в Донецком бассейне, и даже под Тулой. Не вывозить же черное топливо из Арктики? Во что станет такой перевоз?

А вывозить-то и не надо. Главное, чтобы туда его не завозить! Главное найти бы его там, в тех медвежьих углах. Тогда суда идущие из Архангельска во Владивосток Северным Морским путем смогли бы пополнять запасы топлива, как раз на середине великой трассы «из варяг в японцы», из Поморья в Приморье, с Крайнего Севера да на Дальний Восток. Ведь плавание паровых судов во льдах это прежде всего двойной расход топлива. Если бы устроить на острове Беннетта или на Земле Санникова угольную станцию, то и броненосцы смогли бы огибать Чукотку и попадать во Владивосток не вокруг Африки да Цусимским проливом, а кратчайшим да к тому же почти внутренним российским путем.

Идея такой переброски судов как военных, так и торговых вынашивалась дальновиднейшим адмиралом Макаровым, да и великий муж науки Дмитрий Иванович Менделеев предрекал важнейшую будущность Северного морского пути.

И вот первый серьезный шаг в эту сторону - Русская полярная экспедиция (РПЭ).

Президент императорской академии наук Великий князь Константин Константинович, он же председатель Комиссии по подготовке экспедиции, докладывал Государю о маршруте будущей экспедиции. А Государь был молод. В свои тридцать два он бы и сам с превеликой охотой отправился искать затерянные миры. Тем более, после полукругосветного плавания в Японию на броненосном крейсере «Память «Азова» считал себя в глубине души моряком и к флоту дышал неровно.

Земля Санникова досталась ему по наследству - от отца. Александр III благоволил господам изыскателям. Их стараниями Россия прирастала без всяких войн и завоеваний. Главное, чтобы на этой обетованной, но еще не открытой земле не взвился первым иностранный флаг, о чем все время болел душой патриарх отечественной географии Петр Семенов-Тянь-Шанский: «Недалеко уже то время, когда честь исследования... Земли Санникова будет предвосхищена скандинавами или американцами, тогда как исследование этой земли есть прямая обязанность России». Ему вторил и Великий князь Константин Константинович: «Экспедиция на Санникову Землю была бы теперь особенно своевременна...»

По Высочайшему повелению Императора Николая II министерство

финансов выделило на Полярную экспедицию 240 тысяч рублей, сумму по тому времени внушительную. Но денег никогда много не бывает, тем более, что за покупку и переоборудование шхуны в Норвегии надо было уплатить 60 тысяч рублей. Однако предприятие барона Толля вызвало в России волну энтузиазма и многие ведомства, учреждения и просто состоятельные люди помогали экспедиционерам всем, чем могли.

К барону Толлю просились десятки dobroхотов со всех концов российской империи. Его стол был завален рапортами флотских офицеров и прошениями студентов, чиновников, гражданских моряков. Попытал счастья и новопроизведенный лейтенант Колчак. Куда там... Барон вежливо выслушал его и сухо заметил, что офицерский штат на «Заре» уже набран, что двух лейтенантов для небольшой шхуны более, чем достаточно, что Колчак еще весьма молод и успеет еще сходить не в одну экспедицию.

То был второй удар судьбы. Первый Александр испытал в мае, когда вернувшись в Кронштадт из морей на крейсере «Крейсер» первым делом поспешил в штаб-квартиру вице-адмирала Макарова. Великое нетерпение подгоняло лейтенанта. Там в военной гавани стояли под парами готовые к отплытию на Шпицберген ледокол-красавец «Ермак» и военный транспорт «Бакан». На «Ермаке» уже развевался вице-адмиральский флаг Макарова. Именно он должен был вести экспедицию в Арктику.

- Ваше высокопревосходительство, возьмите с собой!

Степан Осипович был наслышан о молодом офицере, который по своему почину стал вести гидрологические замеры в Желтом и Японских морях.

Степан Осипович поглаживал бороду и смотрел на Колчака почти что ласково. Он видел в этом лейтенанте с горящими глазами самого себя лет эдак двадцать назад... Разве он сам в том же чине и в том же возрасте, тяготясь стационарной службой в Константинополе, не начал вот так же dobroхотно измерять скорости верхнего и нижнего течений в Босфорском проливе?

- Дражайший Александр Васильевич, взял бы вас без сомнений. Но не в моей власти выдернуть вас сейчас с боевого корабля. Пока оформят все бумаги, мы уже за Нордкапом будем. Вы же знаете, как штабная улитка едет...

С тем и вернулся лейтенант в отцовский дом в Петровском переулке.

- На все воля Божья, Сашок! - Утешал сына отец. - Да и наплавался ты в досталь. Пора своей гаванью обзавестись.

Василий Иванович, уйдя сначала в отставку, а теперь и на пенсию, давно уже по земляческим каналам высмотрел сыну невесту. Это была статная красивая не в меру серьезная выпускница Смольненского института благородных девиц Софья Омирова, дочь покойного начальника казенно-подольской Казенной палаты. Круглая сирота, она зарабатывала на жизнь домашней учительницей.

Александр, как и большинство молодых людей, не любил, когда родители активно вмешиваются в личную жизнь, навязывая своих кандидаток в созидательниц семейного счастья.

- Сам-то ты не очень спешил! - Заметил он, намекая, что сам Василий Иванович женился лишь в тридцать с лишним лет.

- Не надо повторять ошибки отцов... Тем не менее я свой долг перед пращурами выполнил. Явил миру продолжателя рода, и, похоже, неплохого продолжателя...

- Катя старше меня, она пусть первая продолжает.

- На сестру не кивай. С ней наша фамилия уйдет. А ты мне наследника подавай, чтоб Колчаки вовек не вывелись. Теперь ты за это отвечаешь. Служба службой, наука наукой, а пресекать род наш не имеешь права!

Знакомство, однако ж, состоялось.

Вопреки скептическим ожиданиям, София оказалась отнюдь не кисейной барышней. Ладная, спокойная, с прямым взглядом из-под высокого чистого лба, она была начисто лишена манерности столичных девиц. Собственный заработок придавал ей ту уверенность в жизни, которую ценил в себе и сам Александр. Они на равных вели беседу, вольно или невольно экзаменуя друг друга на остроту ума, эрудицию, пристрастия... Колчак мысленно вывел своей собеседнице высший бал. София приятно удивляла начитанностью, здравостью суждений, выяснилось, что она в совершенстве владеет английским, французским, немецким и чуть хуже итальянским, польским языками, превосходно музицирует, небезуспешно пробует свои силы в живописи акварелью и маслом.

Он тоже старался не ударить в грязь лицом, живо и с юмором рассказывал ей о морях и странах, в которых довелось побывать, о забавных случаях из корабельной жизни. То был совершенно неведомый Софии мир, и она слушала бывалого морехода, широко раскрыв красивые глаза, что весьма подкупало рассказчика. Более того, она с неподдельным интересом расспрашивала его о том, что интересовало не всякого сослуживца. О земле Санникова, о южном полюсе, о пропавшей экспедиции лейтенанта Де Лонга...

Саше было семь лет, когда в Арктике разыгралась очередная трагедия, потрясшая читателей газет во всем мире. Лейтенант американского флота Джордж Де Лонг отправился к Северному полюсу на паровой яхте «Жаннета». Увы, в июне 1881 года паковые льды раздавили хрупкий корпус суденышка, и смельчаки остались один на один с белым безмолвием высоких широт. Но прежде, чем лейтенант Де Лонг и большая часть команды погибли от голода и стужи, отважный лейтенант успел назвать три новооткрытых острова в честь своей возлюбленной - Генриетты, в честь несчастной яхты - Жаннетты и в честь издателя газеты «Нью-Йорк Геральд» Гордона Беннета, снарядившего экспедицию на свои деньги. Так они и остались на карте русской Арктики - острова Де Лонга: Генриетты, Жаннетты и Беннетта.

- Если я когда-нибудь открою новый остров, я назову его вашим именем. - Сказал Колчак на прощанье.

- Спасибо. - Без тени улыбки ответила София. - Только не пропадайте во льдах, как Де Лонг.

...Он сдержал свое слово. Небольшой остров в Восточно-Сибирском море, названный Колчаком именем невесты, и поныне существует не только в Ледовитом океане, но и на картах Арктики, как и мыс Софии на острове Беннетта.

Как-то прощаясь, он ей сказал:

- Если бы я был капитаном экспедиционного судна, я непременно взял бы вас с собой.

Это было объяснением в любви.

Потом, спустя двенадцать лет полярные командоры, и в самом деле, станут брать с собой невест - что Русанов - Жюльетту Жан, что Брусилов - Еремину Жданко. И всякий раз это будет кончаться трагично.

Спустя время, Колчак узнал о своей невесте, о ее предках не меньше, чем о своих.

Она родилась на Украине - в старинном городке Каменец-Подольске, в тех краях, где был пленен прадед ее будущего мужа - турецкий генерал Колчак-паша. Пленил пашу брат ее пращура по материнской линии екатерининский вельможа фельдмаршал Миних. Со стороны матери - Дарьи Федоровны Каменской - числился еще один воинственный предок - генерал-аншеф М.В. Берг, громивший войска Фридриха Великого в Семилетнюю войну. На баталиях генерала Максима Берга учился Александр Суворов.

По отцу же, Федору Васильевичу Омирову, начальника подольской Казенной палаты, предки были куда более мирные - из духовного сословия.

"Мой умный, добрый и строгий отец! - восклицала она на склоне лет. - Нас было у него двенадцать человек, я - одиннадцатая".

В крови Софьи Федоровны боролись "лед и пламень"; лед духовного смирения, законопочитания и пламень высокой воинской удали. Годы, проведенные ею в Смольнинском институте благородных девиц, достойно ограничили ее сложный характер. Она вышла в свет со знанием семи языков. Причем английским, французским и немецким владела в совершенстве... Писала маслом и акварелью, превосходно музицировала.

Дед ее из подмосковных священников носил чисто духовную фамилию - Омиров, первоначально звучавшую как Гомеров. В дословном переводе имя героини этих срок вкупе с девичьей фамилией означает - "мудрость Гомера". Но не нашлось в XX веке своего Гомера, который смог бы в полной мере постичь, воспеть и оплакать ту трагедию, в которую ввергнута была Россия на семнадцатом году нашего века.

С предложением руки и сердца Александр не спешил. Идти под венец - только с ореолом героя. Как отец. Однако судьба не спешила выводить его на поле чести. К величайшему своему унынию, лейтенант Колчак ввиду нехватки офицеров был назначен вахтенным офицером на старый и потому учебный крейсер «Князь Пожарский». Подобный удар он пережил два года назад, когда попытался перевестись на канонерскую лодку «Кореец» (тот самый «Кореец», который разделил участь «Варяга» в бою при Чемульпо), ухотивший к Командорским островам. Вместо вожденной экспедиции в северную часть Тихого океана - назначение на осточертевшую должность вахтенного начальника на допотопный клипер «Крейсер», возвращавшийся в Кронштадт. И вот опять тот же кунштюк.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Кроме желания плавать на севере Тихого океана у меня явился интерес к южным полярным странам, касающийся одной из самых

малообследованных областей, заключающей в себе земли Императоров Александра 1 и Петра Великого, впервые посещенной Беллинсгаузенем и Лазаревым, но этот интерес пока мог быть только платоническим, так как, чтобы попасть туда, надо было снаряжать экспедицию, а для этого я не имел ни опыта, ни средств.

Проплавав четыре года на военных кораблях, из которых один был в то время первоклассным крейсером, а второй представлял собой уже не имеющий боевого значения парусный клипер, я вынес довольно скептическое отношение к плаванию на военных судах и много раз еще во время пребывания в Тихом океане подумывал о выходе из военного флота и служба на коммерческих судах. Тем не менее я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место...

...Я попал во внутреннее плавание на «Князь Пожарский», что для меня было худшее, что только я мог представить в этом роде. На «Князе Пожарском» вахтенным начальником плавал лейтенант Стральман - мой приятель, с которым я был всегда в хороших отношениях. Я убедился по нескольким опытам, что в военной службе осуществить свои желания едва ли когда удастся, я бросил свои занятия по гидрологии, и мои стремления пришли к форме искания просто-напросто, как говорилось в Тихом океане, «типов и ощущений», то есть к авантюризму, короче говоря. Борис Стральман также находился в таком состоянии, и, беседуя с ним во время плавания по портам Балтийского моря, я пришел к готовности оставить службу и отправиться в кампании со Стральманом в Клондайк, не для искания золота, конечно, а просто, чтобы найти обстановку и жизнь, отвечающую более нашим потребностям, чем та, в котором мы оба находились. Мы порешили осенью идти в Тихий океан и там выйти в запас и отправиться куда хотели.

По окончании плавания на «Князе Пожарском» я перешел на эскадренный броненосец «Полтава» и через несколько недель на его «Петропавловск», уходивший в Тихий океан.

Стральман куда-то уехал, и я более с ним не видался. Прекрасное, новое боевое судно первое время вернуло меня к прежним занятиям, но скоро я убедился, что здесь то же самое, что и на всех других броненосцах и крейсерах. Здесь есть служба, но нет практики, нет возможности плавать и жить».

Итак, броненосец «Петропавловск» уносил мятущегося лейтенанта все дальше и дальше от полночных стран. Посреди пути он и вовсе надолго застрял в афинском порту Пирее.

Пирей. Сентябрь 1899 года.

Пирей - прескверный городишко. Во всяком случае таким он был в конце девятнадцатого века: полуамфитеатр унылой равноэтажной застройки с еще не выветрившимся налетом турецкой провинции, обнимал весьма просторную бухту. Русские корабли облюбовали этот далеко не самый благоустроенный порт лишь потому, что все остальные удобные и в стратегическом, и в

стояночном отношении гавани уже давно были обжиты кораблями английского и французского флотов. Не было баз у российского флота на Средиземном море, был лишь этот стационарный пункт, где корабли могли подолгу стоять на якорях ввиду берегов вполне дружественного греческого королевства, поскольку королева эллинов Ольга, бывшая русская принцесса, душевно благоволила к морякам с неблизкой родины.

Осенью 1899 года на рейде Пирея встал на якорь новейший эскадренный броненосец «Петропавловск», шедший с Балтики на Дальний Восток. Вечный вахтенный начальник лейтенант Колчак, весьма удрученный неудачными попытками попасть в полярные экспедиции, пребывал в мрачнейшем расположении духа. И строки его дневника вполне созвучны настроению лермонтовского героя:

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не знаю более скверного и противного места для меня, чем этот порт сквернейшей страны, какой я знаю и где наши суда стоят неизвестно зачем очень долго...»

Его душа рвалась подальше от этой земли, туда, где кипели живые события - в Южную Африку, в Трансвааль, в Оранжевую республику. Там шла война... Там «работают современные орудия с лиддитовыми и пироксилиновыми снарядами, где происходит на деле все то, что у нас на броненосце делается лишь примерно» - изливался он своему дневнику.

Но в Пирее, слава Богу, есть телеграф... И стук корабельного почтаря в дверь каюты:

- Ваше благородие, вам телеграмма!

Колчак схватил бланк с греческими почти русскими литерами. Первая мысль - от Кати, что-то с отцом. После смерти Ольги Ильиничны он сильно сдал...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «На Рождество, когда я сидел у себя в каюте и обдумывал вопрос о том, чтобы кончить службу и уйти в Южную Африку для занятий военным делом, мне принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Матисеном, где мне предлагалось принять участие в Русской полярной экспедиции...»

Нет, то была не телеграмма, то была повестка судьбы. Свершилось! Там, на небесах услышаны его молитвы!... Вспышку подобной радости он испытал разве что, когда был зачитано Высочайшее повеление о производстве в офицеры. Он ликовал так, как будто сам Жюль Верн прислал ему приглашение лететь из пушки на луну.

Все к черту! Если не отпустят - немедленно рапорт о выходе в запас.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я немедленно ответил полным согласием на все условия, и отправился к командиру капитану 1 ранга Гreve поговорить о своем решении. Я прямо сказал ему, что решил выйти из военной службы, если она явится препятствием для поступления моего в состав экспедиции, и, конечно, Гreve, вполне сочувствуя моим желаниям, посоветовал мне немедленно подать в запас, так как иначе списание мое с «Петропавловска», да еще ввиду перевода моего в Сибирский экипаж, затянется и броненосец должен скоро уходить в Порт-Саид.

Я телеграфировал лейтенанту Матисену, которого считал за командира судна, что подаю в запас и еду, как могу скорее, в Петербург. Но выйти в запас мне не пришлось, благодаря участию президента Академии наук великого князя Константина: высшее морское начальство телеграммой потребовало моего списания с «Петропавловска» и возвращения в Петербург. Все устроилось лучше, чем я ожидал. На первом пароходе Русского общества, простившись с броненосцем честь честью,... я в первых числах января ушел из Пирея в Одессу...»

В Одессе перед поездом на Санкт-Петербург он заскочил к Посоховым, материнской родне. Дед Илья Андреевич видел внука не часто. А уж в морском облачении и вовсе впервые. Люб был казачьей душе внук при мундире и сабле.

- Хоть и не в нашу породу ты пошел, Сашка, но глаза у тебя посоховские, материны глаза... Невестой-то не обзавелся?

- Есть на примете.

- Дай знать, когда свадьба. Все брошу и приеду.

ОРАКУЛ 2000

Кто из них мог предположить, что свадьба будет за тысячи верст от Одессы да и Петербурга - в Иркутске, и что из всей родни приехать туда сможет лишь один неугомонный Василий Иванович? Как ни как его стараниями свадьбка сладилась.

Кто из них мог представить себе, что и деда Илью, потомственного дворянина, городского голову Одессы, большевики расстреляют в один год с внуком - Верховным Правителем России - в 1920-ом?...

Санкт-Петербург. Январь 1900 года.

Наступал новый век - двадцатый от Рождества Христова. 2 января в газете «Московские новости» будет напечатано редакторское эссе: «С последним полуночным ударом часов 1900 года наступает новый век. На смену отжившего прошлого является новое XX столетие со всеми своими жгучими запросами настоящего и неизвестностями будущего... Кто знает, может быть, именно отечеству нашему суждено стать той силой в которой народы увидят оплот международной справедливости, равновесия и мира?

... Но если эта миссия возложена на нас Проведением, то для исполнения ее мы должны в новом веке еще старательнее вдумываться в смысл великих национальных основ своих и еще более свято хранить и возделывать их». Неизвестно попадались ли на глаза Колчаку эти строки, но суть их определила весь ход жизни этого человека.

Итак, по ходатайству великого князя Константина Константиновича лейтенант Колчак был прикомандирован к Императорской Академии наук. Правда, время производства в следующий чин - капитана 2 ранга - резко отодвигалось[2] (в лейтенантах ему пришлось ходить восемь лет), но это его

мало заботило. Его военная карьера еще наверстает упущенное небывалым скачком: за три года он из капитанов 1 ранга станет вице-адмиралом.

Перед бароном Толлем лейтенант Колчак предстал не без душевной робости. Что значили его любительские опыты по гидрографии в сравнении с научным багажом полярника, уже побывавшего там, где погиб лейтенант Де Лонг, а главное своими глазами видевшего легендарную Землю?

Да, в экспедицию 1886 года Эдуард Толль с северных утесов острова Котельный ясно видел на горизонте контуры четырех гор, координаты которых примерно определялись как 77 градусов 09' северной широты и 140 градусов 23' восточной долготы. Дальний берег простирался именно там, где указывал Яков Санников. Мог ли после этого барон Толль не верить в успех новой экспедиции, снаряженной специально, чтобы достичь тех заветных пределов?

Глава пятая. «ЗАРЯ» ПЛЕНИТЕЛЬНОГО... СЧАСТЬЯ?

Как не ревновали россияне Арктику к норвежцам, все же именно норвежец - великий полярный путешественник Фритьоф Нансен отнесся к русской экспедиции с большим участием. Он щедро делился с ее командором - бароном Толлем, давним своим приятелем, тем уникальным опытом, который почерпнул в ледовых плаваниях на «Фраме». Именно он присмотрел для россиян подходящее судно - китобойный барк «Гаральд Харфагер». Плотнo сбитый овальный в сечении корпус понравился барону с первого взгляда и барк после переделки под научное судно был перенаречен в «Зарю».

Именно он, старый полярный волк, напутствовал Толля добрым письмом: «Дорогой друг!... Мне нет необходимости говорить Вам, что, за исключением Вашей превосходной жены и Вашей семьи, мало кто будет с таким интересом следить за Вами, как я.»

Президент Императорской академии наук великий князь Константин Константинович 10 марта 1900 года утвердил состав экспедиции, куда помимо Э.В. Толля были включены:

«Капитан шхуны «Заря» Н.Н. Коломейцов - лейтенант флота; геодезист, метеоролог и фотограф Ф.А. Матиссен - лейтенант флота; гидрограф, гидролог и гидрохимик А.В. Колчак - лейтенант флота; зоолог экспедиции А.А. Бялыницкий - Бируля - старший зоолог Зоологического музея С.-Петербургской Академии наук; астроном и магнитолог Ф.Г. Зееберг - доктор физики; врач-бактериолог и второй зоолог Г.Э. Вальтер - доктор медицины. В состав команды также вошли: боцман Н.Бегичев, старший механик Э. Огрин, матросы-рулевые С.Евстифеев, С.Толстов, А.Семашко (заменен впоследствии П.Стрижевым), И. Малыгин (заменен С.Расторгуевым) В.Железняков, Н.Безбородов, второй машинист Э.Червинский, старший кочегар И.Клуг, второй кочегар Г.Пузырев, третий Т.Носов, повар Ф. Яскевич».

...

Без этого похода не было бы Колчака, во всяком случае такого, каким он вошел в историю...

Этот барчук, по нашим стереотипам, генеральский сынок, мог прожигать жизнь наравне со своими сверстниками из числа «золотой молодежи». Но визжащий вой полярных метелей влек его сильнее, чем иных - рыданье кабацких скрипок... Она уже зажглась, она уже горела на его небосклоне, старинная Прикол-звезда - Полярная, ведущая точно на север. Поморское ее название - Прикол - престранным образом вобрало в себя половину его фамилии. Потом и вовсе она станет частью его имени - Александр Васильевич Колчак-Полярный. Это про нее, случилось, пел он под рокот гитарных струн - «Гори, гори моя звезда...» На исходе века его любимый романс нечаянно продолжится в песне, написанной к кинофильму «Земля Санникова» - «А для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг...»

«Ослепительный миг» растянулся для Колчака на добрых три арктических года...

А пока гидролог и второй магнитолог аккуратнейшим образом вел почти школярские конспекты в Павловской обсерватории. Затем свои познания в специальных науках он пополнил и расширил в Христиании - подлинной Мекке полярных изыскателей.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Еще в Петербурге барон Толль рекомендовал мне повидаться с профессором Нансеном и воспользоваться его советами по снаряжению и работам по части гидрологии. Нансен был у нас на «Заре» короткое время, и я имел случай несколько раз повидаться с ним в его университетской лаборатории, где профессор с большой предупредительностью и любезностью сообщил и показал свою методу по определению удельных весов воды и изложенную в недавнем вышедшем труде...»

Нансена очень интересовала проблема «мертвой воды». «...Дело в том, - писал великий норвежец барону Толлю, - что за кораблем на тяжелом нижнем соленом слое воды, образуется особая волна опресненной воды, которая затрудняет движение судна». Такое явление характерно только для Северного Ледовитого океана, где холодная пресная вода, выносимая великими сибирскими реками, смешивается с теплыми и солеными струями Гольфстрима. Вот эту «мертвую воду» и предстояло изучать гидрологу экспедиции лейтенанту Колчаку. Как в старой сказке предстояло «добру молодцу идти за «мертвой водой».

РУКОЮ КОЛЧАКА. «...На «Заре» я сколько мог следовал указаниям профессора Нансена, хотя обстоятельства, при которых мне пришлось работать, не всегда позволяли это делать. Очень интересны, по-моему, были показанные мне Нансеном определения удельного веса при помощи ареометра с переменным грузом и постоянным объемом, где влияние поверхностного натяжения, составляющего основную причину все ошибок метода ареометров с переменным объемом, совершенно устраняется - я не знаю, получил ли этот новый способ практическое применение. В университете же я познакомился с доктором Хиортом, специалистом по океанографическим и зоологическим работам. Доктор Хиорт с особенной любезностью и вниманием показал мне приборы для газового анализа морской воды, получившего в последнее время

такое важное значение. Прекрасные работы доктора Хиорта хорошо известны всем специалистам, и я не буду говорить о них; в этот год профессор Нансен и доктор Хиорт собирались уйти в S-ую[3] часть Атлантического океана для зоогидрологических исследований на специальном судне... Недостаток времени не позволил мне посетить это судно, где меня особенно интересовала лаборатория; я не знаю, насколько удобно было работать над химическим анализом в постоянно взволнованной области океана.

... В Петербурге я поселился вместе с Ф.А. Матисеном и продолжал заниматься снаряжением своей части и работами с нашими инструментами в Павловской физической обсерватории при значительном участии и помощи начальника обсерватории В.А. Дубинского. Свое гидрологическое снаряжение я заказал частью в Англии, частью в Швеции, частью в России. Были заказаны глубоководные термометры, лоты, глубомер для 5000-метровой системы.

Я заказал огромное количество склянок и банок из особого жесткого и трудно растворимого стекла Ритману в Петербурге; кроме того, я все время ездил по всем инструментальным мастерам и заводам для дачи заказов всяких предметов по гидрологическому снаряжению. Барон Толль не стеснял суммами, и я должен сказать, что снаряжение по гидрологии отвечало всем возможным работам до самых больших океанских глубин. К сожалению, многим не пришлось воспользоваться. Примерно 10 апреля была собрана вся команда, и я с Матисеном и нижними чинами по Финляндской железной дороге уехал через Гангсуд в Стокгольм и далее через Христианию в Ларвик, где на элинге известного строителя «Фрама» Колина Арчера вооружалась под наблюдением командира Н.Н. Коломейцова «Заря». Вооружив судно, мы должны были привести его в Петербург и в начале июня, приняв грузы, все снабжение и ученый состав, идти в Ледовитый океан».

Шел последний год Девятнадцатого столетия - века, в котором самое крупное в мире географическое открытие совершили русские моряки - Беллинсгаузен с Лазаревым открыли в южном полушарии целый континент - Антарктиду. Лейтенант Колчак надеялся совершить нечто подобное в северном полушарии. Уже было известно имя этого нового континента - Земля Санникова. Оставалось лишь нанести на карту ее координаты. Точнее подтвердить те, что уже вывел барон Толль.

Ларвик. 1900 год

Ни к одному из своих кораблей, на которых Колчак служил доселе, не был он так придирчиво строг и затаенно нежен, как к этому деревянному парусному зверобою. Еще бы - на нем идти испытывать судьбу, добывать славу, рисковать жизнью...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Одной из слабых сторон нашей экспедиции была крайняя сиюминутность ее, мы все время торопились как на пожар, в очень многих случаях приходилось поступать, даже не думая о выборе: скорее, скорее. Эта черта, насколько я знаю, погубила многие экспедиции...

По приезде в Ларвик мы были встречены Н.Н. Коломейцовым и поселились вначале на берегу, так как каюты еще не были готовы; команда поселилась на судне. «Заря» стояла в это время в плавающем доке, с первого же осмотра судно оставило очень симпатичное впечатление. Это был китобойный, или, вернее, тюленебойный барк выработанного уже давно типа для плавания во льду, одного с «Вегой» и прочими судами последних экспедиций. Он был вооружен сначала барком, но ввиду малочисленной палубной команды в семь человек Коломейцов снял реи с грот-мачты и оставил прямые паруса только на фок-мачте, то есть вооружение «Зари» отвечало шхуне-барку или баркентине. Постройка судна внушала полное доверие к крепости его корпуса; это судно строилось на чисто эмпирических основаниях и обладало огромным запасом прочности; обшивка из сосны, дуба и наружная ледяная чуть не однофунтовые в квадрате бимсы, необыкновенной толщины правильные брусья и ватервейсы и массивные сплошь забранные дейдвуды, не оставляли желать лучшего. В средней части корпуса в нижнем трюме были поставлены через шпангоуты от концов флот-тимберсов; к бимсам - контр-форсы для усиления прочности корпуса против напора льда и поставлен в двух палубах ряд пиллерсов. Кормовая рубка, бывшая жилым офицерским помещением, была переделана в лабораторию для научных занятий, а для помещения офицеров и членов экспедиции была построена рубка между фок- и грот-мачтой, на которой находились мостик и небольшая штурманская рубка. Оценивая критически переделку «Зари» я считаю, что Н.Н. Коломейцов применил весь свой опыт и знание морского дела: новый прекрасный первый брашпиль, рулевой привод, установленный в рубке - все вооружение судна было сделано практически и хорошо. Опыт трех компаний во льду Полярного океана подтвердил это. Но конечно, были и недостатки: на первом месте стояли помпы; «Гаральд» был снабжен двумя деревянными старыми шхун-помпами, бравшими воду из льяла позади грот-мачты; Н.Н. особенно почему-то стоял за эти помпы и считал их совершенно достаточными и вполне удовлетворяющими своему назначению, на деле оказалось несколько иначе; второй недостаток состоял в старых канатах, новых такого размера в Кронштадтском порту не оказалось, а времени на заказ новых не было. Впрочем, эта часть на практике оказалась совершенно удовлетворительной, и мы впоследствии выдерживали огромный напор льда без всяких случайностей и ни разу не потеряли канатов или якоря. Некоторые посещавшие наше судно моряки считали недостатком отсутствие у нас подъемного руля, но эта вещь, по-моему, не имеет особого значения, так как руль приходится убирать очень редко, да и заменить в случае его повреждения новым запасным нетрудно; гораздо важнее иметь складные новые рулевые петли, повреждение которых крайне неприятно - петли на «Заре» были старые и порядочно разработанные, но и с ними у нас не было недоразумений, стало быть, и толковать о них нечего. Впоследствии я пришел к убеждению, что для ледяного плавания надо иметь возможность брать якоря на палубу - при высоком льде все время приходится опасаться за них; moreover, при плавании вблизи сибирского берега отмелость моря и риск постоянно выйти на банку противоречат этому положению, и каждый моряк, вероятно, предпочтет

сорвать с рустов якорь и даже потерять его, нежели, не имея якоря, готового к отдаче, вылезти вблизи льда на банку. Проводка штуртрасса по планширю была сделана для того, чтобы иметь штуртрос на виду и оградить его от обледенения или загромождения каким-либо палубным грузом; но должен сказать, что завод выполнил эту часть довольно небрежно и грубо, шкивы были прямо топорной работы, и нам самим впоследствии приходилось подрубать их и исправлять, равно как бывали на практике случаи забивания соединений прутowego железа за небрежно расположенный палубный груз. Впрочем, весь привод выдержал в плавании в Ледовитом океане много очень суровых испытаний, и ни разу не было ни поломок, ни серьезных повреждений.

На «Заре», как второй помощник, я исполнял обязанности ревизора, лейтенант Матисен - старшего офицера. Выработанный и привычный нам режим военного корабля вообще применялся у нас, насколько это было возможно. Работали мы все дружно и весело и по окончании конопатки судна и обжигания и тировки подводной части вышли из дока. В первых числах мая мы должны были идти из Ларвика в Христианию принять заказанный уголь и кое-какие предметы полярного снабжения. У нас в первые же дни по выходе из дока была течь, обычная для деревянного судна, да еще после конопатки, когда последняя не успела разбухнуть и плотно сжаться несколько раздавшимися пазами обшивки; мы были совсем почти без груза и сидели около 13

1/ 2 (футов - Н.Ч.) ахтерштевнем».

...

Наконец, все было готово к отплытию - сначала в Петербург, а потом на Север. Колчак весьма сдержан в своем дневнике. Но в каждой строчке бьется скрытое ликование, моряцкая гордость... Важна каждая деталь, любая мелочь, всякое обстоятельство этого воистину исторического плавания. Разделим же и мы эти тревоги и заботы 26-летнего лейтенанта.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Мы вышли из Ларвика в Скагерак и вошли в Зунд в Копенгаген. В Скагераче и Каттегате мы встретили свежий ветер, противный конечно, и по пути под парусами зашли исправить небольшое повреждение в машине. В Копенгагене мы простояли несколько часов, приняли сети и рыболовный снаряд и ушли сейчас же по окончании приемок в Мемель, где также должны были принять запас снаряжения, одеял, белья, а также ковры и другие мелочи, заказанные в Германии. В Мемеле же мы должны встретить барона Толля и прийти с ним в Петербург. На переходе в Мемель мы несли паруса и убедились в прекрасных парусных качествах «Зари». Несмотря на уменьшенную парусность, она отлично делала повороты, затруднение составляло крайне ограниченное число рабочих рук; впоследствии мы привыкли к этому, но вначале, имея семь человек на палубе, управляться было трудно. В Мемель мы пришли без всяких случайностей, простояв там два дня и, приняв барона Толля, пошли в Петербург. Погоды стояли тихие и большей частью ясные. Мы пришли на Кронштадтский рейд и стали на якорь близ форта «Меншиков», после отдания обычных формальностей мы пошли каналом в Петербург и вечером стали на бочку у Николаевского моста. При нашей слабой машине, нехватке рабочих рук и отсутствии малых шлюпок нам стоило

порядочной возни подать на бочку канат, один раз пришлось отдать якорь. Стоящая в нескольких саженях от нас большая паровая яхта... под флагом Императорского яхт-клуба, по-видимому ограничилась одной критикой. Я упоминаю об этом только потому, что, плавая ранее за границей, я привык везде видеть более внимательное отношение со стороны стоящих судов к приходящим на рейд. На другой день по приходе мы перешли к набережной Васильевского острова и ошвартовались против 14-й линии».

Они стояли напротив зданий Морского корпуса, откуда вышли все три офицера «Зари». В этом было нечто ритуальное - начать свой дальний и опасный поход от стен альма матер. Сюда же приходила и София. Однако, ее жених был начисто поглощен лихорадочной подготовкой к арктическому плаванию. Свидания были кратки и без особых сантиментов. Правда, экспедиционный фотограф лейтенант Матисен, понимая, какое значение в жизни своего приятеля обрела эта девушка, сделал несколько снимков Александра и Софии. София подарила ему в поход образок и английскую открытку с репродукцией картины прошлого века: мичман в треуголке и молодая леди в чепце, за спиной мичмана маячит парусный корабль, с которого он отпраился на часок. Леди потупила взгляд, потому что мичман только что сказал ей что-то очень важное и сокровенное...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Начались дни погрузки и приемки всевозможных запасов и провизии. Шлюпки отправили в адмиралтейство для исправления; кроме того, Морское министерство дало нам один спасательный вельбот, одну четверку и одну двойку. Мы мало пользовались первыми двумя шлюпками даже во время плавания, зато двойка оказалась наиболее пригодной при нашей малочисленной команде; почти все разъезды, весь промер на рейдах мы делали на двойке. Кроме этих шлюпок мы имели еще два китобойных вельбота эти, построенные из дуба с очень толстой обшивкой, были в высшей степени пригодны для плавания во льду, и наша рабочая шлюпка была одним из этих вельботов; легкий и слабый вельбот военного образца с обшивкой кромка на кромку не годится для работы во льду, повредить его очень легко, а исправление из-за такой обшивки всегда будет ненадежно, надо менять чуть не всю обшивную доску. Был также на «Заре» и паровой катер с котлом Фильда; первый год плавания мы пользовались им главным образом во время стоянки в норвежских портах и во время вынужденной стоянки в заливе Миддельфорд, где были блокированы льдом; подъем и спуск его требовал порядочной возни; кроме того требовалось много угля, который для нас обходился очень дорого. Вообще для полярного плавания паровой катер, по-моему, лишняя роскошь при небольшом судне и малом числе рабочих рук; как показал опыт, нам надо было иметь три крепких небольших вельбота[4] (вельботы «Зари» были немного тяжелы и велики), из которых один - на случай оставления судна в открытом море, один - запасной и один - рабочий и две или легкие шлюпки вроде бывшей у нас двойки на случай разъездов, мелких работ, промера и т.п. Паровой катер и четверка были для нас совершенно лишним грузом. Я уже говорил о нашем снабжении по части навигационной и гидрографической; я вообще должен сказать, что при снаряжении нашей экспедиции ни одно учреждение не оказало

столько внимания и предупредительности, как Гидрографическое управление; с величайшей заботливостью оно снабдило нас всем, чего только мы могли пожелать, не отказывая ни в одной просьбе. Особенно признательны мы были в двух последних плаваниях за меркаторные сетки крупного масштаба (4,5 мили в дюйме) районов Ледовитого океана, где нам пришлось плавать; отсутствие карт, часто невозможность иметь обсерваций, постоянные перемены курсов льда и глубин придают особое значение счислению и прокладке при этих условиях. Благодаря этим сеткам мы все время могли вести прокладку, уточнять глубины и свои собственные съемки, и они принесли нам пользу; вычислять и особенно выстраивать точки сетки на «Заре» было положительно невозможно. В полярном море нет на тысячи миль ни одного промера и в тоже время глубины таковы, что рискуешь каждую минуту сесть на банку да еще в виду движущегося льда... Да и вообще все тяжелое и суровое плавание, какое нам пришлось испытать, заставляет особенно дорожить всем, что хотя бы немного облегчить его трудности и вот почему, вспоминая наше навигационное снабжение, вспоминаю, что ни разу за все время мы не испытывали увеличения трудностей плавания от недостатков или неимения каких-либо инструментов или приборов. Я так много говорю о них; каждый из членов экспедиции помимо одних работ готовил снабжение своей специальной части. Часть приборов была получена и принята в Петербурге, другую часть, состоящую из глубомера и всех приспособлений для океанского промера и некоторые другие инструменты должны были быть присланы в Берген. В Петербурге же мы тянули такелаж. Наконец все было готово».

Все, кроме одного очень важного обстоятельства, сыгравшего, быть может, роковую роль...

Эдуард Васильевич, геолог от Бога, разбирался не только в камнях, но и в людях. Все три лейтенанта, отобранных им для опасного многотрудного дела - Коломейцов, Матисен, Колчак - как нельзя лучше отвечали суровому духу его предприятия. Лишь с Коломейцовым вышел сбой, но не профессиональный, а чисто психологический. Толль не учел того, что офицер, назначенный командиром корабля - не важно какого, хоть самоходной баржи - будет следовать Морскому уставу, по которому он, командир, в море - первый после Бога. Все остальное - команда, а экспедиция, будь это сам барон Толль со своими докторами наук - пассажиры. На берегу - воля ваша, но на палубе, на мостике, будьте любезны, господа, оставлять последнее слово за капитаном, за командиром.

Барон Толль видел же в «Заре» лишь транспортное средство, плавучую научную базу, не более того. Командир шхуны - разновидность извозчика, куда скажут, туда и повезет. Вот на этой почве с самого начала и начал вызревать роковой конфликт между научным руководителем экспедиции и командиром судна.

Толль почувствовал это с самого, едва возник, казалось бы, чисто теоретический вопрос - под каким флагом пойдет «Заря» в море: под гражданским триколором или под военным Андреевским?

РУКОЮ КОЛЧАКА: «...Военный флаг - вещь крайне неудобная для

такого рода плавания, какое нам предстояло, и практика показала, что военный флаг крайне стеснителен по многим обстоятельствам: во-первых, уже потому, что связанные с ним военное положение и порядок трудно применимы при малочисленной команде, условиях зимовки и проч. Толль никак не мог согласиться на это уже потому, что тогда он фактически терял на судне всякую власть как не моряк и не могущий фактически командовать кораблем. Это было уже предвестником всего того, что имело быть в течение всей экспедиции, основная ошибка в организации которой состояла в том, что на судне и всем характере жизни, связанным с этим судном, главным распорядителем было лицо, не знающее морского дела...

...Накануне ухода нашего из Петербурга было заседание в Академии в присутствии Великого князя Константина Константиновича. На этом заседании были Толль, Коломейцов и я. Еще ранее Коломейцов настаивал на выяснении и точном определении прав и положения его как командира судна по отношению к начальнику экспедиции, я лично мало интересовался этими вопросами, считая их лишними, и полагая, что все мы, имея для одного дела и связанные одними идеями и желаниями, можем обойтись без формальных бумаг и инструкций, да и, кроме того, у меня не было времени вникать и обдумывать вопросы, казавшиеся мне маловажными. Последствия, однако, показали, что эти вопросы имели большое значение и отразились на ходе всей экспедиции. На этом же заседании была выдана коротенькая инструкция, в сущности говоря, ровно ничего не поясняющая да еще могущая быть истолкована в различных смыслах; ни научной программы, ни научных инструкций у нас никаких не было. С одной стороны это казалось очень удобным, но на практике недостатки такой системы также обнаружились; инструкции и программы не нужны только тогда, когда они совершенно ясно и в определенной форме выработаны руководителем предприятия - у нас этого не было. Основное противоречие, ясно осознанное мною только впоследствии, лежало в том, что начальником предприятия, носящего чисто морской характер, являлся человек совершенно не знакомый с управлением судна. Начальник полярного или арктического предприятия, конечно, должен иметь полную власть над всеми частями его и участниками; но власть тогда только власть, когда она существует реально; власть же юридическая в подобных делах бессмысленна и является на практике совершенной фикцией. Какую фактическую власть может иметь на корабле человек, не могущий ни определить, ни вести счисления, не могущий отдать якоря, дать ход машине, править рулем и не знающий всей той массы очень простых и, так сказать, органически привычных для моряка вещей? Конечно, раз судно плавает, фактически начальником его и всех, кто на нем находится, является командир, как лицо компетентное во всех вопросах, связанных с плаванием и жизнью корабля. Смешно читать, например, Нансена или даже в отчетах Толля выражения: «Я снялся с якоря» или «Я изменил курс», когда эти «я», вероятно, не сумели бы выходить якоря и даже скомандовать рулевому, чтобы привести судно на желаемый румб. Англичане, как моряки, всегда прекрасно понимали эти вопросы, и последняя Антарктическая экспедиция на «Нет названия» ушла под начальством командира лейтенанта Скотта,

германский «Нет названия» ушел также, как и мы, под начальством Дригальского, но что из этого выйдет - покажут результаты. Мне приходилось слышать, что начальником ученого предприятия должен быть ученый, вообще человек с научной подготовкой; я полагаю, что начальником должен быть просто образованный человек, ясно и определенно сознающий задачи и цель предприятия, а будет ли он специалистом по геологии, не имеющей никакого отношения к ходу самого дела, - это не имеет значения. Для начальника удобнее не иметь никакой специальности, а иметь побольше способностей управлять и руководить всем делом, входить в жизнь и внутренние мелочи хозяйства, а не «экскурсировать» с «казенными» целями, часто преследуя в ущерб всему свои специальные или «научные задачи». Вот подчиненный ему состав должен обладать научной подготовкой, а для того чтобы выполнять и руководить ходом морского предприятия, прежде всего надобно быть моряком; а затем - что значат «научные работы» в море? Хороший боцман сумеет поднять тяжелую драгу или трал на палубу лучше всякого ученого, не знающего как и сколько положить шлагов линия на барабан лебедки, как наложить стопор. И это научная или ненаучная работа? Вот разбор трала или драги - дело другое, но оно и не имеет никакого отношения к судну, разве только к смачиванию и мытью палубы. Я знаю, что думаю и вывел из собственного опыта и подобных предприятий и работ. Но перейду к делу.

Последнее заседание, в общем, ничего не прояснило... Мы прощались с Великим князем и членами комиссии и на следующий день должны были уйти в море или, вернее, в Кронштадт, где надо было принять уголь, хронометры и инструменты из Морской обсерватории и затем уже идти в Ревель, где барон Толль хотел нас оставить и приехать на «Зарю» в Бергене.

Все время перехода нашего в Петербург и во время нашей стоянки в Неве мы текли до 20 дюймов (по глубине трюма - Н.Ч.) в вахту; знаменитые шхунпомпы, к которым был сделан привод к лебедке по очереди чуть не каждый день требовал исправлений, вытаскивания клапанов осадки течь становилась все значительнее; занятые днем, мы не придавали этому особого значения, тем более что времени на исправление и изыскание причин течи и на устранение ее не было; раздражали нас проклятые помпы, но вода все-таки выкачивалась и не переходила из льяла и межбортовых каналов в нижний трюм, то есть не поднималась выше 28 - 30 (градусов).

В Кронштадте мы наполнили весь нижний трюм углем; твиндек был совершенно заполнен провизионными и всякими другими запасами, часть ящиков пришлось разместить на верхней палубе; кроме всего этого, нам предстояло принять на верхнюю палубу в Норвегии пять тонн брикетов, а в Екатерининской гавани - груз рыбы и 60 собак. Однако впоследствии все разместилось.

Нельзя сказать, чтобы проводы «Зари» были особенно торжественны, нас провожало небольшое общество добрых и близких знакомых, и только; вообще в Петербурге, не говоря уже про всю Россию, многие не знали про нашу экспедицию, но так как большинство «интеллигентного общества» едва ли знает о существовании Ново-Сибирских островов, а многие едва ли найдут на

карте Таймыр или Новую Землю, то было бы странно претендовать на иное отношение.

Интересовалось нами, конечно, Морское общество, но и оно ограничивалось лишь немногими компетентными в морском деле представителями, такими, как адмирал Макаров, полковник А.Н.Крылов, капитан Цвингман...

Я забыл упомянуть об одном важном обстоятельстве, имевшем место в Петербурге. Первое плавание из Норвегии сразу выяснило недостатки и непригодность некоторых людей из команды и дало основание для удаления их и заменой другими. Перемена весьма важная, и уже одно это указывает на необходимость хотя бы короткого пробного плавания, где лучше всего выясняются на деле как достоинства судна, так и пригодность личного состава.

В Кронштадтском порту мы встретили полное содействие и гостеприимный прием адмирала С.О. Макарова, который в день до выхода нашего судна из Кронштадта лично с супругой провожал нас до выхода за бочки Большого рейда».

Кто, кто, а старый морской волк прекрасно понимал куда и на что, на какой риск и какие испытания уходит за тридцать полярных земель небольшое судно. Как бы он хотел, чтобы и его сын Вадим, пока что кадет Морского корпуса, походил на одного из этих отважных лейтенантов...

ОРАКУЛ 2000:

Спустя 19 лет в Перми, там, где Верховный правитель России добывал орудия для своей армии, к вагон-салону адмирала Колчака подошел морской офицер.

- Прошу доложить адмиралу, - попросил он дежурного адъютанта, - что лейтенант Макаров Вадим Степанович просит его принять. Только доложите, пожалуйста, чин, фамилию и имя-отчество.

Озадаченный неожиданной просьбой, адъютант доложил. Он удивился еще больше, когда обычно хмурый адмирал просиял и велел немедленно провести к нему лейтенанта.

- Это сын погибшего адмирала Макарова! - пояснил он недоумевавшему адъютанту и сам вышел навстречу невзрачному офицеру. Крепко обнял слегка растерявшегося лейтенанта.

- Очень рад, Вадим Степанович, что вы в нашем;» стане. Батюшка ваш, несомненно, одобрил бы ваш выбор... В Порт-Артуре он пожалел меня и назначил на крейсер. Я же, увы, ничем не могу облегчить вашу участь. Не хочу обижать вас предложением перейти походный штаб. Ведь не пойдете же?

- Никак нет, Ваше превосходство...

- Полноте! Где и кем вы у нас? '

- Помощник флагманского артиллериста Камской флотилии.

- Ну, с Богом!

Третьего мая 1919 года Камская флотилия начала кампанию под флагом контр-адмирала М. И. Смирнова. Все двенадцать вооруженных пароходов подняли Андреевские флаги. На штабном теплоходе «Волга» отслужили молебен...

Спустя три недели под селом Святой Ключ флотилия приняла жестокий бой, Осколки и пули пощадили сына любимца Российского флота. Лейтенант Вадим Макаров кончил свои дни в Нью-Йорке в пятидесятые годы...

Старший лейтенант Вадим Макаров на всю жизнь сохранил любовь и уважение к своему военному вождю. Там в нищете эмиграции он чем сможет станет помогать вдове адмирала. Однажды он пришлет бедствующей вдове 50 долларов - все, что смог наскрести из своих доходов. В ее полунищенской жизни это было грандиозным событием.

"Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Степанович! Получила через барона Бориса Эммануиловича Нольде (тоже бывший офицер ее мужа по ледокольному судну "Вайгач" - Н. Ч.) чек на 50 долларов, т.е. 1.888 франков, 5 сантимов, была поражена так, что обалдела от изумления, и как неисправимая мечтательница дала волю своему воображению."

«Неисправимая мечтательница» всю жизнь хранила снимок Матисена, сделанный им у борта «Зари». А сын адмирала Макарова до последних дней хранил фотопортрет, подписанный ему Колчаком в Сибири.

А пока что над шхуной развевался вице-адмиральский флаг Макарова. И белобородый патриарх морских наук и флотовождения творил про себя тихую молитву в помощь идущим в неведомое.

- Даст Бог, господа, свидимся! - Сказал он на прощанье. Они свиделись через три года, но, увы, не все...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «На пути Н.Н. Оглоблинский (флагманский штурман - Н.Ч.) докончил уничтожение девиации наших компасов: наконец, и он простился с нами и на катере отвалил от борта. К вечеру мы прошли мимо Гогландского маяка, а к утру случилось повреждение питательного клапана котла, и пришлось прекратить пары и вступить под паруса; ветер был очень слабый, остовый, и мы только через сутки отдали якорь на Ревельском рейде, где стоял в это время артиллерийский отряд. Барон Толль и В.И.Бианки, провожавшие нас до Ревеля, съехали с «Зари», и мы через несколько часов пошли далее. Один за другим появлялись и исчезали знакомые еще с первых кадетских плаваний мысы и маяки...

Мы вышли в Балтийское море и, имея все время спокойную погоду, подошли к Зунду и прошли Копенгаген, не останавливаясь. На другой день в Каттегате мы встретили свежий... ветер и небольшое волнение; при слабой машине «Зари» мы еле продвигались вперед, паруса помогали мало; не желая терять времени, Н.Н.Коломейцов изменил курс и лег не на горизонт Скаттуденского маяка, а на Фридрихсгамн - небольшой датский порт на 0 (Ост-восток Н.Ч.) - берегу Ютландии, за мысами которого мы и стали рано утром. Здесь мы запаслись свежей провизией, немного отдохнули, ветер стих и отошел к..., и после полудня мы уже шли вдоль берега Ютландии. Под вечер, обогнув Скаген, вышли в Скагеррак и пошли к норвежскому берегу.

Режим у нас был следующий: стояли мы и команда на три вахты, причем Коломейцов стоял вахты с четырех до восьми утра и дня, а остальное время Матисен и я сменяли друг друга. Завтракали мы в 12, в три дня пили чай и в

шесть вечера обедали. Стоянка на три вахты вообще нелегка, у нас на военных судах обыкновенно стоят на пять, при четырех уже жалуются на тяжесть вахтенной службы, но, простояв два арктических плавания на две вахты, я считаю, что при трех офицерах стоять вахты можно даже с командиром, так как через день представляется возможность спать и отдыхать целых восемь часов подряд.

Свободное от вахты время у меня уходило на всякие приспособления, разборку, укладку инструментов и другие подготовительные работы. Где можно, мы несли паруса, хотя погода мало благоприятствовала парусному плаванию, было большею частью тихо или не маловетрие от противных курсам румбов. Мы держались, чтобы иметь больше свободы для парусов, вдали от берегов».

Глава шестая. «ГРАНИЦЫ РОДИНЫ С ГРАНИЦАМИ ТВОРЕНЬЯ...»

Глава шестая. «ГРАНИЦЫ РОДИНЫ С ГРАНИЦАМИ ТВОРЕНЬЯ...»

В «академической надстройке» на корме тесная гидрологическая лаборатория Колчака соседствовала с научным кабинетом зоолога Бялыницкого-Бирули. С этим обстоятельным и добродушным белорусом у них с первых же дней похода установились самые дружеские отношения. Бируля обещал даже назвать какой-нибудь новый вид морского рачка именем своего соплавателя - «колчакиус».

- Нет уж, увольте меня от такой чести! - Отмахивался лейтенант от любезного предложения. - Назовите, лучше в честь Толля - «толлиус» или в честь Матисена. А я меньше чем на остров, не согласен.

Остров именем Колчака назвал сам барон Толль в знак признательности за неустанный и самоотверженный труд гидрографа и вахтенного офицера.

«Наш гидрограф Колчак, - отмечал он в своем дневнике, прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции... Научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединять обязанности морского офицера с деятельностью ученого».

На проводах «Зари» был и поэт Константин Случевский-старший. Он был, пожалуй, первым из русских поэтов, писавших Север с натуры, ступив на его голые скалы.

И подумаешь, бросив на край этот взоры:

Здесь когда-то, в огнях допотопной земли,

Кто-то сыпал у моря высокие горы,

И лежат они так, как когда-то легли!

Случевский, поэт мистический, печальный, философический, подарил Толлю томик своих стихов. Его поэзия как нельзя лучше отвечала духу, увы, последней для барона экспедиции.

Сколько раз, разглядывая утесы нового острова, вспоминал Эдуард Васильевич эти совершенно «ландшафтные» строки:

Неприветливы, черны громоздятся уступы...

То какой-то до века погасший костер,
То каких-то мечтаний великие трупы,
Чей-то каменный сон, наводнивший простор!

Книжечка ходила по рукам. Случевский был незримым участником плавания. Колчак, всегда равнодушный к образному слову, порой смотрел на льды и скалы сквозь призму поэта и призма эта замечательно дополняла подозрительные трубы и экспедиционные бинокли:

Из тяжких недр земли насильственно изъяты,
Над вечно бурною холодною волной,
Мурмана дальнего гранитные палаты
Тысячеверстной воздвиглися стеной...

- Такие строки мог написать только геолог! _ Восторгался Толль. - Право, он был прирожденным землеведом!

И читал в кают-компании за вечерним чаем на память:

И пробурваны ледяными ветрами,
И вглубь расщеплены безмолвной жизнью льдов.

Они ютят в себе скромнейших из сынов

Твоих, о родина, богатая сынами.

- Это о ком это он? О поморах? - Спрашивал Матисен.

- Да хоть о поморах, хоть о самоедах, о долганах, нганасанах... Лучше не скажешь - скромнейшие из сынов.

- Так оно так, да только шибко огненную воду любят. - Приземлял разговор Коломейцов.

- Да, вы послушайте, - восторгался обычно сдержанный барон, как замечательно сказано!

И заложив страницу пальцем подносил книгу поближе к керосиновой лампе:

Здесь русский человек

Пред правдой лицемерья

Того, что Божиим веленьем сведена

Граница родины с границами творенья...

- Вот они пред нами - границы творенья по которым не ступала нога человека, - взмахивал рукой Толль, - и они же все эти мысы, бухты, утесы - естественные границы России. Позволю себе заметить - самые свободные границы в мире...

- Поскольку здесь не ступала нога таможенника и жандарма. - Продолжал мысль командора Бируля к всеобщему веселью.

Александровск-на Мурмане. 1900 год.

Это старинное поморское селение, всего как год, получившее статус города, должно было стать точкой старта их броска к земле Санникова. Дальше - будут только льды и тысячи верст никем не населенных берегов то горной, то заболоченной тундры, птичьи базары на скалах да лежбища тюленей, ледяные

поля да дымящиеся в стужу полыньи...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Екатерининская гавань, получившая за год до нашего прибытия официальное значение военного порта и угольной станции, представляет из себя узкий фиорд, окруженными крутыми, скалистыми, по большей частью сглаженными каменистыми берегами, поднимающимися с высоты...(гора Энгельгардта). Отсутствие растительности придает безжизненный вид каменистым холмам и склонам, среди которых в самой глубине бухты находится вновь построенный небольшой городок, состоящий из немногих домов местной администрации, церкви и около 10-15 частных построек. Это небольшое селение производило приятное впечатление прекрасными дорогами, чистотой и внешним видом новых построек. Быть может, это обуславливалось только новизной и недавним их существованием. Деревянная пристань у города, другая такая же, но меньших размеров в 50 части бухты да две-три бочки на рейде представляли все удобства для стоянки судов. Стоянка в гавани имеет недостаток из-за неважного грунта; у пристаней приходится считаться с порядочным приливом. Приглубость берега несколько искупает узкость рейда, где современным первоклассным крейсерам стоять тесновато. Течения в глубине бухты не сильны и не представляют неудобств. От волнения бухта совершенно закрыта. В Екатерининской гавани имеется склад превосходного угля, часть его была в сараях, другая лежала прямо на воздухе; по качеству этот уголь был смешанный...

Население гавани, или, вернее, города, состояло из нескольких человек администрации и небольшого количества поселенцев, ссыльных, среди которых были и поляки. По свойствам это поселение, состоявшее из отбросов и всякой сволочи, не особенно гармонировало с новым портом. В 0 части бухты расположены постройки научно-промысловой мурманской экспедиции, (состоявшей тогда под начальством Книповича), пароход которой «Андрей Первозванный» мы застали стоящим у пристани экспедиции. Кроме него на рейде стоял небольшой казенный пароход «Печора», пробиравшийся на эту реку.

Прийдя на рейд, мы узнали, во-первых, что собаки наши уже прибыли в Екатерининскую гавань... Второе известие касалось нашей шхуны, зафрахтованной в Архангельске и долженствующей доставить нам груз угля в Югорский Шар в бухту Варнека. Оказалось, что шхуна при первой попытке встретила лед, пройдя Калгуев, получила повреждение и вернулась в Архангельск. Таким образом расчет на пополнение запасов угля в Югорском Шаре становился более чем сомнительным, и случай этот подтверждал известие, полученное в Трансё от промышленников, что в этом году Ледовитый океан по состоянию льда крайне неблагоприятен для плавания.

Сейчас же по приходе к нам приехал начальник мурманской экспедиции Книпович и помощник его Брейтфус. Книпович предложил желающим выйти на «Андрея Первозванном» в море для производства гидрологических и зоологических работ, что крайне приятно для нас и любезно со стороны Книповича. На другой день вечером Толль, Бируля и я ушли на «Андрея Первозванном» в море для производства гидрологических работ, «Андрей

Первозванный» представляет из себя современный стальной траулер, построенный в Германии и прекрасно приспособленный для научных работ. Зоологические работы кроме обычных тралов, драг и планктонных сетей производятся с помощью песерсоновского трала и особенно - огромными буксируемыми траулерами на большом ходу до шести-семи узлов...Книпович был так любезен, что произвел все работы, как зоологические, так и гидрологические, причем последние не представляли для меня чего-либо нового ни по приборам, ни по методам наблюдения...

На «Андрее Первозванном» не исследовали воды, брались только пробы, а анализ на содержание хлора и даже ареометрический метод определения удельного веса приводился на берегу на станции. Мы работали в Мотовском заливе и в Ара-губе; было поймано немного трески, глубоководных окуней, скатов, камбал и проч.

Вообще «Андрей Первозванный» в смысле организации работ производит очень хорошее впечатление - все было налажено, делалось скоро, удобно и хорошо. За наше отсутствие «Заря» ошвартовалась у пристани и хотела принимать уголь, но последний в складе, расположенном у пристани, оказался дурного качества, и Коломейцов решил перейти к другому складу у пристани, где стоял «Андрей Первозванный».

При нашей малочисленной команде пришлось для ускорения работы нанять какую-то сволочь из местных обывателей, которых через несколько часов работы пришлось рассчитывать и доканчивать работу самим. Наполнив трюмы углем, мы получили осадку 18,5 футов. Течь усилилась, каждые два часа необходимо было откачивать воду. На палубе негде было повернуться, все было завалено рыбой - пришлось около 30 тонн оставить на берегу, так как ее решительно некуда было сунуть. Оставалось принять собак и идти дальше».

ОРАКУЛ 2000:

Пройдет всего тридцать лет и три года и Александровск-на-Мурмане, переименованный в Полярный (не иначе, как честь любимой звезды Колчака) станет столицей Северного флота России, другой России - советской. Ничто - ни камень, ни крест не скажет о том, что отсюда в начале века стартовала отчаянная и героическая экспедиция на Землю Санникова. Отсчет времени здесь начнут вести не от РХ - рождества Христова, а от ШЗ - штурма Зимнего. Гору Энгельгардта переименуют в гору Ленина, который севернее Гельсингфорса так и не побывал, на берегу чудом не переименованной Екатерининской гавани станет на двадцать лет памятник «создателю Северного флота» Сталину; в отличие от Ильича, он все же посетил эти суровые края.

Но в этом узаконенном государством беспамятстве найдутся трое полярников - два брата Иванюшкина, инженеры с местного судоремонтного завода и рабочий Василий Суров - которые в брежневскую-то пору отыскивали на одном из маяков старый колокол с бывшего храма Александровска-на-Мурмане, того самого храма, в котором лейтенант Колчак просил всех своих небесных заступников о помощи в опасном предприятии, о даровании успеха и благополучном возвращении. Многопудовый колокол с превеликим был

перетащен в Полярный и поставлен на камень, на котором было выбито имя легендарной к тому времени ихуны «Заря». Эта рискованная акция памяти была предпринята еще в 1978 году. В год столетия города колокол был поднят на колокольню возрожденного храма.

Иногда на якорных стоянках - в нечастую свободную минуту - обычно после вечернего чая, заводили в кают-компании новомодную европейскую новинку - фонограф, который барон Толль привез из Ревеля. Со сменных тон-валиков звучали романсы - такие странные под северным сияньем и такие вдруг многозначительные. Лейтенант Колчак слушал их, опустив голову, так что отросшая черная борода вросла в грубую вязку норвежского свитера. (бриться опасной бритвой в качку - опасно, а безопасное лезвие «жилетт» будет изобретено только в следующем - 1901 году). Ему казалось, как, впрочем, и каждому из его однопоходников, что каждое слово, летящее из раструба чудо-аппарата, - про него, про ту, которая осталась ждать...

И много лет прошло
Томительных и скучных.
И вот в тиши ночной
Твой голос слышу вновь.
И вижу, как тогда,
Во вздохах этих звучных,
Что ты одна - вся жизнь,
Что ты одна - любовь...

Потом, оставшись в тесной каютке наедине с собой, крохотным откидным столиком и листком почтовой бумаги, он быстро, почти, не выбирая слов, писал: "Прошло два месяца, как я уехал от Вас, моя бесконечно дорогая, и так жива передо мной вся картина нашей встречи, так мучительно и больно, как будто это было вчера, на душе.

Сколько бессонных ночей я провел у себя в каюте, шагая из угла в угол, столько дум, горьких, безотрадных... без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Вы были для меня больше, чем сама жизнь, и продолжить ее без Вас мне невозможно. Все мое лучшее я нес к Вашим ногам, как к божеству моему, все свои силы я отдал Вам.

Я писал Вам, что думаю сократить переписку, но, когда пришел обычный час, в котором я привык беседовать с Вами, я понял, что не писать Вам, не делиться своими думами - свыше моих сил. Переписка с Вами стала для меня вторым "я", и я отказываюсь от своего намерения и буду снова писать Вам - к чему бы это меня ни привело. Ведь Вы понимаете меня, и Вам может быть понятна моя глубокая печаль".

...

Однако вовсе не всегда в кают-компании «Зари» царила безмятежная атмосфера доброго путевого товарищества. Все чаще и чаще охлаждалась она льдом взаимного неприятия барона и командира, Толля и Коломейцова...

Глава седьмая. «ТАМ ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ ЕСТЬ БЛАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ...»

Москва. Июнь 1990 года.

На дворе еще большевистская власть со всеми своими лубянками, идеологическими отделами, институтами марксизма-ленинизма, а на Волхонке - в Доме науки и техники - вечер, посвященный землепроходцу русского севера Александру Колчаку, первой Русской Полярной экспедиции. Афишу с большим скандалом удалось разместить только в вестибюле. Тем не менее зал был полон: пришли моряки, историки, журналисты, географы... Вечер вела на свой страх и риск (она же его и организовала) поэт Тамара Пономарева. С ее легкой руки я и познакомился с профессиональным путешественником биологом Юрием Чайковским, который более, чем кто-либо исследовал документы экспедиции Толля и пришел к нестандартным выводам.

Юрий Чайковский считает, что именно этот конфликт между бароном и лейтенантом Коломейцовым и погубил самого Толля.

РУКОЮ ИЗЫСКАТЕЛЯ: «Ссоры с Коломейцовым внешне не было, и отослан он был вроде по необходимости - обеспечить для «Зари» угольные склады, но все догадывались, что дело глубже. Когда прощались, Коломейцов со всеми обнялся, только барон протянул ему руку. Потом Коломейцов с Расторгуевым вернулись обмороженные, не найдя дороги, все высыпали на лед встречать их, один барон Толль ушел мрачный в каюту. И снова отослал, другой дорогою. Списал на берег. А в каюте Коломейцова собак поселил. В результате «Заря» осталась без командира и без угля. Дело в том, что Толль поставил перед Коломейцовым в качестве обязательной задачу, которую до этого экспедиция вовсе не ставила - в течение двух летних сезонов создать два угольных склада (на Диксоне, что у устья Енисея, и на Котельном). Коломейцов предлагал начать с Котельного, поскольку без этого «Заря» не могла вернуться с «земли Санникова» на Диксон, но Толль настоял на складировании угля сперва на Диксоне. Этим он избавил себя от встречи с Коломейцовым на Котельном и погубил экспедицию, ибо на два склада денег у Академии не нашлось. Во время плавания Матисен и Колчак валились с ног, чередуясь на вахте. «Оба офицера нуждаются в восстановлении своих сил», - записал Толль в дневнике уже на четвертый день навигации, но попытки вернуть командира не сделал. А склад у Диксона так и пропал зря.

Матисену, тоже отличному моряку, спорить с начальником экспедиции было, видимо, не под силу. Лишь однажды проявил твердость - когда не смогли подойти к Беннетту и, еле вырвавшись из льдов, сумели войти в отличную бухту на Котельном. Шторм, снег, море того и гляди встанет, в трюме течь. помпы надо чистить, главную машину тоже, угля в обрез, оба офицера с ног валятся (да и команда), а барон Толль решил - снова идти на Беннетта. Увидел на берегу отличную просторную поварню и загорелся: разберем, перевезем на Беннетта и там зазимуем вчетвером. Идея безумная, туда и пеший едва ли

прошел бы, а тут - много тяжелейших нарт, миль 15 по невесть какому льду. Вот тогда-то Матисен и положил начальнику на стол список неисправностей - так и так, мол, выйти в море нельзя. Барон и тут уступил не сразу. Дал шесть дней на ремонт, отказался от перевозки поварни, зато загорелся новой (совсем уж сумасшедшей) идеей - идти на Беннетта с четырьмя нартами, в расчете на голодную зимовку. Хорошо, что море встало, и вопрос надолго отпал.

Академия предложила Толлю, в ответ на его просьбу о втором складе угля, сократить круг работ, Толль же предпочел просто бросить «Зарю». Лейтенант Матисен, которого Толль назначил командиром, писал: «Толль не хотел больше плавать на судне, или просто хотел от него избавиться». Этот крик души был извлечен биографом Толля П. В. Виттенбургом из академического архива, а в официальных отчетах, публиковавшихся регулярно в «Известиях» Академии, все вроде бы шло гладко. Ознакомившийся с ними увидит полную нелепость: пока судно движется, Матисен, метеоролог, ставший фактически начальником экспедиций, ни на миг не может покинуть мостик, поскольку другой офицер (Колчак) - впервые в Арктике, а ледовая обстановка сложнейшая. Почти всю научную работу ведет (между вахтами) лейтенант Колчак, ему помогают наиболее грамотные и умные матросы и ссыльный студент-медик (присланный из Якутска взамен умершего судового врача), а других научных сотрудников на научном судне не осталось. «Заря» идет неизведанными водами, вдалеке виден неизвестный остров, но ничего нельзя исследовать, ибо весь уголь приказано тратить на то, чтобы вновь и вновь искать во льду щели, быть может, ведущие к Беннетту. В любой день «Заря» может быть раздавлена льдами, так что Матисен приказал держать документы, еду, одежду и нарты наготове в палубной надстройке - спасатели готовы стать потерпевшими, а им-то помочь не сможет никто.

Что ж, избавиться от «Зари» Толлю удалось, но ведь от себя не избавишься».

Глава... ТАЙМЫРСКАЯ ОДИССЕЯ

Таймыр. Апрель-май 1901 года.

Коршун с крыльями широкими, как охотничьи лыжи, кружил над таймырской тундрой. Он следил за двумя крохотными фигурками, которые отчаянно пробирались вглубь гиблой земли, и вещая птица чувствовала, что эти живые пока существа - чуждые суровому здешнему миру - очень скоро могут стать неживыми. Еще раньше - ослабевшими настолько, что легко станут его добычей. Существами, которых выслеживал коршун, были два человека, забредших туда, куда не ступала нога их соплеменников: высокий, идущий впереди - барон Толль, пониже и также подавшийся вперед - Колчак. Оба помогали отошавшим собакам тянуть сани с поклажей. Тридцатые сутки брели они по тундре в поисках продовольственного склада, который Толль устроил на

одной из приметных сопкок специально, чтобы пополнить запасы еды на обратный путь - на возвращение к «Заре».

В эти изнурительные санные (большей частью - пешие) походы по материку барон Толль отправлялся для сбора геологических образцов, а также и для того, чтобы не оставаться на шхуне в гостях у ее капитана Коломейцова. В тундре, за сотни верст от ближайшего человеческого жилья, в шаткой брезентовой палатке он чувствовал себя также покойно, как в своей ревельской квартире. Вскоре и его спутник понял, что тундра для человека с полным патронташем и коробкой спичек, и в самом деле, может стать, если не домом, то вполне обитаемым пространством. Это только на взгляд из столичных окон таймырская глушь - могила без стенок. Выжить тут можно, особенно если с тобой рядом бывалый и отважный человек, вроде Эдуарда Васильевича. И даже забывчивость его простительна - будь ты штурманом о семи пядей во лбу, а запомнить место в этих уныло схожих сопкок среди одинаковых озерков и закрученных в неразличимые загогулины речушек весьма непросто, даже если ты и сложил на вершине сопки гурий - приметный знак. Гурий над ящиком с консервами они соорудили три недели назад из кривой рогатины, с насаженным на нее черепом оленя. И теперь до куриной слепоты высматривали в белой замяти нескончаемой пурги этот спасительный знак. При одной только мысли, что в консервных банках - щи, гречневая каша с топленным маслом, горох со свиной тушенкой, желудок стискивали голодные судороги.

За 41 день они прошли 500 верст, дошли до мыса Челюскин, и весь этот путь лейтенант вел маршрутную съемку, делал магнитные наблюдения.

Как-то целые сутки им пришлось провести в палатке - снежный буран бушевал так, что носа не высунешь. Они и не высовывали. Лежали в спальных мешках, положив промерзшие сапоги под голову. Курили трубки, чтобы глушить голод и иллюзорно согреваться хотя бы табачным дымом, благо табака хватало. Ждали того часа - единственного за все сутки, когда можно будет разжечь примус и вскипятить чай, а в него бросить пригорошню сухарных крошек да сахарных осколочков, а потом хлебать эту сладковатую, а главное горячую тюрю, чувствуя, как с каждой ложкой в тебя входит жизнь. Палатка, обросшая изнутри махровым инеем, ходила ходуном под порывами ветра. Воздух, нагретый дыханием и пламенем примуса, выдувался мгновенно.

Изобретателю примуса следовало бы поставить памятник. Без его изобретения не состоялось бы на заре 20 века походов к южному да и северному полюсам планеты.

Только голубой венчик экономно горящего бензина позволил полярным первопроходцам выживать в ледяных пустынях Арктики и Антарктики. Канистра с бензином позволяла запастись тепловой энергией на переходы в тысячи верст.

Обычно не слишком словоохотливый Толль весь день был чрезвычайно говорлив. Он рассказывал даже о своей жене Эммелине, оставленной на невесть на сколько в Ревеле, но которая все равно его дождетя...

- А у вас есть невеста? - Спрашивал он Колчака.

- Есть. Презамечательная девушка. - Отвечал лейтенант. Отсюда, из

мрачных пустынь Таймыра София казалась по меньшей мере живой богиней.

- Это очень хорошо, что вас кто-то ждет... Раз ждет, значит молится. Ведь наши жизни здесь порой на честном слове висят...

Там, под вой пурги и заполошный трепет брезента на ветру, под хрип простуженных бронхов Колчак слушал великолепные лекции по геологии, подобно тому, как его отец постигал науку о земных недрах в Горном институте. Даже в этом он шел по отцовским стопам.

Говорили о многом, чтобы забыть о промозглом холоде, донимавшем обоих. Но самое главное - и это остро припомнилось Колчаку, спустя двенадцать лет, - Толль утверждал, что, судя по простиранию геологических структур, севернее мыса Челюскин должны быть большие острова. Так оно потом и оказалось!

В 1913 году экспедиция Бориса Вилькицкого открыла огромный архипелаг, не нанесенный на карту Арктики. То была земля побольше, чем та, что ожидал увидеть Санников. Вилькицкий назвал ее Землей Императора Николая II, большевики переназвали ее Северной землей. На сорок две тысячи квадратных километров приросла Россия. Это было последнее великое географическое открытие на планете.

Тогда в 1901-ом они с Толлем были совсем рядом от этой неоткрытой земли. Всего два суточных перехода отделяло их от того, к чему они так отчаянно стремились. Ведь ширина пролива, отделявшего ближайший остров этой земли от материка, составляла всего 28 миль. Пешком можно была по льду добраться, не говоря про собачьи упряжки. А они поутру свернули палатку, уложили поклажу на сани и двинулись совсем в другую сторону, туда, куда манил их призрак пригрезившейся Санникову и Толлю неведомой земли.[5]

Колчак с трудом тащил ноги - давал знать голод, почти все время они шли на урезанном вдвое пайке. Заветный знак продовольственного склада - олений череп на рогатине - все чаще представлял ему в образе Костлявой с косой. Глубокий снег и встречный ветер уносил последние силы. Каждый уже тихо прощался про себя с земной юдолью. А склада с припрятанными продуктами все не было и не было...

ОРАКУЛ 2000

Продовольственный склад барона Толля на Таймыре был найден лишь спустя семьдесят лет экспедицией Дмитрия Шпаро, организованной в семидесятые годы редакцией газеты «Комсомольская правда». Шпаро доставил прекрасно сохранившиеся банки с консервированными щами и мясом в Москву. Некоторые открыли и попробовали - вполне съедобно. Вечная мерзлота сохранила продукты не хуже любого холодильника. И автору этих строк довелось попробовать кашу из запасов барона Толля. Судьбы вещей и даже продуктов не менее причудливы, чем судьбы их владельцев.

Они возвращались на «Зарю», как на остров спасения. При этом Толль не без удивления отмечал, что его спутник, пожалуй, даже более бодр и энергичен, чем он сам, он бывалый и закаленный полярник. Кому суждено сгинуть в

попынь, тот не умрет от голода.

По ночам прежде, чем забраться в палатку, Колчак творил ежевечернюю молитву, как наставляли его дома и в Корпусе. Он крестился прямо на звездное небо и каждое слово его молитвы отзывалось всполохом полярного сияния:

«В руце Твои, Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой...»

Это был самый прекрасный храм во всем мире - с куполом, разверстым во всю Вселенную. Казалось, быть ближе к Богу уже невозможно, что Он сам смотрит на тебя глазами звезд, что Он непременно приведет тебя к спасению - к борту обледеневшей заснеженной шхуны, чьи мачты вздымались над белым безмолвием, как три поклонных креста...

Этот отчаянный переход превосходно описан в научной книге Валерия Синюкова «Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики»:

«Страшный шторм бушевал целую неделю. По утрам приходилось откапывать полуживых собак, нарты, палатку, собачьи хвосты вмерзали в лед.

Нередко нарты тащили лишь пять собак, остальные бежали рядом. Пришлось Лайку и Крошку освободить от ужасных страданий выстрелом из ружья. А до "Зари" оставалось еще 200 км. В лучшем случае их можно было пройти за девять дней. Хватит ли сил у людей и собак?

22 мая Толль записал, что питания для собак осталось на три дня, а для полярников - на 5-6 дней. Э.В. Толль по своей фанатичности чем-то напоминал Седова, который ушел к Северному полюсу явно без каких-либо шансов вернуться. В критических ситуациях бывает, что полярники переоценивают свои возможности, не считаясь со здравым смыслом. Однако А.В. Колчак никогда не терял голову, его рассудительность и вдумчивость не раз помогали Толлю принять правильное решение. Например, Толль намеревался пройти вдоль побережья, чтобы уточнить и исправить данные топографической съемки, полученные ранее. Колчак убедил его, что для измученных людей такая работа непосильна. Постоянная сырость в палатке, влажные спальные мешки, вечно мокрые ноги - все эти тяготы совсем измотали людей.

"Сегодня съели последний сухарь, - пишет Толль 28 мая, - осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу... Мы оба обессилили, питаюсь в штормовом лагере одной четвертью рациона. Чувствую себя особенно плохо - болит голова и наступила апатия, а также потерялся голос. Гидрограф (Колчак. - В. С.) бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время как я готов был сделать привал в любом месте".

Собаки гибли одна за другой от голода. Колчак особенно любил собаку по кличке Печать, он предложил не пристреливать ее, а ослабевшую и полуживую довести на нартах до "Зари". На нартах уже лежала Леска, привязанная сверху, чтобы не свалилась в пути. Колчак и Толль впряглись в лямки и потащили нарты вместе с несколькими собаками в упряжке, не желавшими двигаться, когда им не помогали. Полярники сами еле переступали, нестерпимо болели руки, ноги, все тело.

В эти тяжелые дни ни Колчак, ни Толль не были уверены, что им удастся добраться до шхуны. Ах, если бы встретился медведь или олень, тогда все были бы спасены. Вот о чем они больше всего мечтали! Движение с каждым днем

становилось все медленнее. Рацион собак сократился в 3-4 раза. Собаки, везущие нарты (их было шесть), получали по целой рыбе, остальные четыре, идущие рядом, по половине.

30 мая в четверг экспедиция достигла мыса Миддендорфа и направилась к Таймырскому проливу. Собаки узнавали свой старый след, приободрились. Но тут полярники из-за тумана прошли мимо своего продовольственного склада, который остался позади в пяти километрах. А до "Зари" было еще 35 км. Решили не возвращаться, а двигаться к шхуне. Люди уже более суток ничего не ели. Все, что у них осталось, отдавали собакам.

31 мая в пятницу Толль и Колчак все-таки дотянули до "Зари". Последние 10 км были особенно трудными. Вместо еды для подкрепления сил выкуривали по трубке. И лишь когда увидели мачты шхуны, поняли, что спасены, что дома и живы!»

Да, они живыми вернулись на «Зарю», которая показалась им райским оазисом посреди ледяного ада. Долго отсыпались в тепле, отогревались чаем с мадерой (из личных запасов барона), потом засели за научные отчеты. Все пережитое осталось между скупых и точных строк. Перо барона Толля каллиграфически выводило:

"Наша экспедиция продолжалась всего 41 день, из которых 9 пошли на стоянки во время сильной пурги, а 4 - на безуспешную работу по раскопкам депо. В течение остальных 28 дней мы совершили около 500 верст.

Лейтенантом Колчаком была проведена маршрутная съемка, опиравшаяся на 9 астрономических пунктов. В первое время нашего пути им же производились на каждой стоянке магнитные наблюдения, но на десятый день, ввиду необходимости облегчить нарту, пришлось оставить инклинометр, который мы закопали вместе с некоторыми излишними вещами в снежный откос на берегу моря.

...Спрашивается, каковы будут результаты всех пережитых трудностей и невероятных лишений? Пока произведена только съемка побережья на небольшом протяжении к северо-востоку, причем установлено, что... Таймырская бухта ни в коем случае не фиордообразная. Далее, брошен беглый взгляд в глубь полуострова, на скрытый туманами пустынный ландшафт. О геологии этих мест не удалось составить себе ясного представления. И это немного стоило нам полных лишений более 40 дней тяжелой работы и жизни нескольких собак!

Вчера после долгого времени я увидел маленькую стайку из пяти-шести пуночек, пролетающую в двух километрах отсюда в глубь страны. В остальном все мертво".

Гидрограф Колчак составлял тем временем кроки будущей «Карты Таймырского пролива с частью Берега Лейтенанта Харитона Лаптева».

В благодарность за совместно пережитые тяготы и риск Толль назвал его именем один из открытых ими островов у берегов Таймыра. Остров Колчак находится между 68-70° восточной долготы. Лейтенант, весьма польщенный такой наградой, сам нанес его на карту. Самую северную оконечность его он нарек мысом Случевского... В честь друга-поэта.

Вот уже более полувека острова Колчака на картах нет. Есть остров Расторгуева, переименованный в 1939 году ВСНХ СССР в угоду времени и его временщикам. Все попытки научной и военно-морской общественности докричаться, дозвониться, донести до Президента СССР, а потом и президентов России мысль о справедливости возвращения острову в Таймырском заливе имени Колчака, остаются без ответа уже двенадцатый год...

* * *

Колчак и на второй зимовке времени даром не терял. Шхуна стояла недалеко от берега и он покидал ее при каждом удобном случае, как астронавты покидают свою небесную станцию, уходя в открытый космос. Втроем, вдвоем, а то и в одиночку отправлялся он изучать огромный остров Котельный. Он пересек его весь, перебрался на соседнюю Землю Бунге, открыл новый остров, который называли островом Стрижева.

В эту вторую зимовку лейтенант ощутил себя заправским полярником: он научился управлять собаками, свежевать убитого оленя, бить гусей в лет, спать в снегу...

Он никогда не думал, что езда на собаках требует знаний не менее изощренных, чем езда на автомобилях или хождение под парусом.

Кто мог подумать, что хорошая упряжка с двумя седоками может преодолеть до 250 километров в сутки?

Полозья нарт для лучшего скольжения можно намораживать, а чтобы лед лучше держался надо полозья предварительно покрывать жидкой кашицей из торфа, глины или оленьего навоза при помощи заячьей лапки.

Даже было странно, что столько людей в родном Санкт-Петербурге живут и не подозревают о том, что при движении по морскому льду с солью собакам на лапы надевают чулки из выделанной оленьей кожи с отдельно вшитой подошвой. Надо следить, чтобы они не сжирали чулки. В сильные морозы собакам на паховую область надевают меховые набрюшники.

При ночевке на плотном снегу каждой собаке надо вырывать отдельную ямку, чтобы пес мог укрыться от ветра.

Что нарты бывают колымские и чукотские. Что собаки погоняются длинной палкой с наконечником - хореем, а тормозят короткой толстой палкой - остолом или торилом.

При цуговой упряжке в пути надо время от времени менять местами собак, так как самая тяжелая работа для них - сзади, в «корню», а передовые утомляются больше всего при глубоком снеге. Самые лучшие в мире каюры - якуты, чукчи и русские северяне. Вожак понимает их с голоса.

Вожак идет в паре со второй после него по качеству собакой - подвожаком, вожак выбирает дорогу, заставляет весь потяг преодолевать препятствия, удерживать других собак от погони за пробегающим зайцем.

На ночь собак привязывают к длинной цепи короткими - в аршин - цепочками; ремни перегрызут. Кормят только вечером раз в сутки. Суточная

норма сухого корма (крупы, галеты, пеммикан) - до килограмма, а мороженого мяса - до двух килограмм. Упряжка из десяти собак за двадцать дней пути съедает вес груза, который могут тянуть. Во время пережидания пурги - норма та же.

Упряжка не может идти против ветра, дующего со скоростью 7- 8 метров в секунду.

Весьма и весьма расширил он и свои теоретические познания. Барон Толль сумел превратить шхуну в своего рода плавучий университет, где регулярно проводил научные беседы с командой «Зари». Выступал перед матросами и Колчак с докладами по своей тематике, зоолог Бируля, магнитолог Зееберг... По вечерам в кают-компании разгорались диспуты по самым разным предметам - от философии до военно-морской стратегии...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: Поначалу «лейтенант-гидрограф, - Бялыницкий-Бируля имел ввиду Колчака, - придирчивый к матросам, с собаками был и вовсе строг, а дикого зверя и птиц рассматривал лишь через прорезь своего винчестера. В поездках с Толлем он впервые полюбил лающую и скулящую братию и под конец даже сам уговаривал Толля не убивать больных собак, класть их на нары - авось отлежаться. А в усатых моржей прямо-таки влюбился и на мушку не брал.»

Больше всех из команды сдружился Колчак с боцманом шхуны Никифоровым Бегичевым.

* * *

Барон Толль верил в свою звезду, верил, что с ним ничего страшного случиться не может. Кто внушил ему эту веру? Но именно она помогала ему решаться на самые рискованные предприятия. Он часто говорил о ней, когда его пытались остановить перед очередным «безумством».

Всякий раз, слушая романс «Гори, гори моя звезда», Колчак вольно или невольно вспоминал своего Командора, у которого вопреки словам поэта, не было никакой могилы, но звезда его все-таки горела над белой пустыней Арктики. Как горела и его, Колчака, звезда - Полярная. Видно, была она для них одной на двоих, бесследно сгинувших в Сибири, но успевших зажечь свои погребальные звезды...

Глава восьмая. «ПРИЗРАЧНО ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ БУШУЮЩЕМ...»

Со дня выхода «Зари» из Екатерининской гавани прошло почти два года...

Краткая хронология многомесячного похода «Зари» уложится в несколько строк: в первое экспедиционное лето шхуне удалось пересечь Карское море, зайти ненадолго на Диксон и выйти к берегам Таймыра, где пришлось стать на зимовку в бухте Колин-Арчера близ острова Норденшельда в Таймырской губе. Зимовка растянулась на 11 месяцев. Только 30 августа 1901 года «Заря» сумела

вырваться из ледового плена и пересекла море Лаптевых, дойдя до острова Котельный. Если представить, что к Земле Санникова - в высокие широты - ведет некая лестница, то остров Котельный будет первой, начальной ее ступенькой. Следующая ступень - остров Фадеевский, затем - остров Новая Сибирь, и, наконец, стартовая площадка к Земле Санникова - остров Беннетта. Отсюда ее и увидел в синей дымке барон Толль в первую свою экспедицию, здесь же, на северной кромке острова кончалась и карта северных владений российской империи. Но выйти на эту финишную прямую (остров Беннетта - Земля Санникова) было совсем непросто. А в тот год и вовсе невозможно из сплоченных льдов, наглухо преградивших «Заре» подход острову.

Вторую зимовку во льдах - унылую, безрассветную и бесконечную, как вой пурги в обледеневших снастях - экспедиция Толля провела в лагуне Нерпалах на западном берегу острова Котельный. Барон с нетерпением ждал лета, их третьего арктического лета, когда можно будет совершить решающий бросок к заветной цели. Для себя он решил не возвращаться домой, не открыв Земли Санникова. Он записал это в своем дневнике, как рыцарскую клятву: «Только бы мне достигнуть цели!... Как туго натянутые струны, напряжены мои нервы...»

Нервы были напряжены у всех: вторая арктическая зимовка - это очень трудно. Голод витаминный, световой, информационный сказывался на каждом - люди сделались сонливы и раздражительны. Тем не менее, как и во время первой зимовки, жизнь на «Заре», во многом благодаря лейтенанту Коломейцову, была подчинена твердому корабельному распорядку. Барон Толль попытался подогнать течение корабельной жизни под график научных исследований. Их и без того непростые отношения обострились еще больше. Колчак оказался между двух огней. С одной стороны он принимал правоту Коломейцова как командира корабля, с другой прекрасно сознавал, что строевой уклад жизни на судне - не самоцель, шхуна пришла в эти края ради дела науки. И истинный командор экспедиции - барон Толль. Может быть, поэтому лейтенант Коломейцов с горечью отмечал в своем дневнике, что Колчак «на всякую работу, не имеющую прямого отношения к судну, смотрит, как не неизбежное зло, и не только не желает содействовать ей, но даже относится к ней с какой-то враждебностью». Зато Толлю его второй магнитолог и гидрограф нравился все больше и больше: «Колчак не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии... Научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого...

... Во время обеда ведется обычно интересная застольная беседа, в которой принимает участие главным образом гидрограф, человек очень начитанный... Беседую и забавляюсь горячим спором между Матисеном и Колчаком; они неизменно придерживаются противоположных мнений, но благодаря добродушию Матисена остаются в дружбе, несмотря на частое раздражение гидрографа.»

Лейтенант Матисен держался того же мнения о бароне Толле, что и командир шхуны, разве что не высказывал его вслух, но поверял лишь

дневнику:

«Толль не раз говорил..., что он всецело придерживается высказанного А.Ф. Миддендорфом взгляда на экспедиционное судно как на временное жилище и склад продовольствия, которое должно вести экспедицию по возможности дальше к северу и в случае надобности должно быть оставлено... Начальник экспедиции не имеет права покидать судно и личный состав экспедиции. Пример Нансена не может служить оправданием для такого поступка, так как, несмотря на исключительно счастливое окончание экспедиции, он в принципе заслуживает порицания».

* * *

К концу мая 1902 года барон Толль понял, что ждать у моря «ледовой погоды» больше нельзя. Запасы угля на шхуне оставляли желать лучшего, а льды не только не собирались расступаться перед форштевнем «Зари», но и сплывались все плотнее, все непроходимее. На пути стояли гигантские стамухи - ледяные баррикады, взгроможденные силой океана и арктических штормов... Изрядно потертая льдами шхуна не могла подобраться не то, что к Земле Санникова, но даже к острову Беннета.

И что же? Возвращаться ни с чем? Говорить в свое оправдание банальное - «льды не позволили пройти»? Признать, что отпущенные Академией наук огромные средства (в кредит!), истрачены впустую? Предстать в глазах коллег, в глазах Эмmeliны и двух дочерей прожектором-неудачником? Это после грома фанфар, под которые отправлялась экспедиция, после всех заверений и обещаний под звон банкетных бокалов...

О нет, барон, поставил на белую карту Арктики воистину все - и свое доброе имя, и свою жизнь. Он решил идти к Земле Санникова, не дожидаясь, когда это позволят льды и погода. Именно по тем же мотивам, старший лейтенант Георгий Седов, спустя десять лет, ринется в самоубийственный бросок к Северному полюсу. Долг чести!...

В спутники барон Толль выбрал себе астронома Фридриха Зееберга и двух сынов здешней тундры - эвена Николая Протодьяконова, по прозвищу Омук, и якута Василия Горохова, по прозвищу Чичак. Оба охотника не раз летовали на арктических островах, добывая мамонтовую кость, соболей и рыбу. Бывало и с медведем сходились один на один. Одного боялись - открытой воды. Однако, плавать не умели...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Толль допускал, что вода без края и конца может их пугать, а потому готов отпустить сопровождающих, и дальнейшее путешествие намеревался осуществить вдвоем с астрономом Ф. Г. Зеебергом. Толль считал, что залогом успеха любого предприятия должно быть добровольное участие, и если по каким-либо причинам человек высказывает нервозность и раздражение, лучше с ним расстаться. - Отмечал в своем дневнике врач экспедиции Николай Катин-Ярцев. -... Вечером барон Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг, каюры Протодьяконов и Горохов покинули лагерь

«Зари» и на 3-х нартах, из которых одну рассчитывали бросить на Новой Сибири, ушли в неизвестность...»

Лейтенант Колчак провожал своего Учителя без лишних слов. Он прекрасно понимал *к у д а* уходит Толль, как понимал и *з а ч е м* он уходит.

Спокойное, почти сдержанное прощание барона с теми, кто оставался на «Заре» стало еще одним уроком мужества для молодого офицера. Много лет спустя, адмирал Колчак столь же спокойно и столь же мужественно отправится в свой последний путь на берег реки Ушаковки...

Перед уходом Толль, отдав все необходимые распоряжения остающимся, оставил в своей каюте с полдюжины бутылок шампанского, чудом сохраненного за два года пути и зимовок. Именно этим радостным напитком собирался он отметить открытие легендарной земли. Увы, вино это стало поминальным зельем...

Вот уже сто лет, как нет никаких вестей о судьбе отважного первопроходца и его спутников.

Однако, тогда в лето 1902-ое на «Заре» ждали их возвращения или же готовились идти за ними на остров Беннета, если позволят льды...

Глава... ЖЕЛЕЗНЫЙ БОЦМАН

Колчак с мичманских времен берегся от такого офицерского греха, как панибратство с нижними чинами. Не делал он исключения и для боцмана Бегичева, несмотря на его особое положение как главного смотрителя и хозяина корабля. Хмурый немногословный волжанин, чья флотская служба началась в один год с офицерской службой Колчака (они были ровесниками) мало по малу расположил к себе строгого лейтенанта. Однако, как часто бывает, прежде, чем подружиться надо хорошо поссориться. Стычка между лейтенантом-гидрографом и боцманом произошла во время второй зимовки у острова Котельный. Видимо, сказывалась общая усталость затянувшегося плавания.

Биограф Бегичева известный полярник и литератор Никита Болотников пишет: «Как-то Бегичев и матросы обкладывали снегом борт судна. Из кают-компания вышел Колчак и позвал вахтенного Железникова, которого раньше послал привезти несколько бревен в домик для магнитных наблюдений. «...Зовет меня, - описывает Бегичев этот инцидент, - и говорит: «Где у тебя вахтенный?» Я говорю: «Вы его куда-то сами послали». Он меня обругал, я очень озлился на несправедливость и обругал его... Раз офицер его величества так ругается, то мне, наверное, совсем можно. Он сказал: «Я на тебя донесу морскому министру», а я сказал: «Хотя бы и императору, я никого не боюсь». Он крикнул: «Я тебя застрелю!» Я схватил железную лопату и бросился к нему. Но он тут же ушел в каюту».

После этой ссоры Бегичев решил оставить «Зарю». Боцман понимал, что еще одна подобная стычка, и он, несмотря на свое подчиненное положение, не простит обиды. Заметим Колчака, возвращавшегося с магнитных полей, Бегичев подошел к нему и заявил о своем желании списаться с судна.

Решительный тон Бегичева подействовал. Гидрограф понял, что боцман не шутит, добьется своего, и постарался замять инцидент».

Да, Колчак извинился перед боцманом. Могли ли они оба представить себе в пылу ссоры, что очень скоро, не просто сдружатся - сроднятся настолько, что горячий лейтенант попросит Бегичева быть свидетелем на его свадьбе? Более того, отправятся вместе на фронт в Порт-Артур...

В советские времена Никифору Бегичеву, конечно же, пытались припомнить дружбу с Колчаком. Может потому он и не вылезал из своих северов, кочуя из одной экспедиции в другую. Однако слабину дал «железный боцман», пытаясь облегчить свою участь.

Как ни кололо глаз партийным властям сподвижничество Бегичева с Колчаком, а памятник железному боцману все-таки поставили. Далеко от Большой Земли - на острове Диксон.

Итак, последним распоряжением барона Толля, ставшим по воле судьбы и его завещанием, было - увезти «Зарю» в устье Лены (запасы топлива на ихуне кончались), доставить в Петербург собранные материалы и коллекции и готовить новую экспедицию.

Матисен и Колчак выполнили последнюю волю командора. В декабре 1902 года лейтенант Колчак, наконец выбрался из сибирских буранов в Петербург и сделал экстренный доклад в Академии наук о работе экспедиции и отчаянном положении барона Толля. Счет жизни, если барон со своими спутниками были еще живы, шел на сутки, в лучшем случае - на недели. Впрочем, обмороженный докладчик уповал на лучшее; он очень надеялся, что вся группа, добравшись до Земли Беннетта, зазимовала там в снеговой хижине. Сам адмирал Макаров вызывался идти спасать на своем «Ермаке» отважного барона. Но сопоставили стоимость угля с риском зимовки большого судна во льдах - и отказались. Колчак просил Академию выделить ему минимальные средства для организации спасательной экспедиции, он уверял ученый совет, что доберется до Земли Беннетта не на ихуне, бессильной перед льдами, а по разводьям на легкой шлюпке, перетаскивая ее через полыньи между полями» Седовласые мужи науки смотрели на него как на мальчишку в лейтенантских погонах и толковали о том, что сподвижник Толля подвержен какой-то особой формой безумия - северомании, какой страдал, видимо, и сам барон, двинувшийся на лыжах в ледяной ад Арктики. Но запальчивость молодого офицера подкреплялась такой верой в успех дела, столько непреклонной воли сквозило в каждом его слове, что ученый совет сдался и предоставил ему полную свободу действий.

На следующий же день, едва было получено разрешение, Колчак выехал в Архангельск. Там (шел уже январь 1903 года) он подобрал себе шесть спутников

- двух матросов и четырех мезенских добытчиков тюленей. С ними и отправился через Якутск и Верхоянск

- маршрут, изматывающий даже сегодня на трассах Аэрофлота, - в стойбище, где ожидал с партией в сто шестьдесят ездовых собак ссыльный студент московского университета Оленин. На собаках добрались они к

устью Лены, где стояла «Заря» под командованием лейтенанта Матисена, сняли с нее вельбот, поставили на нарты и протащили его по льдам на Новосибирские острова.

Надо ли говорить, что это был за поход?! Двигались в кромешной тьме на морозе под сорок градусов, да еще по торосистому льду, Уж на что выносливы северные собаки, и те большие шести часов не выдерживали - падали в снег с высунутыми языками.

И все-таки они добрались до открытого моря! Оленин с якутами и тунгусами остались на островах, а лейтенант Колчак с шестью гребцами вышел на малом вельботе в Благовещенский пролив.

Не могу себе этого представить: сорок двое (!) суток на шлюпке в Ледовитом океане! Отнюдь не тщеславие рекордсменов подвигло их на этот риск и эти муки -они спешили на помощь. Шли и днем, и ночью, то на веслах, то под парусом, если позволял ветер. Лавировали между льдинами и в туман, и в снежные заряды. Полтора месяца в непрсыхающем от брызг и захлестов платье, без горячей пищи, на одних сухарях и консервах. Правда, были еще шоколад и водка. Но все же от простуды спасало весло - ломовая работа гребца.

Не было в истории полярных путешествий такого плавания.

«Экспедиция, состоящая из 17 человек с 10 нартами и вельботом, с всего лишь трехмесячным запасом продовольствия, минимумом снаряжения, совершила, казалось бы, невозможное. Добравшись до моря и дождавшись его частичного вскрытия. Колчак и его товарищи то под парусами, то работая веслами, то впрягаясь в лямки и перетаскивая вельбот с тяжелым грузом через массы льда, добрались через несколько недель (4 августа) до острова Беннетта. Начальник экспедиции в полной мере со всеми делил напряженный сверх меры физический труд. Нередко приходилось добираться с вельбота до берега по ледяной воде вплавь. К исходу одних из последних двенадцати суток изнурительной гребли в крайне опасном плавании утлого суденышка в полярных океанских водах подул южный попутный ветер, совпавший со встречей, казалось, с очень надежной большой льдиной. Погрузились на нее. Ветер крепчал и гнал ее на север, к цели. Все были довольны, что «едут на казенный счет», представилась возможность отдохнуть. Поставили палатку, все устроились в пей, легли и уснули как убитые. Не спалось почему-то лишь боцману Н. А. Бегичеву. Только было он стал засыпать, как почувствовал нечто тревожное, заставившее его вскочить на ночи.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «Только что я стал засыпать, - вспоминал он, - сильным порывом ветра ударила о льдину волна и окатила всю палатку. Я выскочил и увидел, что льдину у нас переломило пополам по самый вельбот. Другую половину льдины унесло, и вельбот катится в воду. Я стал всех будить, а сам держу вельбот, не пускаю его упасть в воду. Все быстро вскочили и вытащили вельбот подальше на лед. Льдина стала маленькой, саженой 70 в квадрате, но толстая: от поверхности воды будет аршина полтора. Ветер усилился. Временами волна захлестывает далеко на льдину. Решили остаться переждать погоду. Палатку и вельбот перетаскили на середину, и вельбот

привязали вокруг палатки. Один конец я взял к себе в палатку, для того, чтобы если льдину еще переломит и вельбот станет погружаться в воду, то мы услышим и быстро проснемся. Все устроили и заснули как убитые».

В память Колчака также врезалось это событие, чуть было не стоившее жизни им всем.

Шестого августа 1903 года вельбот под командованием лейтенанта Колчака достиг Земли Беннетта - безжизненной скалистой суши, придавленной льдами. Она считалась неприступной с моря, эта навечно вымерзшая земля. Мыс, на котором высадились отважная семерка, Колчак назвал Преображенским, ибо 6 августа было днем Преображения Господня.

На средневековых картах эти места, совершенно неведомые географам, обозначались одним словом - «Tartaria». Отсюда и выражение - провалиться в тартары. Колчак провалился в тартары в буквальном смысле.

Этот заветный остров открылся Колчаку так.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Наконец, на вторые сутки на прояснившемся туманном горизонте вырисовывались черные отвесно спускающиеся в море скалы острова Беннетта, испещренные полосами и пятнами снеговых залежей; постепенно поднимающийся туман открыл нам весь южный берег острова... Под берегом плавала масса мощных льдин, возвышавшихся над водой до 20-ти - 25-ти футов; множество кайр и чистиков со стайками плавунчиков лежали кругом, с необыкновенным равнодушием к вельботу... кое-где на льдинах чернели лежащие тюлени».

«Ветер стих, мы убрали паруса, - писал Колчак, - и на веслах стали пробираться между льдинами. Без особых затруднений мы подошли под самые отвесно поднимающиеся на несколько сот футов скалы, у основания которых на глубине 8 - 9-ти сажен через необыкновенно прозрачную воду виднелось дно, усеянное крупными обломками и валунами. Неподалеку мы нашли в устье долины со склонами, покрытыми россыпями, узкое песчаное побережье, где высадились, разгрузились и вытащили на берег вельбот»

Ничто не выдавало здесь следов Толля. Надо было идти в глубь этой гибельной суши. По счастью, наметанный глаз экспедиционера заметил гурий - рукотворную горку камней, придавливавших медвежью шкуру. На следующий день они наткнулись на обломок весла, торчавшего из груды камней, а в камнях увидели бутылку, из которой вытряхнули листок с запиской Тол-ля и планом острова, где была помечена хижина. Шли к ней торопясь, спрямляя порой путь через лед бухты. Прихваченный летним солнцем ледяной покров разошелся под сапогами Колчака, и тот ухнул в полынью с головой. Его вытащил боцман Бегичев. Возвращаться в палатку лейтенант наотрез отказался. Промокшую одежду сушил на себе, согреваясь скорым шагом по крутизне берега... Наконец увидели хижину, сложенную из плавника и камней, крытую медвежьими шкурами. Подошли с замиранием сердца, ожидая увидеть скелеты, обгрызенные леммингами и песцами. Нашли же -пустоту, забитую лежалым снегом. Разгребли, чем могли, и извлекли ящик с образцами пород, ненужные в дороге вещи, последнее письмо Толля - не жене, - президенту Академии наук. И от письма, и от этой унылой хижины веяло

таким самоотречением во имя суровой землеведческой науки, что у Колчака и его спутников невольно повлажнели глаза.

Барон сообщал в письме, что, израсходовав продовольствие, он принял отчаянное решение возвратиться пешком на Новосибирские острова к главному складу, где хранилась провизия. Последняя запись была подлечена концом ноября 1902 года. Оставалось только догадываться, что могла сделать с полуголодными людьми полярная ночь вкупе с сорокаградусной стужей.

Однако надо было знать точно: добрался ли Толль До Новосибирских островов? И Колчак повторил свой немыслимый путь в обратном направлении.

Склад провизии, к которому пробивался барон, оказался никем не тронутым. Спасатели сняли шапки и перекрестились. Прими, Господи, отважные души!

Выждав на острове Котельном, когда замерзнет море, Колчак в октябре перешел по льду на материк в Устьянск, не потеряв ни одного из своих верных помощников. Всех семерых, целых и невредимых, встретил в Устьянске Оленин, терпеливо дожидавшийся их всю осень. На его отдохнувших собаках два месяца добирались в Якутск, куда и прибыли в январе 1904 года.

Так закончились обе полярные экспедиции, на которые лейтенант Колчак положил без малого четыре года лучшей поры своей жизни.

Лишь спустя несколько лет - уже после русско-японской войны - он обобщит результаты полярных изысканий в печатном труде «Льды Карского и сибирских морей». Это исследование и по его пору считается классическим по гидрологии Ледовитого океана. В 1928 году американское Географическое общество переиздало его в переводе на английский - «Проблемы полярных изысканий».

Известна ли сегодня эта работа соотечественникам автора? Боюсь, что, как и все, что вышло из-под пера Колчака, она была заточена в какой-нибудь спецхран. Но специалисты знают, должны знать, обязаны знать! Ибо это не досужие записки путешественника и не кабинетные построения теоретика, а живой опыт полярного морехода, положивший начало освоению великой магистрали вдоль северных земель России. И те, кто шел за «Зарей» следом - «Святой Фока» и «Святая Анна», ледоколы Вилькицкого «Таймыр» и «Вайгач», - и те, кто в советское время осваивал стратегический Главсевморпуть, папанинцы и «челюскинцы», вознесенные сталинской пропагандой так, что имена предшественников растаяли в тумане фимиамов - все они так или иначе прибегали к ледовой лоции лейтенанта Колчака-Полярного.

За свою подвижническую научную деятельность Александру Колчаку была вручена весьма необычная в мирное время для молодого офицера награда - орден Святого Владимира 4-й степени. Академия наук и императорское Географическое общество удостоили его большой золотой медали, которой до Колчака были награждены всего лишь два исследователя.

Казалось, жизнь его определилась раз и навсегда - гидрографический

факультет Морской академии, а там новые экспедиции, новые открытия, новые труды и новые награды...

Однако карьере моряка-ученого не суждено было стать...

Ленинград. Июль 1990 года

*Школьная истина о том, что «атом неисчерпаем до бесконечности», воплотилась для меня в этом человеке - Андрее Леонидовиче Ларионове, с его загадочной профессией - «хранителя корабельного фонда» *, с его воистину неисчерпаемой родословной. Продолжатель, старого моряцкого корня, женатый на племяннице «иртышского затворника», последнего гардемарина Пышинова, оказывается, приходился по материнской линии и племянником Федору Андреевичу Матисену, командиру толлевской ихуны «Заря», соплавателю Колчака и даже его командиру по корабельной службе в тех самых первых арктических плаваниях нашего века.*

Рассказывая об этом, Ларионов не преминул извлечь один из бесчисленных своих фотоальбомов, и я увидел Колчака таким, каким вряд ли его кто видел, кроме товарищей по походу да обладателя редкого снимка. Попадись этот портрет в тридцатые годы следователю НКВД, уж тот бы точно не заподозрил в этом чернобородом полярнике, облаченном в меховые одежды, будущего Верховного правителя России.

СТАРОЕ ФОТО. В самом деле, трудно узнать в этом джек лондоновском первопроходце адмирала Колчака, знакомого нам лишь по последним сибирским снимкам: усталый адмирал с тяжелым взглядом. Меховой капюшон обрамляет красивое, мужественное лицо, взгляд отрешенный, мягкий, чуть мечтательный и все же твердый.

Еще не пролегли по этому лбу жесткие складки жестоких забот и решений, морщины гнева и отчаяния, еще не обтянуты скулы злой тоской безнадежности, а свет в глазах не выели дымы Порт-Артура, Ирбен, Зонгулдака, Уфы и Омска...

На втором снимке Колчак сидит в кают-компании «Зари». И опять же никто не узнает в нем будущей грозы самураев микадо и крестоносцев кайзера, янычар султана и красных комиссаров. Сидит некий молодой коротко стриженный человек, врасая черной бородой в полярный свитер. Современное лицо- ни дать, ни взять - молодой физик из Новосибирского академго-родка.

Кохтла-Ярве. 1991 год

Я приехал в «столицу сланца» из Таллинна на автобусе.

Здесь, на задворках городского тепличного хозяйства, в заброшенном родовом имении, в уголке старинного парка, чернеет осколок Земли Санникова - гранитная глыба символической могилы барона Эдуарда Васильевича Толля.

Земля Санникова... Ее искали парусники и ледоколы - «Седов», «Фрам», «Мод», «Таймыр» и «Вайгач», «Садко», «Ермак» и даже «Иосиф Сталин»... Вплоть до 1954 года.

ОРАКУЛ-2000: Николай Николаевич Коломейцов остался верен себе и флотскому Уставу. После неудачного для него плавания на «Заре», он, как и Колчак, как и Матисен, как и боцман Бегичев отправился на русско-японскую войну. В Цусимском сражении командовал миноносцем «Буйный», именно ему выпала отчаянная миссия снимать тяжело раненного флагмана Рождественского вместе со штабом с эскадренного броненосца «Суворов»...

Старый холостяк Коломейцов женился аж в 42 года на Нине Дмитриевне Набоковой на родной тетке Владимира Набокова, ставшего известным писателем.

Контр-адмиральский чин он получил раньше, чем Колчак - в 1913 году. Однако бывший его соплаватель и вахтенный офицер все же обогнал его в чинах, получив на год раньше второго орла на адмиральские погоны. Коломейцов стал вице-адмиралом всего за две недели до октябрьского переворота.

Он четко шел по строевой линии: после «Зари» командовал ледоколом «Ермак», в Цусиму ушел командиром миноносца «Буйный», потом служил старшим офицером на линкоре «Андрей Первозванный»... Колчак привлек его к строительству парохода ледокольного типа «Таймыр», того самого на долю которого все-таки выпадет открытие подобное так и найденной «земли Санникова», то бишь Земли Императора Николая II (Северной Земли).

Перед первой мировой командовал линкором «Слава».

После 17-го был арестован большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. В конце 1918 года бежал в Финляндию по льду Финского залива, благо пригодился полярный опыт. У белых на Черном море возглавлял группу ледоколов.

Эмигрировал во Францию, где в 1944 году трагически закончил свой жизненный путь. Тем не менее, Николай Николаевич намного пережил своих соплавателей по «Заре». Если бы не американский грузовик, который сбил 77-летнего старика в только что освобожденном от немцев Париже, возможно, он разменял бы и девятый десяток. Говорят, он возвращался с похорон любимой жены, и убитый горем не расслышал шума мотора. Его погребли на Сент Женеви́ев де Буа.

Лишь ему одному из офицеров «Зари» довелось лечь под могильным крестом. Другим же - барону Толлю, астроному Зеебергу, лейтенантам Матиссену, Колчаку - эпитафией стала строчка из песни «Варяг» - «не скажет ни камень, ни крест где легли во славу мы русского флага...»

Несмотря на «белогвардейско-эмигрантское прошлое» имя Коломейцова многократно увековечено на карте: тут и остров в архипелаге Норденшельда, и бухта в море Лаптевых, и река на Таймыре и гора на острове Расторгуева (Колчака), и проливчик в шхерах Минина. И даже гидрографическое судно названо в его честь - «Николай Коломейцов», которое и по сию пору бороздит те самые воды, в которых когда-то и штормовала и зимовала «Заря».

ОРАКУЛ 2000:

Колчак и Матиссен... Два капитана. Вот сюжет для будущего романиста.

Родились они в одном городе - Санкт-Петербурге. Учились в одних стенах,

только в разных ротах: Колчак - в младшей, Матисен - в старшей. Один - православный, другой - лютеранин. В крови первого гуляли «турецкие гены», характер второго умерялся шведской сдержанностью. Но обоих поманила призрачная Земля Санникова. И оба пошли на край света за неистовым до самозабвения геологом-первопроходцем Эдуардом Васильевичем Толлем... Для молодых офицеров он один стал кумиром, вожатым, учителем. Они не клялись ему в верности, не произносили громких слов, но когда он сгинул в ледяной пустыне, оба, не щадя жизни, искали его, как ищут самого родного человека. И до конца дней своих чтили его имя, верили в его дело.

Яхта «Заря» и в самом деле оказалась для них зарей жизни. Матисену выпало быть командиром судна, Колчаку - подчиненным. Они не всегда ладили, друзья-соперники, много спорили. Но они вытянули из флотской фуражки один и тот же жребий: север.

Судьба ненадолго развела их в русско-японскую войну. Колчак попал в Порт-Артур, а Матисен пошел в Цусиму старшим штурманом на крейсере «Жемчуг»...

После Порт-Артура военная звезда Колчака пошла на взлет все выше и выше... Матисену не довелось добыть в Цусимском походе громкой славы.

Спустя пять лет жизнь снова свела их в одном рейсе. Они снова шли штурмовать Арктику: Колчак - командуя «Вайгачем», Матисен - «Таймыром». Восемь месяцев вели свои ледоколы через три океана и множество морей во Владивосток. И даже успели в Берингов пролив, за мыс Дежнева заглянуть. Но открывать новые земли выпало другим. Как в бильярде: оба сделали великолепную подставку своим коллегам - Вилькицкому и Новопащенко - и надолго ушли в тень фортуны. Обоих отозвали в Петербург по служебной надобности.

Рухнули надежды взять у Арктики реванш за гибель Толля, снова помериться силами с Ледовитым океаном. В прах рассыпалась и ставка на большую науку. Надвигалась новая война, и заново предстояло начинать карьеру, но не ученых-гидрографов, а боевых офицеров. Оба стартовали примерно с одной и той же отметки: Матисен - командиром канонерской лодки «Ураган», Колчак - командиром эсминца «Уссурийца». Закончили же войну на разных высотах: Колчак - вице-адмиралом, командующим Черноморским флотом, Матисен - каперангом, командиром вспомогательного крейсера «Млада», бывшей яхты княгини Шаховской.

В восемнадцатом Колчак пошел спасать Россию с тем же безумным риском и с той же самоотверженностью, с каким спасал когда-то Толля. Он спасал корабль российской государственности по всем правилам борьбы за живучесть, латая его бреши полками, бригадами, дивизиями...

Матисен не пошел за Колчаком в гражданскую. Гордость не позволила? Принял сторону большевиков? Ни то, и не другое. Просто ушел от всякой политики в дебри Восточной Сибири в гидрографические изыскания на все годы братоубийственной смуты. Он ненадолго пережил своего соперника. Умер от сыпного тифа в том же Иркутске, где погиб Колчак. Начальные и конечные точки их жизненных траекторий совпали географически точно, как

совпадали некогда курсы «Вайгача» и «Таймыра».

Может быть, неспроста нет у них обоих - вечных странников, вечных искателей - могил, пригвождающих бранные останки к определенному географическому пункту, как нет их у Седова, Русанова, Брусилова - всех, кто положил свои жизни на ледяной алтарь Арктики.

Они ушли в Ойкумену, в свою последнюю и вечную экспедицию. И строчки их современника Бориса Пастернака стали общей им эпитафией:

Жизнь на свете только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.

Санкт-Петербург. Январь 2000 года.

В поисках следов своего героя заглянул я в санкт-петербургский музей Арктики и Антарктики. Увы, музей этот был вовсе не петербургский, а по-прежнему ленинградский, даром, что прошло лет десять после упразднения КПСС, даром, что расположен он в бывшем старообрядческом храме, на бывшей Николаевской, ныне улице Марата. Экспозиция музея как была очерчена в сталинские годы, так и по сию пору возвеличивает самого главного покорителя Арктики - Ивана Папанина. И не где-нибудь, а в алтаре стоит папанинская палатка со всем своим историческим инструментарием, включая и мясорубку. Мясорубку в алтарь положить не забыли, забыли лишь поместить в арктический пантеон портреты тех, кто уходил в высокие широты без радио и самолетов, кто первым на заре века пришел в эту белую пустыню, кто прирастил территорию России на тысячи квадратных верст. Ладно, гидрограф Александр Колчак. Но Сибиряков, но Вилькицкий!... Уж семь лет прошло с тех пор, как стало возможным листать страницы полузасекреченной нашей истории без оглядки на партийного цензора. Уж и год 97-ой самым Президентом объявлен годом гражданского примирения. А Сибиряков, Вилькицкий, да сколько еще подвижников Арктики как числились в белоэмигрантах, так в них и остались. И не знают ленинградские музейщики никакого гражданского примирения.

- А что мы можем сделать?! - воскликнула на мои упреки сотрудница музея Арктики, - когда у нас нет ни рубля на обновление экспозиции?!

- Да много ли нужно средств, чтобы повесить в зале несколько фотографий? За семь лет можно было хотя бы имена вписать?

Согласилась сотрудница, что не в средствах дело...

ОРАКУЛ-2000. В конце двадцатого века, который начался для русской Арктики под посвист ветра в снастях «Зари» и шорох санных полозьев экспедиции Толля, в эти же места, по полярным льдам ушли в высокие широты лыжники под водительством офицера российской армии, подполковника Владимира Чукова. Они шли все к той же цели, под той же Прикол-звездой, что

манила и светила всем русским северопроходцам.

В отличие от всех прочих лыжных экстремалов Чуков шел со своей группой без какой-либо поддержки с воздуха, в режиме полной автономности, как шли по здешним льдам Толль с Колчаком, как шел Колчак с Бегичевым, уповая только на свои силы и «Господи помилуй!»

«Воин должен быть почти святым», утверждал Прудон. Это и про Чукова тоже...

Он и его парни шли к Северному полюсу, теряя товарищей, шли по самой кромке жизни, как по кромке льда, и делали это вовсе не для того, чтобы установить очередной рекорд для Книги Гиннеса. Чуков, с заиндевелой бородой и бровями, чем-то похожий одновременно и на барона Толля, и на лейтенанта Колчака, признался однажды:

- Полюс для меня - святое место. Именно там, в истязательном паломничестве к нему и происходит очищение души. Ведь все великие души были воспитаны на страдании.

Глубоко верующий человек, Чуков уходил и уходит в ледяные пустыни постигать Бога в своей душе. Не затем ли отправлялся туда и лейтенант Колчак?

...

Странное дело: прошло сто лет - и каких лет, какими только походами-экспедициями не прогремевшие - а в конце двадцатого столетия вдруг снова заговорили о той почти безвестной на фоне потрясающих свершений века ничего толком не открывшей шхуне «Заря». Вдруг стали выходить книги одна за другой, посвященные барону Толлю, лейтенанту Колчаку, киноленты, видеофильмы... Вдруг стало почему-то важным узнать и осознать каждую деталь, каждую подробность той отчаянной экспедиции, завершившейся трагической гибелью своего командора и его сподвижника. Может быть потому, что она была самой первой попыткой века познать свое время и свое пространство, открыть не столько новые земли в морях, сколько новые вершины в человеческих душах? И на этой незримой карте рядом с пиками Толля и Зееберга встали пики Колчака и Бегичева.

Но только сейчас в конце их - Двадцатого - века стал ясен провиденческий смысл той экспедиции. То была экспедиция Стратегического назначения. Она проводилась скорее в интересах Военно-Морского флота, нежели в интересах Академии наук. Да, они искали Землю Санникову, но они искали и выходы каменного угля, для того, чтобы кораблям, переходящим с Запада на Восток, из Мурманска и Архангельска на Камчатку и во Владивосток было чем заправлять свои бункеры на середине пути. Правда, к тому времени, когда такие походы стали проводиться кораблям уже требовался не уголь, а жидкое топливо - соляр. Но - гидрограф Колчак и его сотоварищи весьма основательно изучали льды Арктики - их движение, толщину, природу образования, плотность... Изучали столь скрупулезно, будто наперед знали, что именно льды, ледяной панцырь Северного океана станет последним щитом России, ее последним бастионом. Почему последним и почему щитом?

Да потому что последним рубежом обороны от наседающего

Атлантического блока, последним прибежищем подводных ракетодомов России, ее подводных атомных крейсеров с баллистическими ракетами в шахтах, стали паковые льды, под которыми они сохраняют свою, как говорят военные люди, «боевую устойчивость», то есть неуязвимость. Сквозь толщу паковых льдов не проникают «щупальца» поисковых электронно-лазерных систем. Не проложены там и кабели для донных гидрофонов-слухачей. А российские подводники освоили подледное пространство настолько, что могут всплывать практически в любой его точке.

«Начиная с 1991 года, - утверждают военные аналитики, - внимание командования ВМС США и НАТО к Арктике, как наиболее возможному району боевых действий атомных подводных лодок, резко возрастает... При определенных вариантах развития военно-политической обстановке в мире Арктика может стать наиболее вероятным океанским театром военных действий и даже основополагающим центром и причиной полномасштабной войны».

Мы оставили наивыгоднейшие плацдармы в Европе. Мы рассекретили ракетные установки железнодорожного базирования. Утратили скрытность почти всех наземных шахтных установок, десятки их взорваны по условиям международных договоров.

И только потому, что Россия в конце Двадцатого века все еще сохраняла возможность ответного ракетного удара из под арктических льдов с ней так и не посмели разговаривать на языке «стелсов» и «томогавков». Ледяным щитом прикрылась Россия на исходе кровавого века, и на том щите оставлены имена тех, кто пришел сюда на «Заре» в 1901 году.

Часть вторая. БЕЛЫЙ КРЕСТИК

«ИДУ НА ВОЙНУ ИЗ ИРКУТСКА...»

Иркутск. Март 1904 года

Когда в деревянный, занесенный снегами Якутск, где Колчак с сотоварищами отогревался и приходил в себя после ледовой эпопеи, докатилась весть о начале войны с Японией, молодой офицер немедленно отбил телеграмму в Академию наук с просьбой откомандировать его обратно во флот. Вторая депеша полетела в Главный морской штаб. Податель ее испрашивал разрешения отправиться из Якутска прямо в Порт-Артур. Смысл пространного ответа из Академии сводился к тому, что Колчак не будет отпущен во флот до тех пор, пока не представит подробного отчета о второй экспедиции. Садиться за письменный стол, когда в Порт-Артуре горят русские корабли и гибнут его однокашники?! Именно о невозможности такого положения телеграфировал он лично президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу. И тот его понял, и разрешил отсрочку с предоставлением

отчета до окончания войны. Сдав Ленину все собранные материалы и оставшиеся деньги для доставки в Петербург, Колчак начал новый - тысячеверстный - путь из Якутска в Порт-Артур. До Иркутска добирался на перекладных лошадях. В Иркутске его ждал сюрприз, и какой: отец, несмотря на преклонные годы, приехал обнять сына -единственного! - быть может, в последний раз, да не один - добрался в глубь Сибири с Сонечкой Омировой.

Стоял март 1904 года. Грустным было это весеннее венчание в Градо-Иркутской Михайло-Архангельской церкви: ведь наутро ждало новобрачных отнюдь не свадебное путешествие, - ждала военная разлука. Лейтенант Колчак уезжал в осажденный Порт-Артур прямо от свадебного стола.

Мог ли он подумать тогда, что смертная пуля поджидает его не на порт-артурских сопках, а здесь, в этом городе, где над ним только что держали свадебный венец? Пройдет всего шестнадцать лет, и не японцы, не турки, не германцы, - свои, россияне, такие же мужики, с какими он делил все тяготы полярной одиссеи, выведут его на берег Ангары и бездумно вскинут винтовки по взмаху чужой руки.

Но пока его ждало, как тогда говорили, новое поле чести - румбы Желтого.

* * *

Впервые после Синопа, после полувека со дня последней блестящей виктории российского флота под флагом адмирала Нахимова, русским морякам выпадало крупное военное дело - сражения с японскими эскадрами. Мог ли лейтенант Колчак, которого с младых ногтей готовили к такому предприятию, остаться в стороне от главного дела флота, мог ли он в такое время разбирать в кабинетной тиши материалы экспедиции, изучать движение льдов, когда по всем восточным морям России началось движение бронированных эскадр? Да он бы в жизни себе не простил такого малодушия, и отец бы не простил, да и в глазах Софьи его ореол полярного героя, наверное, куда как потускнел бы...

В Порт-Артур Колчак прибыл не заурядным лейтенантом. О нем здесь слышали, его знали. Теперь славу полярного первопроходца предстояло подтвердить боевой доблестью корабельного офицера. То, ради чего он рвался на юг Африки, поджидало его здесь - на Дальнем Востоке.

В Порт-Артуре лейтенант Колчак предстал перед своим нечаянным покровителем - командующим флотом вице-адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым. Всегда чуравшийся высоких протекций, молодой офицер на сей раз надеялся, что адмирал, весьма благоволивший к его научным работам, не откажет в назначении на миноносец - корабль, которому по роду службы чаще всего приходится встречаться с противником. Однако вид у соискателя активной боевой жизни был столь изможденным после северных передраг, что адмирал Макаров решил дать отчаянному лейтенанту передышку и назначил его на пятитрубный крейсер «Аскольд». На большом корабле был более устроен.

Боцмана Бегичева адмирал Макаров определил на миноносец

«Бесшумный». Там в пылу боя за расторопные и бесстрашные действия в аварийной обстановке боцман был награжден Георгиевским крестом.

То была их последняя встреча - Макарова и Колчака. Флагман порт-артурской эскадры броненосец «Петропавловск» подорвался на японской мине... Гибель Макарова потрясла всех, даже японцев.

В Порт-Артуре кругами по воде расходились мистические слухи. Колчак был потрясен одним из них. За несколько минут до рокового взрыва художник Верещагин, делая зарисовки на мостике, произнес такую фразу: «Я принимал участие во многих баталиях и всегда выходил сухим из воды». Через несколько минут последовала страшная кара за бездумную похвальбу: самонадеянный художник навсегда остался в морской пучине.

Многие порт-артурцы приносили свои личные клятвы отомстить за адмирала - самую светлую голову русского флота. Дал такую клятву и лейтенант Колчак. И вскоре выполнил ее.

Сразу же после трагического сообщения он подал рапорт о переводе на минный заградитель «Амур». Еще через какое-то время он наконец добился того, чего просил у Макарова, - его назначили на миноносец. Командиром на «Сердитый». Он рвался в бой, но судьба сыграла злую шутку. Здоровье, подорванное полярными лишениями, не выдержало новых встрясок: командир «Сердитого» слег в госпиталь с жесточайшим двусторонним воспалением легких. Валяться на госпитальной койке с боевым ранением - куда ни шло, но с заурадной обывательской пневмонией?! Сознать это было невыносимо для офицерской чести, и лейтенант с лицом аскета, едва спал жар лихорадки, вернулся на мостик «Сердитого».

Порт-артурские миноносцы - кораблики довольно щуплые, в свежую погоду на приличном ходу волна порой перехлестывала через невысокий мостик. Эти соленые купели, а может, и недавние кочевки во льдах тоже не прошли даром. Острый суставной ревматизм чуть не вынудил его снова слечь. Пневмония стала хронической. Но возвращаться в госпиталь лейтенант Колчак отказался наотрез.

И словно в награду за стойкость военное счастье ему улыбнулось. На подходах к Порт-Артуру «Сердитый» выставил группу мин. На них, точь-в-точь как «Петропавловск», наскочил и подорвался японский крейсер «Такасаго».

Лейтенант Колчак сдержал свое обетное слово.

За уничтожение крейсера - чисто морскую операцию - Александр Колчак получил Георгиевское оружие.

Спустя многие годы военные историки, итожа первое двадцатилетие двадцатого века назовут четырех лучших адмиралов русского флота: адмирал Макаров, адмирал Эссен, адмирал Непенин и адмирал Колчак. Эта плеяда продолжит славное созвездие XIX века - Ушаков, Лазарев, Сенявин, Истомин, Нахимов, Корнилов...

Глава... КОМАНДИР БАТАРЕИ СКАЛИСТЫХ ГОР

Порт-Артур стал паролем нового офицерского братства, из которого потом выйдут и новые комфлоты, морские министры, и новые начальники и друзья Колчака - Эссен, Непенин, Подгурский... В Порт-Артуре находился и лейтенант Сергей Тимирев, чья будущая жена станет земной звездой Колчака. А пока надо было собираться в море.

Здесь Александр примерил на себя севастопольскую славу отца. Была она тяжела, дымна и кровава...

К весне 1905 года судьбу Порт-Артура решал береговой фронт. Командир «Сердитого» покинул лишившийся боевой работы миноносец и ушел на береговую батарею морских орудий, вольно или невольно повторяя военную судьбу отца на Малаховом кургане. Даже Взрывы неприятельских снарядов метили их одинаково: та же контузия и то же ранение в руку.

Позицию Александр Колчак не покинул и до самых последних залпов, в бинтах, командовал двадцати-миллиметровой батареей в секторе Скалистых гор.

Осажденный Порт-Артур был подобен «Варягу». Батарея Скалистых гор была одним из плутонгов этого непотопляемого, но увы, берущегося на абордаж, броненосца.

Лишь после падения крепости он позволил отвести себя в госпиталь. Оттуда в апреле был переправлен японцами в Нагасаки. Раненым пленным офицерам микадо разрешил возвращаться на родину без каких бы то ни было обязательств. И вскоре Колчак отправился в Петербург рейсовым пароходом через Канаду...

Одна общая боль мучила их всех: почему огромная Россия проиграла войну маленькой Японии. Листовки, которые чья-то вездесущая рука разбрасывала еще в

Японии по лагерным баракам, по эшелонным теплушкам, по судовым кубрикам объясняли военное поражение России «прогнившим царским режимом, приведшего страну к экономическому развалу и военному краху». Но как можно было верить их авторам-анонимам, если за год до начала войны Россия в рекордные сроки закончила строительство самой длинной в мире железнодорожной трассы - Транссиб - в 9 с лишком тысяч верст? Как можно было говорить об «экономическом крахе» России, когда страна добывала в 1900 году больше всех нефти и была главным экспортером зерна? Страна начинала двадцатый век на взлете своего экономического подъема и потому пугала темпами развития своих недругов, как в Европе, так и за океаном. Чтобы сбить рост добычи нефти в России (в 1898 году страна обогнала в добыче «черного золота» США), на Кавказе с помощью британских спецслужб (их было заброшено туда около двухсот) стала нагнетаться «революционная ситуация»: летом 1904 года в Баку случился небывалый наплыв дервишей из Ирана - около двухсот человек. Бродячие старцы вещали на базарах и во дворах мечетей, предвещая скорую гибель русского царя, поражение России в дальневосточной войне, пожары и прочие бедствия... Они призывали не исполнять указания «гяурских» властей, изгонять из города армянских

торговцев и русских инженеров. В Баку стало беспокойно. А вскоре запылали деревянные нефтяные вышки «Черного города». После чудовищного пожара, после жестокой национальной резни, и прочих невзгод, которые предрекли дервиши, старцы быстро исчезли, а добыча нефти на бакинских промыслах (других в России пока не было) упала в восемь раз.

Япония - азиатская Британия - будучи островной державой, как и Англия, в немалой степени повторяла поведение «туманного Альбиона». Если бы у командиров японских крейсеров жили в каютах попугаи, они бы кричали вовсе не «Пиастры! Пистры! Пиастры!», а «Колонии! Колонии! Колонии!»

Как в 1853-54 годах Россия вынуждена была воевать не с одной лишь Турцией, а со всей объединенной Европой (исключая Германию и Скандинавию), так ровно полвека спустя севастиопольская драма повторилась в Порт-Артуре. За Японией стояли все те же союзники по Крымской войне к которым прибавились Соединенные штаты Северной Америки с мощной финансово-дипломатической поддержкой антироссийского альянса.

Только спустя 85 лет были обнародованы факты того, как «русская революция 1905 года» готовилась на деньги японских спецслужб. Оглашать их было не выгодно ни японским властям, ни советским историкам, живописавшим кровавые бунты 1905-1906 годов, как «стихийный гнев рабочих и крестьян против самодержавия».

Колчак не знал точных выкладок, но он сердцем чувствовал ложь этих листков, которые совали солдатам, матросам, казакам на всех узловых станциях Сибири.

* * *

В свой родной город он прибыл почти одновременно с человеком, который спустя пятнадцать лет подпишет ему смертный приговор. Этот человек был старше его на четыре года. Рано облысевший в бдениях над книгами и весьма поднаторевший в словесных политических баталиях, он прибыл в Питер с запада, из-за границы, - из Германии. Колчак приехал с востока - крайнего и дальнего. Они не знали друг друга. Пока они были всего лишь географическими антиподами. Оба лет пять не хаживали по приневским набережным и проспектам, оба то и дело оглядывались: один-с радостью узнавания родных мест, другой - с опаской человека, вернувшегося во вражий стан. Быть может, они даже разминулись в потоке на Невском, слегка соприкоснувшись рукавами новомодного лондонского пальто и черной флотской шинели.

За спиной одного стояли отели, кафе, квартиры Лейпцига и Мюнхена, Лондона и Женевы... За плечами другого - зимовья Тикси и Якутска, тесные каютки шхун и миноносцев, бетонные казематы береговых батарей и вагонные купе великого в своей бесконечной дорожной тоске транссибирского железного пути...

Та уютная ссылка в Шушенском, куда угодил помощник присяжного

поверенного из Самары, с доставленным роялем и нужными книгами, с охотой от скуки на зайцев и выписанной к себе молодой женой, не идет ни в какое сравнение с трехлетними испытаниями в безлюдье Крайнего Севера, на которые обрек сам себя Александр Колчак.

Можно выстроить хронику их жизней по месяцам и Даже неделям, и тогда вдруг престранно откроется, что в то время как один шел сквозь льды на выручку первопроходцам Арктики, другой за чашечкой кофе или кружкой пива до одури спорил об идейных особенностях большевистской партии. В те дни, когда один из них спорил со смертью на фортах Порт-Артура, другой сидел под зеленой лампой Британской библиотеки; в те дни когда один прикрывал Петроград от прорыва германских дредноутов, другой витийствовал вдали от фронтов и минных полей в тихой Швейцарии на предмет разжигания в тылу воюющей России гражданской войны.

Немцы не раз и не два доставляли на подводных лодках к берегам Британской империи племенных вождей, которые поднимали мятежи и восстания и в индийском доминионе, и в североафриканских колониях. Ту же тактику они применили и против России в апреле 17-го. Разве что вместо субмарины был запломбированный вагон... И человеку с русским именем, еврейским отчеством, калмыцкими скулами, марксистскими идеями и германскими кредитами удалось сделать то, чего от него ждали в Генеральном штабе кайзера, - вывести Россию из войны, заключить сепаратный договор на ультимативных началах и разжечь чудовищную гражданскую войну на три изнурительно долгих обескровливающих года.

Они сойдутся друг с другом, как вожди схватившихся намертво армий: Красной и Белой. Известно, чем кончилась эта схватка. Но мало кому известна расшифровка той телеграммы, которой первый - решил судьбу второго:

«Ленин - Склянскому

Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку: (шифром), Не распространяйте никаких вестей о Колчаке. Не печатайте ровно ничего. А после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так (то есть расстреляли Колчака. - Н. Ч.) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин

Подпись тоже шифром,. Беретесь ли сделать архинадежно?»

Все было сделано по-большевистски архинадежно и иезуитски скрытно...

А пока оба они вдыхали сырой воздух питерской осени, ничуть не догадываясь, что идут навстречу друг другу с разных концов света...

МЛАДОФЛОТЦЫ

Осень 1905 года. Санкт-Петербург

Появляться на Невском проспекте во флотской фуражке было рискованно. «Самотопы!» - это далеко не самое обидное слово, которое могли бросить морскому офицеру из публики.

Взбудораженное неудачной войной и революционными взрывами общество не могло ни объяснить, ни тем более простить катастрофу морской мощи государства, столь грандиозную, что подобий ей не могли припомнить ни в ближнем времени, ни в дальних веках.

Известно: сильные натуры обращают горечь поражения в энергию борьбы, воссоздания, даже если начинать приходится заново.

Колчак, больше чем кто-либо из его сослуживцев, мог без ущерба для чувства личной чести уйти в чистую науку и безбедно строить карьеру гидрографа, географа. Большая Константиновская медаль открывала перед ним блестящую академическую будущность.

Но он в третий раз сменил освоенное поприще на новую стезю. С группой таких же деятельных и честолюбивых офицеров Колчак сколотил своего рода мозговой центр, который должен был выработать главные идеи преобразования Российского флота, возродить его из руин и превратить в ощутимую морскую силу. Движили ими не только, национальные амбиции, но и предощущение новой, вызревающей, небывалой в мире войны, к которой лихорадочно уже готовились Англия и Германия, Франция и Турция, Италия и Австро-Венгрия... На верфях трех континентов закладывались дредноуты и подводные лодки, авиаматки и скоростные эсминцы...

Мозговой центр именовался скромно - кружок, дабы не раздражать адмиральский синклит морского ведомства непомерной дерзостью нового дела, за которое самодеянно, а не по высочайшему повелению и не по министерскому приказу взялись молодые офицеры, среди которых самым старшим по чину был капитан-лейтенант Колчак; но и он, вопреки привычной службистской логике, не возглавлял Санкт-Петербургский военно-морской кружок, а был лишь помощником председателя - лейтенанта А. Н. Щеголева. И масштаб проблем, за которые взялись кружковцы, был совершенно им не по чину - создание новой морской стратегии, разработка современной тактики боевых действий на море, определение перспектив развития вооружений флота, выработка концепции судостроительной программы, реорганизация структуры морского ведомства,

Будущее показало, что кружок с полным правом мог величать себя могучей кучкой (тем более, что в ее состав входил и лейтенант В. Римский-Корсаков, родственник знаменитого композитора). Когда младореформаторы осмелились подать через головы начальства государю императору проект создания Морского генерального штаба, призванного стать подлинным мозгом флота, авторы записки пережили немало томительных дней. Или с златого шпица Адмиралтейства сорвутся испепеляющие молнии, или... Готовились к худшему - к увольнению за вольнодумство и самоуправство. Тем ошеломительнее оказался результат. Монаршая резолюция гласила: создать незамедлительно.

К весне 1906 года Морской генеральный штаб был сформирован.

Начальником ведущего - Тактического - отдела назначили отнюдь не маститого адмирала, а героя этой книги - капитана 2 ранга Александра Васильевича Колчака. Ему не было в ту пору и тридцати двух лет.

Не оставляя службу и на день (как и всякое новое дело, она требовала предельного напряжения), Колчак находил время, чтобы читать лекции в Николаевской Морской академии по курсу «Служба генерального штаба во флоте».

Морской генеральный штаб, или Генмор, как его называли в обиходе, подобрал в круг своей деятельности весь спектр военно-морских проблем, столь актуально намеченных кружком. И не было ни одной сколь-нибудь крупной разработки Генмора, в которой не участвовал бы всегда собранный, современно и остро мыслящий начальник тактического отдела.

Полярный первопроходец, боевой командир перевоплотился в первоклассного штабиста, аналитика, организатора. Более того - в блестящего публициста, умевшего заговорить и слушателей, и читателей. Именно в эти предвоенные годы, когда заново решалась судьба русского флота - нужны ли вообще России боевые корабли, а если нужны, то какие? - в «Морском сборнике» и гражданских журналах появлялись одна за другой боевитые полемические статьи, подписанные: «Капитан 2 ранга - А. В. Колчак».

Трудно представить себе более сложную - нервную, разноречивую и откровенно враждебную аудиторию для оратора-мариниста, чем члены только что учрежденной Государственной думы, «думы народного гнева». Не боясь депутатского гнева, как не страшился он ни арктической стужи, ни японской шимозы, в зал входил худощавый, неулыбчивый морской офицер и занимал место за лекторской кафедрой, как когда-то - мостик миноносца. Своей искренней верой, железной логикой, ясным слогом докладчик заставлял своих влиятельных слушателей всерьез задуматься о морской силе державы. И, как отмечал наблюдатель того времени, «постепенно скептическое отношение членов думы и общества к флоту сменилось полным сочувствием». Можно смело утверждать, что переменой атмосферы флот был обязан в значительной мере влиянию работы капитана 2 ранга Колчака. Это было горячее время борьбы за возрождение флота и за реорганизацию наших судостроительных заводов.

Впрочем, у Колчака были серьезные оппоненты и во флотской среде. Предметом ожесточенных споров стали подводные лодки. Колчак, как и многие военные теоретики того времени, недооценивал их роль в грядущих морских сражениях, относя их к вспомогательным, второстепенным силам флота. Однако первые же эпизоды мировой войны, когда германская субмарина «U-9» потопила три английских крейсера один за другим, когда в считанные минуты исчез с поверхности моря русский крейсер «Паллада», торпедированный из-под воды «U-26», заставили считаться с подводными лодками, как с мощным наступательным оружием. Колчаку самому пришлось потом создавать противолодочную оборону на Черном море. И тем не менее он до конца оставался сторонником сильного линейного флота. Возможно, довлел над ним порт-артурский опыт, возможно, авторитет британских стратегов, признанных

законодателей морской войны. Впрочем, «линкорофилия» не сыграла роковой роли в деятельности Колчака как флотоводца.

Нет худа без добра. Страшно представить себе, что было бы, если бы Россия вступила в мировую войну с кораблями, построенными еще в конце 19 века или даже в начале 20-го. А ведь все эти «цусимские» и «порт-артурские» броненосцы вполне могли дотянуть до 1914 года, как дотянули до нее легендарный «Варяг» и менее известные «Пересвет» и «Полтава».

Таким образом в мировую войну Россия вступила пусть и не с великой армадой, но с наисовременнейшим флотом. Не беда, что дредноуты еще не успели войти в боевой строй. В ходе войны со стапелей русских верфей успешно сходили скоростные эсминцы, новейшие линкоры, подводные лодки последних проектов.

Даже после чудовищного флотокрушения в годы гражданской ушибыцы остатков того - «царского» - флота хватило для новой мировой войны: и эсминцы-«новики», и *в с е* линкоры дореволюционной постройки, и некоторые подводные лодки вступили в боевые действия Великой Отечественной.

Начальник первого оперативного отдела Колчак был автором принятого в марте 1912 года Оперативного плана Балтийского флота. В нем была детально разработана для Балтики концепция создания Центральной минно-артиллерийской позиции. В этом же документе Колчак предложил новые виды разведки - радиотехническую и авиационную, без использования которых весь план терял свой смысл.

КОЛЧАК ПРЕДЛОЖИЛ ТАКЖЕ ОСНАЩАТЬ САМОЛЕТЫ РАДИОСТАНЦИЯМИ.

Государственный совет без обычных проволочек ассигновали нужные средства. Это была еще одна малозаметная победа худощавого офицера, фамилию которого произносили теперь с почетной прибавкой - Полярный.

В 1912 году Колчак не выдержал кабинетной работы и, решив что ключевые проблемы подготовки флота к войне решены, отпросился в моря, на строевую должность. Морской министр, посчитав этот служебный курбет своего рода передышкой перед новыми трудами, дал свое согласие. Адмирал Эссен, командующий Балтийским флотом, назначил Колчака командиром эсминца «Уссуриец», а затем перевел его на свой любимый «Пограничник», велел исполнять в то же время и обязанности флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом. Проще говоря, всегда держал его под рукой, весьма ценя советы и предложения недавнего стратега.

После барона Толля новым вожаком по жизни стал для Колчака Николай Оттович Эссен. Ни того, ни другого Колчак не называл высокопарно Учителем. Просто шел за ними, верил им, восхищался ими.

У Эссена не было ни Чесмы, ни Синопа, ни других впечатляющих викторий. Его победы были одержаны в иной сфере - в войне умов. Эссен брал не калибром орудий и не числом выведенных в линию дредноутов: он умел предвидеть, предугадывать ходы противника, а это подиум любой победы.

Те, кто знал его отмечали: Эссен «взял верхнюю ноту не патриотически настроенных струнах душ подчиненных офицеров и команд». Камертоном был

- погребальные колокола Цусимы.

Адмирала Эссена преследовал в его последние годы один навязчивый сон: новые германские дредноуты «... калибром крупных орудий и бронированием уже низводят нашу бригаду линейных кораблей типа «Севастополь», еще не вступившую в строй, на второстепенное место.».

Русские верфи катастрофически не успевали достроить новые линкоры. Отчасти сон командующего Балтийским флотом оказался пророческим. Ибо Германия не во сне, а на яву - в декабре 1913 года заложила сверхдредноут нового типа «Баден» с калибром в 15 дюймов.

Германия днем и ночью вела дноуглубительные работы в стратегическом Кильском канале, чтобы по нему можно было перебрасывать новейшие линкоры из Северного моря в Балтийское и наоборот.

Но в тот в последний день последнего мирного года Император одобрил совместный доклад морского министра И. Григоровича и начгенмора князя А.А. Ливена, в котором рисовалась диспозиция будущего возрожденного и усиленного российского флота на шесть лет вперед - вплоть до 1919 года. Заглянем и мы в сей чрезвычайно секретный документ. Он утверждал, что для «...надежной охраны полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути России необходимо иметь до 1919 года по обе стороны Константинопольского канала,(то есть Босфора и Дарданелл) эскадры Черноморского и Балтийского флота. При чем 12 двенадцать черноморских линкоров должны были базироваться непосредственно на Константинополь, а 8 балтийских на французскую базу в Бизерте. Фактически это означало, что Россия прорубала вторые ворота не только в Европу, но и в Африку, но и в Переднюю Азию.

Такая установка следовала из «Программы усиленного судостроения Балтийского флота на 1912- 1916 г.г.», над которой изрядно поработал капитан 2 ранга Колчак. Химера?

ОРАКУЛ 2000

По горькой иронии судьбы в Бизерту и в самом деле на постоянное базирование пришла русская эскадра, но только не балтийская, а черноморская. Она прибыла туда в конце 1920 года, как скопище разноклассных кораблей, ушедших из Севастополя от красных воителей мировой революции.

Однако же спустя тридцать лет после того, как последний русский корабль в Бизерте был продан на слом, в Средиземном море обосновалась та самая эскадра «активного флота», которую предрекал Колчак в своих оперативно-тактических наметках. То была так называем 5-ая оперативная эскадра, ставшая со временем флотилией, которая более четверти века непрерывно пребывала в средиземноморских водах в интересах «надежной охраны полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути» советской России. И объединяла она в себе корабли и Балтийского, и Черноморского, и Северного флотов.

Адмирал Николай Эссен управлял флотом не с берега. Порой сам выходил на боевые операции.

Как и адмирал Макаров он погиб в море: скончался на ходовом мостике флагманского корабля - 7 мая в 8 часов утра.

О школе адмирала Макарова Эссен говорил так: «забыть ее невозможно, а пренебречь - преступно».

У Макарова Эссен был флаг-капитаном. У Эссена флаг-капитаном был Колчак. У Колчака - Смирнов...

Он, она и миноносец

В центре ее мира был сын. Вся остальная вселенная расходилась от него кругами, втягивая в себя детские вещи, игрушки, лекарства, дамские шляпки, дачные приюты и казенные квартиры, наконец, миноносец мужа, его ремонты и походы, думские дела, российские проблемы, события мировой политики. Все это наполняло ее письма от неизменного обращения "дорогой мой Сашенька" до прощальных слов "любящая тебя Соня". Письма эти с ровными жениными строчками и детскими каракулями Колчак берег и хранил, потом хранили их чекисты в своих нетленных папках, теперь же послания Софьи Федоровны читает-вчитывается, перечитывает и комментирует научная сотрудница из госархива ВМФ Людмила Ивановна Спиридонова, посмертная домоуправительница давным-давно исчезнувшей семьи, хранительница ее тайн, радостей, забот и тревог, нечаянная душеприказчица.

"Мыняма папа гм цыбыбе канапу (конфету). Мыняма у цыбыба цалу (целует).

Дорогой мой Сашенька!

Пыталась писать тебе под Славушкину диктовку, но, как видишь, получается все одно и то же: "мыняма папа" и потом опять сначала "мыняма папа".

У нас тут (на даче под Дерптом, ныне Тарту - Н.Ч.) все по-старому. У Славушки прорезались два коренных зуба. Я купила ему щеточку, и он усердно чистит зубы себе.

Разбирая вещи, я осмотрела твое штатское платье: оно в порядке, кроме смокинга, попорченного молью. так лежит смокинг, жилет и брюки, потом сюртук и полосатые брюки и коричневый светлый костюм, а также шкиперская фуражка. быть может что-либо из этих вещей ты мог бы пожертвовать бедному Горе, которого надо одеть, т.к. он кончает реальное училище, и тетя Деля в отчаянии, что мальчику не во что одеться. Митя обещал ей 50 руб., но что сделаешь на эти деньги, когда нужно и белье, и платье, и пальто? Сколько прекрасных вещей за бесценок отдали по твоему желанию татарину".

Отблески недолго семейного счастья навсегда застыли в ее письмах мужу. Она писала ему в Либаву с дачи своих друзей под Юрьевом (Тарту), где проводила с детьми лето.

2 июня 1912 года

"Дорогой Сашенька!

Славушка начинает много говорить, считать и поет себе песни, когда хочет

спать. Чистый деревенский воздух сначала прямо опьяняет. Славушке, по-видимому, здесь очень нравится, он все просится - "гулять".

Мне очень жаль, но вся эта возня и переезд стоили больших денег. Ведь 200 рублей в месяц у нас выходило на самое необходимое, а тут были расходы на починку одежды моей и Славушкиной.

Как твои дела? Где ты теперь? Как прошли маневры и цел ли твой миноносец? Я рада, что ты доволен своим делом.

Я боюсь, не было бы войны, тут об этом много говорили. Но я газет не читаю и знать ничего не хочу.

Читала роман о генерале Гарибальди по-итальянски. Вышиваю кроме того, разговариваю по-немецки и считаю дни.

Пиши про себя. переменилось ли к тебе начальство, получив полмиллиарда на флот?

Твоя любящая Соня".

Однако, порой Софье Федоровне приходилось задавать вопросы совсем иного свойства:

«...За кем ты ухаживал в Ревеле на вечере? Удивительный человек: не может жить без дам в отсутствии жены! Надеюсь, что о существовании последней ты еще не забыл?...

... А что, Сашенька, не поступить ли тебе в Академию? Или ты уже бесповоротно решил, что без нее обойдешься. Тогда надо хоть на профессора защитить диссертацию... А в Черное море не хочешь? Все же я мечтаю, что там ты будешь командовать судном первого ранга...»

* * *

Летом 1914 года границы европейских государств запылали одна за другой, покрыв континент сетью фронтов. Небывалая война застала Балтийский флот отнюдь не врасплох, как это случилось когда-то с тихоокеанцами в Порт-Артуре. Более того, балтийцы вступили в боевые действия, даже несколько упредив ход событий, выставив загодя до официального объявления войны минные заграждения. Шесть тысяч мин, выставленные в восемь линий, перекрыли превосходящим силам кайзеровского флота кратчайший - морской - путь к столице России. Петербург не стал балтийским Порт-Артуром. Русский флот - после восьмилетнего промежутка между двумя войнами-сумел обрести достаточную мощь, чтобы защитить свои берега. И в этой победе многих флотских прогрессистов немалая толика трудов и энергии капитана 1 ранга Колчака.

В кратчайшие по судостроительным меркам сроки были построены новые линкоры, крейсера, эсминцы, подводные лодки. Правда, их количество не превышало рамок малой программы, но это был жизненно необходимый минимум для обороны морских рубежей. Всего к началу войны встало в строй 9 линкоров, 14 крейсеров, 66 эсминцев, 33 миноносца, 23 подводные лодки. Известная часть этой морской силы, сохраненной для страны такими

флотона начальниками как балтийский флагман Алексей Щастный и ему подобными патриотами, встретила удары самой жестокой за всю историю цивилизации войны - второй мировой...

* * *

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ФЛОТОМ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

г. Ревель, июля 19-ого дня 1914 года, №2

Волею Государя Императора сегодня объявлена война. Поздравляю Балтийский Флот с великим днём, для которого мы живём, которого мы ждали, и к которому готовились.

Офицеры и команды!

С этого дня каждый из вас должен забыть все свои личные дела и сосредоточить все свои помыслы и волю к одной цели - защитить Родину от посягательства врагов и вступить в бой с ними без колебаний, думая только о нанесении врагу самых тяжёлых ударов, какие только для нас возможны.

Война решается боем. Пусть каждый из Вас напряжёт все Свои Знания, опыт и умение в день боя, чтобы наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушение в неприятельские боевые строи и корабли.

Неприятель имеет большую силу и опыт; наши ошибки, наши слабые стороны он немедленно использует; надо стремиться, чтобы их было меньше.

Помните, что единственная помощь, которая должна оказываться друг другу в бою, заключается в усилиях атаки противника, напряжении с целью нанести сильнейшие удары ему, использовать для этого все свои силы и боевые средства.

Да исполнит каждый из нас величайший долг перед Родиной - жизнью своей защитить Её неприкосновенность - и да последует примеру тех, которые двести лет назад, с Великим Императором, своими подвигами и кровью положили в этих водах начало нашему флоту.

Подписал: адмирал фон Эссен.

...

С первых же часов новой Отечественной войны, как называли газеты противоборство России с Германией, капитан 2 ранга Колчак был в море. А Софья Федоровна, квартировавшая в прифронтовой Либаве с двумя детьми, поспешно паковала под канонаду немецких батарей чемоданы. Все говорили, что Либаву сдадут, и семьи русских офицеров, чиновников и прочего служивого люда осаждали вагоны идущего в Питер поезда. Бросив все нажитое за десять лет, жена Колчака с детьми на руках и жалким дорожным скарбом все же выбралась из прифронтового города. Так началась черная полоса ее жизни...

Она честно несла свой крест офицерской жены: переезды с места на место,

чужие квартиры, болезни детей, бегство из-под обстрела, соломенное вдовство и вечный страх за мужа - вернется ли из похода... И не было ей за это никаких государевых наград и почестей. Муж получал ордена и боевые кресты. А она ставила кресты на могилах своих дочерей. Сначала умерла двухнедельная Танечка, потом - после бегства из осажденной Либавы и двухлетняя Маргарита. Должно быть застудилась в пути, а гатчинский врач не сумел выходить. Там, в навеки проклятой ею Гатчине, и схоронили младшенькую. Выжил лишь средненький - Славик, Ростислав. И его спасти пришлось от детских хвороб, а больше всего от лихих людей, которые никак бы не дали зажитья в России сыну адмирала Колчака после Семнадцатого года...

«Рюмка немецкой крови» для... Колчака

Однако Балтийский флот не только оборонялся, но и очень скоро приступил к активным действиям. И пусть они были скромны по сравнению с морскими сражениями британского гранд-флота, но в масштабах балтийского театра они немало осложнили жизнь германских эскадр. Так, осенью 1914 года несколько русских кораблей, рискуя в случае обнаружения быть расстрелянными в море, выставили на подходах к крупнейшим военно-морским базам немцев в Киле и Данциге минные заграждения. Это был дерзкий щелчок по козырьку фуражки принца Генриха Прусского*, уверовавшего в то, что после самозакупоривания русских кораблей в Финском заливе Балтийское море превратилось во внутреннее озеро Германии и крейсера под Андреевским флагом никогда не посмеют пересечь линию остров Нарген - мыс Порккалауд.

В эффективности минного оружия для обороняющегося флота Колчак убедился на собственном боевом опыте в Порт-Артуре. И гибель броненосца «Петропавловска», и взрыв крейсера «Такасаго» - все это стояло перед его глазами, когда рука наносила на карту Балтийского моря районы «минных люстр».

Подобно инженеру, демонстрирующему верность своих расчетов, стоя под предельно нагруженным мостом, флаг-капитан оперативной части Колчак выходил почти на все разработанные им операции. Это делало ему честь и в глазах командующего флотом, и в корабельных кают-компаниях. О нем говорили, его уважали, более того - для молодых офицеров он стал кумиром.

Лейтенант Дмитрий Астафьев, после выпуска из Морского корпуса служил на крейсере «Диана». После гражданской войны эмигрировал в Австралию. Оттуда, из города Брисбен, прислал он в 1970 году свои воспоминания о встречах с Колчаком в годы мировой войны.

Рукою очевидца. «Был переход под флагом командующего Балтийским флотом адмирала Канина из Гельсингфорса в Ревель.

Я стоял вахтенным офицером на кормовом мостике, когда по трапу взбежал среднего роста стройный с блестящими глазами капитан 1 ранга. Много слыхав о Колчаке от старших соплавателей, я тотчас же узнал его в штабном офицере. Вытянулся, приложил руку к козырьку. Вдруг, опустив мою

руку привычным жестом старшего, Колчак, догадавшись, что я - недавно из Корпуса, заговорил со мной тоном товарища по выпуску, не более. Он вспомнил свое время, признал, что нас теперь лучше тренировали в науках, что мы, русская морская молодежь, во много раз превосходим немецкую, старательную, но от нас далеко отстающую в энтузиазме; что эти качества русских офицеров делает менее чувствительной разницу в материальных преимуществах немецкого флота над русским.

- Александр Васильевич! - послышался голос с палубы. Внизу, у трапа, стоял адмирал Канин. Сбежав по трапу, Колчак почтительно выслушивал Командующего флотом...

Вторая встреча... Она остается самым светлым воспоминанием о соплавателях, о самом себе, еще способным в юношеские годы впадать в восторг, обычно именуемым «телячьим»...

Пусть будет так...

Так вот, 6 декабря 1915 года в кают-компании нашего крейсера «Диана» праздновался день именин сразу трех Николаев: двух Павловичей и одного Петровича... Кроме того, по случаю «царского дня» - тезоименитства, некоторые офицеры получили награды. А утром Штаб Командующего Флотом сообщил по радио: «Флот извещается, что 4 декабря вечером нами потоплены в Балтийском море крейсер «Бремен» и один большой миноносец».

Праздничное настроение. Многочисленные тосты за обедом. Пили не только водку, награжденные выставили и шампанское. И тут в конце обеда на пороге появляется вахтенный унтер-офицер с докладом старшему офицеру и командиру, приглашенному в гости.

- Вашскобродь, к трапу подходит на ледокольном буксире капитан 1 ранга Колчак!

Едва он закончил доклад, как на стол полетели салфетки и с десяток офицеров, даже без фуражек, без всякого сговора бросаются на верхнюю палубу. Мы подхватываем только-только вступившего на палубу «Дианы» Колчака, поднимаем на плечи и несем его в кают-компанию, несмотря на его протесты: «Господа, я собственно говоря, к вашему командиру...». В той части кают-компаний, что именовалась гостиной, сажаем гостя на диван перед круглым столом. Вестовые снимают с него пальто, а мы приносим коньяк и рюмки. Трудно сказать о чем зашел разговор. Я сидел рядом с Колчаком. Белый эмалевый крестик на его груди привел меня в такое восторженное чувство, что забыв всякое чинопочитание, я от полноты чувств и под общее ободрение присутствующих обнимаю нашего гостя.

- Мичман, - почти растерялся тот, - я вам не девушка, чтобы обниматься... Лучше бы поехали на берег... Ну, а впрочем, если уж мы поцеловались, будем на «ты»!

И мы чокнулись рюмками.

Разговор зашел о модернизации нашей «богини «Дианы» (возраст которой перевалил за 16 лет). Перебивая друг друга, молодые офицеры доказывали Колчаку, что установка на крейсере приборов Эриксона - автоматического управления огнем орудий, а также замененные устаревшие шестидюймовки на

новые, 130-миллиметровые, более дальнобойные дают нам право на участие в боевых операциях, даже несмотря на нашу тихоходность - всего 18 узлов полного хода. Мы приглашаем Колчака пройти в боевой пост, где только что закончена установка электрических приборов. Колчак отправляется туда в сопровождении лейтенантов А. Остроградского и Н. Солодкова, а также мичманов Д. Нечволодова, А. Матусевича, А. Соколова. Я иду вместе с ними. Матросы, завидев такое шествие, почтительно вскакивают. Они тоже немало наслышаны о Колчаке... На следующий день мой вестовой молодой матрос, убирая каюту, спросил меня:

- Вашскобродь, а правду ли робята бают, что Колчак каждое утро выпивает по рюмке немецкой крови, такой уж он отчаянный?!»

Третья встреча с Колчаком произошла у меня недели через две после его визита на «Диану». Я поднимался по лестнице гельсингфорского морского собрания. Сверху спускался Колчак. Вспомнив мою выходку с объятиями, я покраснел, первым моим желанием было обратиться в бегство... Однако, бежать было некуда. Я замер на ступеньке красный от конфуза. Колчак окинул меня быстрым взглядом, вероятно, понял мое замешательство. Он задержался и спросил «на ты»:

- Ну, что? Как дела? В Рижский залив хочешь?

Я молча поклонился.

В Рижский залив из Финского можно было попасть через Моонзундский пролив. Но по его мелководью проходили только эсминцы. Броненосец «Слава», который там уже находился, провели через Ирбенский пролив, то есть с юга, после чего его сразу же завалили минами против немецких дредноутов. К счастью, Моонзунд к концу 1915 углубили настолько, что позволило и нашему крейсеру, разгрузившись до предела от своих запасов, проползти по фарватеру Моонзунда, поднимая винтами с грунта густую муть. Следом за «Дианой» в Рижский залив прошли и крейсера «Адмирал Макаров» и «Баян».

При съездах на берег штаб-офицеры посещали фешенебельный ресторан «Фения», второй - «Аполло», с молчаливого согласия Штаба флота, был весьма популярен среди мичманов и лейтенантов. Там можно было, принеся с корабля в карманах бутылки с водкой, передать их лакеям, и те разливали на кухне крепкий напиток в бутылки из-под содовой воды и ставили на столики. Каждый столик под цветным абажуром стоял в особой ложе, что на мичманском жаргоне называлось «стойлом». Мне не раз доводилось видеть капитана 1 ранга Колчака в таком «стойле» с молодыми офицерами. Некоторые старшие офицеры не одобряли его за то, что «якшается с молодежью». Но Колчак любил прислушиваться к мнению молодежи.

Всякий раз, когда Колчак приходил в «Аполло», скрипач Рафаель - первая скрипка в тамошнем квартете (впоследствии процветавшего в Париже) неизменно встречал его старинным романсом «Гори, гори моя звезда». А из соседней ложи всегда в таком случае можно было слышать глуховато-грудной голос Колчака, подтягивающего музыканту:

Ты у меня одна заветная,

Другой не будет - никогда...

Служить с Колчаком было нелегко. Говорят, во гневе он наводил на подчиненных страх. Но бывало, что обращаясь к старшим себя, он произносил «почтительнейше докладываю вашему превосходительству» сопровождал доклад ударами кулака по столу».

Я ПРОШУ ВАС ПОВРЕМЕНИТЬ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ!...

...Предновогодняя ночь первой военной зимы. Крейсер «Россия», тихоходный ветеран русско-японской кампании, шел под флагом начальника отряда минных заградителей ставить мины на фарватерах близ военного порта Киль, Палубные рельсы крейсера сплошь были заставлены минными тележками. «Россия» шла без охранения. На ее борту вместе с флагманом и капитан 1 ранга Колчак. Поздним вечером он прилег вздремнуть, приказав разбудить его, как только откроется вражеский берег. Миль за полсотни до Кили командир крейсера доложил адмиралу, что радиотелеграфисты прослушивают оживленные переговоры германских кораблей, курсирующих неподалеку. Адмирал состорожничал и приказал ложиться на обратный путь. Кто-то разбудил Колчака и доложил о решении флагмана. Одеваясь на бегу, Колчак бросился во флагманскую рубку.

- Господин адмирал, я прошу вас повременить с возвращением!... Мы должны провести операцию, хотя бы ценой своей гибели!...

Речь его была столь горяча, убедительна и настоятельна, что адмирал передумал и, подавив амбиции, велел снова идти к Килю. Мины были выставлены точно по плану. На обратном пути «Россия» счастливо разминувшись с германскими кораблями и благополучно вернулась в базу.

В феврале 1915 года капитан 1 ранга Колчак принял командование полудивизионом особого назначения. В него входили четыре эскадренных миноносца типа «Пограничник». Погрузив на палубы в общей сложности сто восемьдесят мин заграждения, полудивизион вышел к Данцигу. В глубокий тыл врага вел эсминцы Колчак на своем «Пограничнике». Поскольку риск обнаружения был велик, в море вышла и бригада крейсеров под флагом контр-адмирала М. К. Бахирева - прикрыть эсминцы. В штормовую ночь флагманский крейсер «Рюрик» наскочил на подводные камни у острова Готланд. Положение крейсера, имевшего большую пробоину в днище, было угрожающим. Бахирев дал радио на остальные корабли отряда: «Операция отменяется. Всем возвращаться в базу». Через несколько минут радиотелеграфисты «Рюрика» приняли с «Пограничника»: «Прошу добро продолжать операцию без охранения. Колчак». Радиограмма была адресована командующему флотом. Адмирал Эссен, хорошо зная своего флаг-капитана, разрешил идти к Данцигу без крейсеров. Позже стало известно: на минах, выставленных Колчаком и его эсминцами, подорвались четыре (!) немецких крейсера, восемь миноносцев и одиннадцать транспортов. Командующий германским флотом принц Генрих Прусский запретил командирам кораблей выходить в Балтику до тех пор, пока специалисты не найдут эффективного способа борьбы с русскими морскими

минами.

Летом 1915 года германские армии начали мощное наступление в глубь России. Флот кайзера, поддерживая сухопутные войска, рвался в Рижский залив, оборонять который у русского флота не хватало сил. Тем не менее план такой обороны, составленный Колчаком еще до войны, существовал.

Поэтому, как только возникла угроза прорыва немцев к Риге с моря, в Рижский залив был введен линкор «Слава» и несколько миноносцев, которые тут же завалили минами Ирбенский пролив - главные ворота Рижского взморья. И все же немцы сумели протралить минные поля, а 4 августа форсировать пролив. Однако заплатили за это дорого - гибелью нескольких эсминцев и серьезными повреждениями крейсеров. Понеся столь ощутимые потери, германский флот прервал операцию и оставил воды залива. Приостановили свое наступление на Ригу и немецкие дивизии, не получив огневой поддержки с моря. Но было ясно: возобновление борьбы за Рижский залив - дело времени. И этого времени, скупо отпущенного передышкой, Балтийский флот не терял.

Командующим оборонительным районом Рижского залива был назначен Колчак, вступивший к осени 1915 года и в весьма ответственную должность начальника минной *дивизии*. Первым делом были восстановлены и усилены минные заграждения в Ирбенском проливе. Колчак с присущей ему энергией отдался новому для себя делу - флотоводческому. И противник это очень скоро почувствовал.

Едва немцы развернули наступление на приморский городок Кеммерн (ныне Кемери), конечную станцию пригородной рижской железной дороги, как с моря на них обрушились мощные залпы корабельных орудий. Накануне Колчак установил тесную связь со штабом русских сухопутных войск и в деталях согласовал план совместных действий. Германцы были отброшены от Кеммерна с большими потерями. Не довольствуясь этим, Колчак высадил и несколько десантов в тылу у немцев, а затем сам повел свои эсминцы под Виндаву и, выйдя за пределы Рижского залива, обрушился на караваны немецких судов, перевозивших шведскую руду для крупновских сталелитеен.

НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ...

Если бы не война, быть может, о Колчаке мы бы говорили не только как об отважном полярном исследователе и талантливом флотоводце, но и как о композиторе. Он прекрасно музицировал: играл на фортепиано, и гитарные струны были послушны его пальцам. Он сочинял небольшие вещи - вальсы, романсы. И всерьез собирался заняться музыкой, благо жена командира крейсера «Баян», приятеля и однокашника Колчака капитана 1 ранга Сергея Николаевича Тимирева Анна Васильевна, урожденная Сафонова, дочь директора Московской консерватории, обещала всяческое содействие в этом благородном увлечении. О Колчаке Анна Васильевна была много наслышана - и от мужа, и от многочисленных знакомых, дававших самые лестные отзывы этому незаурядному человеку.

Впервые она увидела Колчака Анна Васильевна, - на перроне Финляндского вокзала.

РУКОЮ АННЫ. «Мимо нас стремительно прошел невысокий, широкоплечий офицер...» Сама судьба прошлестела полами черной шинели...

Санкт-Петербург. Июль 1995 года

...Вот он этот Финляндский вокзал с бронзовым Ильичем на бронзовой башне броневика. От старого здания остался лишь один фрагмент, встроенный в новый корпус. А вот перрон, на котором всего-то восемьдесят лет тому назад, разыгралось, как на каменных подмостках, начало этой истории.

3 июля 1915 года капитан 1 ранга Александр Васильевич Колчак уезжал с этого перрона в Петроград, в служебную командировку. Вместе с ним ехал и его старый приятель, однокашник по Морскому корпусу и сотоварищ по боям в Порт-Артуре, капитан 1 ранга Сергей Николаевич Тимирев. Его провожала молодая жена - 23-летняя Анна Васильевна, дочь директора московской консерватории. Эта мимолетная вокзальная встреча в белую июльскую ночь столь похожа на первое знакомство Вронского и Анны Карениной.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «Она всегда напоминала мне Анну Каренину, - рассказывал о своих детских впечатлениях о Тимиревой ярославский протоиерей Борис Георгиевич Старк, сын контр-адмирала Г. К. Старка. - Очень эффектная дама, всегда в черно-красном одеянии, она наносила визиты моей бабушке по материнской *линии*, бывшей замужем за адмиралом Развозовым».

Так же буднично, так же случайно начинаются почти все банальные любовные треугольники. И эта история не вышла бы из разряда тривиальных семейных драм типа «жена ушла к другому» или «муж завел себе пассию», если бы... Если бы не особые характеры этих людей и не чрезвычайные обстоятельства истории.

У Колчака-Полярного - тут, и в самом деле, характер особый, а у Анны?

Во всех своих советских анкетах в графе «социальное происхождение» писала - «казачка». В ней и в самом деле текла казачья кровь. Аня Сафонова окончила гимназию княгини Оболенской в Петербурге, потом занималась рисунком и живописью в частной студии. Писала стихи. Свободно владела французским и немецким языками. Замуж вышла по увлечению.

РУКОЮ АННЫ. «Восемнадцать лет я вышла замуж за своего троюродного брата С.Н. Тимирева. Еще ребенком я видела его, когда проездом в Порт-Артур - шла война с Японией - он был у нас в Москве. Был он много старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, - что мы знаем в восемнадцать лет! В начале войны с Германией у меня родился сын, а муж получил назначение в штаб командующего флотом адмирала Эссена. Мы жили в Петрограде, ему пришлось ехать в Гельсингфорс. Когда я провожала его на вокзале, мимо нас стремительно прошел невысокий широкоплечий офицер.

Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции».

У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага».

Все предвоенные годы Анна прожила в Петербурге - Сергей Николаевич Тимирев служил на Балтийском флоте. Своего жилья не было - снимали одну из квартир доходного дома на 7-й Рождественской (ныне 7-й Советской) улице. Обычная офицерская семья. Обычная офицерская жена...

РУКОЮ АННЫ: «Познакомились мы в Гельсингфорсе, куда я приехала на три дня к мужу осмотреться и подготовить свой переезд с ребенком. Нас пригласил товарищ мужа Николай Константинович (Люцианович -Н.Ч.) Подгурский, тоже портартурец. И Александр Васильевич Колчак был там. Война на море не похожа на сухопутную: моряки или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются из похода в привычную обстановку приморского города. И тогда для них это праздник. А я приехала из Петрограда 1914-1915 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре - в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчики, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь ранен. И все это камнем лежало на сердце.

А тут люди были другие - они умели радоваться, а я уже с начала войны об этом забыла. Мне был 21 год, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя - где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и, о чем бы ни говорил - даже о прочитанной книге, - оставалось впечатление, что все это им пережито. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом. Долгое время спустя я спросила его, что он обо мне подумал тогда, и он ответил: "Я подумал о Вас то же самое, что думаю и сейчас".

Он входил - и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово! А встречались мы нечасто - он был флаг-офицером по оперативной части в штабе Эссена и лично принимал участие в операциях на море, потом, когда командовал Минной дивизией, тем более. Он писал мне потом: "Когда я подходил к Гельсингфорсу и знал, что увижу Вас, - он казался мне лучшим городом в мире".

К весне я с маленьким сыном совсем переехала в Гельсингфорс и поселилась в той же квартире Подгурского, где мы с ним встретились в первый раз. После Петрограда все мне там нравилось - красивый, очень удобный, легкий какой-то город. И близость моря, и белые ночи - просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, я ловила себя на том, что начинаю бежать бегом.

Тогда же в Гельсингфорс перебралась и семья Александра Васильевича - жена и пятилетний сын Славушка. Они остановились пока в гостинице, и так как Александр Васильевич бывал у нас в доме, то он вместе с женой сделал нам визит. Нас они не застали, оставили карточки, и мы с мужем должны были ответить тем же. Мы застали там еще нескольких людей, знакомых им и нам.

Софья Федоровна Колчак рассказывала о том, как они выбирались из Либавы, обстрелянной немцами, очень хорошо рассказывала. Это была высокая

и стройная женщина, лет 38, наверно. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, была более интеллектуальна, что ли. Мне она сразу понравилась, может быть, потому, что и сама я выросла в другой среде: мой отец был музыкантом - дирижером и пианистом, семья была большая, другие интересы, другая атмосфера. Вдруг отворилась дверь, и вошел Колчак - только маленький, но до чего похож, что я прямо удивилась, когда раздался тоненький голосок: "Мама!" Чудесный был мальчик.

Летом мы жили на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом, там же снимали дачу и Колчаки. На лето все моряки уходили в море, и виделись мы часто, и всегда это было интересно. Я очень любила Славушку, и он меня тоже. Помню, я как-то пришла к ним, и он меня попросил: "Анна Васильевна, нарисуйте мне, пожалуйста, котика, чтоб на нем был красный фрак, а из-под фрака чтоб был виден хвостик", а Софья Федоровна вздохнула и сказала: "Вылитый отец!"

Осенью как-то устроились на квартирах и продолжали часто видеться с Софьей Федоровной и редко с Александром Васильевичем, который тогда уже командовал Минной дивизией, базировался в Ревеле (Таллин теперь) и бывал в Гельсингфорсе только наездами. Я была молодая и веселая тогда, знакомых было много, были люди, которые за мной ухаживали, и поведение Александра Васильевича не давало мне повода думать, что отношение его ко мне более глубоко, чем у других.

Но запомнилась одна встреча. В Гельсингфорсе было затемнение - война. Город еле освещался синими лампочками. Шел дождь, и я шла по улице одна и думала о том, как тяжело все-таки на всех нас лежит война, что сын мой еще такой маленький и как страшно иметь еще ребенка, - и вдруг увидела Александра Васильевича, шедшего мне навстречу. Мы поговорили минуты две, не больше; договорились, что вечером встретимся в компании друзей, и разошлись. И вдруг я отчетливо подумала: а вот с этим я ничего бы не боялась - и тут же: какие глупости могут придти в голову! И все».

У них не было никаких шансов быть вместе. Оба - семейные люди. У нее - двухлетний карапуз Володя, у него - девятилетний пострел Славушка, Ростислав, да еще горькая память о двух умерших малолетних дочерях - Татьяне и Маргарите. Но внешне вполне благополучные и респектабельные семьи.

Никто не мог сказать ничего дурного об их отношениях в Гельсингфорсе. Это было обычное светское знакомство. Встречались только на людях - в компаниях. Кодекс офицерской чести не допускал и мысли о тайных романах с женами друзей. И не вина Колчака, что он тронул сердце отнюдь не чопорной московской красавицы. Натура в высшей степени поэтическая, Анна Васильевна сама шла ему навстречу.

«Где бы мы не встречались, - признавалась потом Анна Васильевна, - всегда выходило так, что мы были рядом, не могли наговориться, и всегда он говорил: «Не надо, знаете ли, расходиться - кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня». Все уже устали, а нам - и ему и мне - все было мало, нас несло, как на гребне волны. Так хорошо, что ничего другого и

не надо было!».

Колчак, весьма равнодушный к женщинам, и немало погрешивший легкими связями в Либаве и Ревеле, вдруг увидел в Анне Тимиревой ту даму, за право обладания которой нужно пройти пол света, или покорить пол мира, или хотя бы взять некую немислимую твердыню, чтобы швырнуть к ее вратам ключ от ворот... Ну, того же Царь-града, например, Константинополя...

История адмирала Нельсона и леди Гамильтон? Красивая рыцарская сказка?

Нет, едва не состоявшаяся быль...

Так или иначе, но Анна Васильевна стала для Колчака той «заветной звездой», которая осенила самые трудные годы его жизни и которая готова была разделить с ним и его страшную участь. Но судьба распорядилась иначе...

Впрочем, рассказ об этой замечательной женщине впереди.

«Буду утром со «Славой». Колчак»

Военное море - особое море. Где бы не находился твой корабль, он и ты на нем, может в любой точке этого взволнованного, мерно дышащего простора обрести свой вечный покой. Под его могильным покровом уже упокоились сотни кораблей и тысячи моряков, а среди них и многие твои товарищи.

Колчак не мог не думать этом, как не мог и не гнать подобные мысли прочь. Они уходили с горизонта разума в темную глубь подкорки, напрягая нервы и обостряя чувства.

Капитана 1 ранга Колчака убивала узость поставленной ему задачи - оборона Финского залива. Это при том, что окно в Европу, прорубленное Петром на Балтике, давно уже превратилось в распахнутые ворота от Ботники до Полангена, от финско-шведской границы в лапландском приполярье до литовского штранда.

Он рвался в бой к берегам Германии. Но его определили в Рижскую заводь. Именно там обрел он заветный «белый крестик».

* * *

- Кому и как о вас доложить, ваше благородие? - Осведомился вестовой, преграждая незнакомому офицеру путь в каюту хозяина - час для визитов был вовсе неурочный. Капитан 1 ранга Колчак только прилег, благо стрелки часов ушли далеко за полночь. Правда, время военное...

- Доложи Александру Васильевичу, что прибыл командир миноносца «Лейтенант Бураков». Имею пакет от начальника службы связи адмирала Непенина.

Вестовой заглянул в полутьму каюты и вскоре вернулся обратно.

- Проходите.

Колчак встретил посланца по-свойски - в наброшенном кителе.

Козырнув, лейтенант передал небольшой сверток. Вскрыв плотную бумагу, Колчак обнаружил замшевый футлярчик, в котором обычно дарят драгоценности, а в нем - белый крестик ордена Святого Георгия. Эмаль его была слегка исцарапана - ношен крестик был и немало...

-Что это?

- Адриан Иванович с себя снял. - Пояснил командир миноносца. - Как только императорский рескрипт прочитал. Велел немедля вам передать.

- Мне?! - Опешил Колчак. - За что?

«За Рижский залив!» - мог бы ответить лейтенант, но он деликатно промолчал.

Капитан 1 ранга Колчак застегнул мундир на все пуговицы и перекрестился - сначала на икону Спасителя, потом на крест Святого Георгия.

Рижский залив. Сентябрь 1915 года

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «4 сентября начальник Минной дивизии контр-адмирал Трухачев... вывихнул руку, оступившись и упав на сходне, - писал в «Воспоминаниях морского офицера С. Тимирев, - и временно вместо него был назначен Колчак, который оставался в должности вплоть до выздоровления Трухачева - до 11 ноября. Несмотря на кратковременности пребывания в должности Колчак успел развить самым плодотворным образом свою кипучую энергию. Он был создан для службы на миноносцах, это была его стихия. Колчак неоднократно говорил своим друзьям, что венцом его желаний всегда было получить в командование Минную дивизию: он чувствовал, что там он будет на месте, и о большем не мечтал. Его оперативные замыслы, связанные с миноносцами, всегда были неожиданны, смелы и рискованны, но в то же время ему всегда сопутствовало счастье; однако, это не было слепое счастье, а своего рода предвидение, основанное на охотничьей верности глаза и привычке к успеху. Его молниеносные налеты на неприятельские транспорты в шведских водах, атаки на неприятельские миноносцы, самые смелые постановки мин под носом немцев можно было сравнить с лихими кавалерийскими набегами или атаками. В конце концов, за целый ряд подвигов, которые трудно было подвести под какие-либо "статуты," Колчак по Высочайшему повелению, помимо Георгиевской Думы, был награжден орденом Св. Георгия; очевидно, трудно было найти офицера, более достойного этой награды».

В сентябре 1915 года Колчак вступил в командование Минной дивизией и всеми морскими силами в Рижском заливе - единственным военном театре на Балтике, на котором кайзеровские адмиралы пытались дать решающее сражение русскому флоту. Ботника не в счет. Вход в Финский залив надежно прикрывался Центральной артиллерийско-минной позицией, а вот Рижский залив был той самой дверью, что вела на «черную лестницу» в Моонзундский пролив, в тыл главного морского щита.

Рукою очевидца. «На этой должности Колчак проявил большую активность, он разработал план соединенных операций флота и армии на

побережье около Риги, и, когда немцы повели сильное наступление на Кеммерн, то были отбиты нашими войсками, поддержанными артиллерийским огнем с кораблей. Кроме того Колчак произвел несколько высадок десанта на побережье залива, занятое германской армией и постоянно тревожил ее тыл. Не ограничиваясь обороной залива, он с миноносцами, под личным своим командованием, произвел ряд нападений на суда германской охраны у Виндавы и германские караваны торговых судов, перевозивших груз руды из Швеции в Германию» - отмечал один из первых биографов Колчака, его преданный соратник - контр-адмирал Михаил Смирнов, бывший в ту пору командиром эсминца «Казанец».

Колчак одним из первых понял, что классического эскадренного боя между германским и русским флотом не будет, что новая война на море требует новой тактики, точнее хорошо забытого с ушаковских времен умения воевать вместе с армией, прикрывая ее фланги, поддерживая ее огнем корабельной артиллерией, высаживая десанты. В его казачьей крови жила удаля внезапных налетов, хитрых ловушек, тихих подкрадываний и стремительных бросков... Все это было ему по душе и нраву.

Все это он перенес на море, на Рижский залив. Кто бы мог подумать, что это курортное взморье станет ареной жесточайших боев, что на песчаный шtrand, по которому год-другой тому назад степенно прогуливалась «чистая публика» обеих столиц, а также Риги и Ревеля, теперь балтийские волны будут выбрасывать на мокрый песок окровавленные трупы, обломки шлюпок и рангоута...

Свой адмиральский флаг на Минной дивизии он держал на «Сибирском стрелке». Напророчил. Через три года пришлось стать военным вождем сибирских стрелков...

РУКОЮ СОВРЕМЕННОГО. «...Начались осенние штормы и даже пурги. - Вспоминал контр-адмирал С. Тимирев. - Мы могли больше не беспокоиться за Ирбенский пролив, поэтому большая часть минной дивизии сосредоточивалась в гавани Рогекуль, в глубине Моонзунда. В Ирбене оставались только дозорные миноносцы. Четыре миноносца и, кажется, одна канонерская лодка стояли в Риге и выходили к флангу армии, когда сухопутное начальство этого требовало. На правом фланге армии, выходявшем к берегу Рижского залива у мыса Рогоцем, в глубине Моонзунда, боевым участком командовал князь Меликов, командир 20-го драгунского Финляндского полка. В его подчинении состоял его полк и две ополченских дружины. Участок был более 20 верст протяжением. Сухопутной артиллерии у Меликова была одна полевая 3-дюймовая батарея, служившая еще в время японской войны и поэтому совершенно расстрелянная, и две 6-дюймовые пушки Канэ, которые ему строго было приказано держать не ближе 12 верст от линии пехотных окопов, то есть когда они, по дальности боя, могли стрелять только в случае занятия этих окопов неприятелем. Меликов был чрезвычайно храбрый, бодрый и толковый человек. За время прежних операций, описанных Б.П.Дудоровым, он отлично изучил свойство и размер той помощи, которую ему мог бы оказывать флот своими дальнобойными пушками, и очень бережно относился к нам, настаивая,

чтобы мы всегда уходили в гавани, когда он чувствовал, что немцы ведут себя тихо.

В море против фланга армии стояла бочка, прикрытая возвышением мыса Рагоцем, на нее был выведен телефонный кабель, и стоило только встать на бочку и соединить телефон, как мы могли начинать говорить со штабом боевого участка, а оттуда шли телефоны в передовые окопы и на наблюдательные пункты, откуда корректировали нашу стрельбу. В вечер, когда началась операция, мы были на отдыхе в Рогекюле, а "Слава" стояла в Куивасто. в 90 милях от позиций. Никаких сведений о боях на фронте не поступало, как вдруг поздно вечером на флагманский миноносец "Сибирский стрелок" из телефонной будки на клочке бумажки принесли никому не адресованную записку, переданную по телефону из Риги в Ревель, а из Ревеля через службу связи в Рогекюль. Карандашом малограмотными каракулями телефониста было, как сейчас помню, написано:

"Неприятель теснит, прошу флот на помощь. Меликов".

Вот тут-то и сказался характер Колчака. В море шторм, пурга. Очень трудно и днем выйти из Рогекюля узким каналом, обставленным вехами, а ночью и подавно. Ночью, в пургу, пройти Моонзундом крайне затруднительно, а выводить в такую погоду "Славу" из мешка в Шильдау в Рижском заливе было даже опасно. В Риге - четыре миноносца и одна канонерская лодка. От них никаких донесений не поступало. Наверное, всякий другой начальник при таких обстоятельствах решил бы ожидать рассвета, а тем временем запросил бы наш отряд в Риге об обстановке.

Колчак загорячился: "Не такой человек Меликов, чтобы зря звать на помощь, выхожу немедленно со всеми силами, будь что будет". "Славе" послать радио: "Немедленно приготовиться к походу". Девятому дивизиону с Развозовым, бывшим в Куивасто, приказано было вступить в охрану "Славе" и осветить ей выход. Восемь миноносцев, находившихся в Рогекюле, уже через полчаса вышел в Куивасто. Начальнику группы миноносцев в Риге было послано радио: «Передайте немедленно Меликову, буду утром со "Славой" и миноносцами. Капитан 1 ранга Колчак".

Мы вышли благополучно из Рогекюля, освещая вехи прожекторами, при шли плес и повернули по счислению на Моонский створ. Ни поворотного буя. н створных маяков не было видно. Пурга усилилась. Шли вперед самым малым хб дом. Течения в Моонзунде неопределенны, зависят от ветров. Нас отнесло к за паду, и флагманский миноносец, и два других сели на камни, правда, на самом малом ходу, остальные стали на якорь. Полтора часа продолжались безуспешны попытки сняться с камней. "Слава" донесла о готовности, и Колчак приказал е. немедленно идти полным ходом к Усть-Двинску. Внезапно улыбнулось счастье прибыла вода и все миноносцы всплыли; одновременно разорвалась завеса пурги и мы увидели Вердеревский маяк и створные огни. Дали 20 узлов и благополучно вышли в залив, где обогнали "Славу", шедшую 16-узловыш ходом. Утром, около часов, подошли к бочке, которую порядочно отнесло к востоку.

На мысе Рогоцем, прикрывающем нас от видимости 9-дюймовой батареи

немцев, еще держались наши отрезанные части, но армия отступила. Из штаб! Меликова начали поступать спокойные приказания: "стрелять по цели в квадрате №... 100 сажен южнее". Корабли стали на якорь на назначенных местах, и началась усиленная стрельба залпами; после каждого залпа корректировка. На берегу гремит бой, бьет усиленно немецкая артиллерия, начинается слышаться ружейная и пулеметная стрельба, чего раньше никогда не случалось.

Меликов сообщает: "Неприятель ведет наступление на правом фланге цепи выходят на берег, прошу обстрелять ". Колчак посылает мелкосидящие миноносцы девятого дивизиона с 75-мм орудиями, единственными имеющими шрапнель. Развозов понимает приказания с полслова. Девятый дивизион открывает ураганный огонь из своих 16 пушек. Немцы отогнаны, связь с Рогоцом восстановлена. Нас атакуют несколько раз немецкие аэропланы, но неудачно. Неприятельская батарея, очевидно, руководствуясь фотографией, снятой аэропланами рейда, сгоняет корабли со своих мест, кроме "Сибирского стрелка", которому нельзя уйти с телефонной бочки. Но попаданий в нас нет.

Постепенно бой затихает. Наши войска, отступя немного, удержали позиции. Вечером Колчак съехал на берег, видится с Меликовым, возвращается радостный. "Удивительный человек Меликов. - говорит он, - просит нас уходите домой, считает, что немцы понесли такие потери, что нескоро рискнут снова нас атаковать. Он совершенно в этом уверен и просит нас прийти через несколько дней, когда он сам перейдет в наступление для захвата города Кеммерн. Мы должны будем произвести артиллерийскую подготовку перед атакой ". На берегу действительно воцарилась тишина и только аэропланы нас атакывали».

Не спроста к заветному ордену Св. Георгия четвертой степени Колчак был представлен не командующим флотом, а командующим 12-ой армией генералом Радко-Димитриевым. Армия первой оценила морские заслуги капитана 1 ранга Колчака.

В реляции было описано дело в котором отличился новый кавалер: 7 октября

Пройдет год и ровно день в день 7 октября 1916 года Колчак переживет горе равновеликое его нынешней радости: на внутреннем рейде Севастополя погибнет лучший дредноут Черноморского флота...

Белый крестик - офицерский Георгий - украшал мундиры и был среди всех прочих орденов и медалей самой почетной наградой.

Получить такой «крестик» на свой мундир - всегда было заветной - негласной мечтой Саши, едва он надел гардемариновую голландку.

Он надеялся получить эту награду в Порт-Артуре. Но не случилось. И хотя золотое Георгиевское оружие - сабля с надписью «За храбрость» - тоже весьма почетно, но все же не выпало ему в лейтенантах такого случая, как Адриану Непенину.

Непенин первым - на то она и морская разведка! - узнал о награждении приятеля «белым крестиком». Он вызвал к себе командира миноносца «Лейтенант Бураков», снял с кителя свой Георгиевский крест и велел доставить

награду каперангу Колчаку в Гельсингфорс.

Колчак принял крест с благоговением. Он-то знал, что непенинский крест - особенный, из Порт-Артура за оборону броненосца «».

Н.Г. Фомин:»Вечером флот оставался на якоре, когда оставался на якоре, когда из Ставки Верховного Главнокомандования была принята мною телефонограмма приблизительно такого содержания:

«Передается по повелению Государя Императора: капитану 1 ранга Колчаку. МНЕ ПРИЯТНО БЫЛО УЗНАТЬ ИЗ ДОНЕСЕНИЙ КОМАНДАРМА XII О БЛЕСТЯЩЕЙ ПОДДЕРЖКЕ, ОКАЗАННОЙ АРМИИ КОРАБЛЯМИ ПОД ВАШИМ КОМАНДОВАНИЕМ, ПРИВЕДШИХ К ПОБЕДЕ НАШИХ ВОЙСК И ЗАХВАТУ ВАЖНЫХ ПОЗИЦИЙ НЕПРИЯТЕЛЯ. Я ДАВНО ОСВЕДОМЛЕН О ДОБЛЕСТНОЙ ВАШЕЙ СЛУЖБЕ И МНОГИХ ПОДВИГАХ... НАГРАЖДАЮ ВАС СВ. ГЕОРГИЕМ 4-ОЙ СТЕПЕНИ. ПРЕДСТАВЬТЕ ДОСТОЙНЫХ К НАГРАДЕ. НИКОЛАЙ.

Редкий случай - Колчак был награжден Георгиевским крестом помимо думы георгиевских кавалеров - прямым Высочайшим повелением.

Несмотря на то, что подвиги Колчака было трудно подвести под какие-либо конкретные статуты ордена и он был награжден по сути дела по совокупности отличий, «трудно было найти офицера, более достойного этой награды» - отмечал в конце жизни человек, для которого Колчак стал роковой фигурой - контр-адмирал Сергей Тимирев, первый муж Анны...

Впрочем, в глазах своих сослуживцев начальник Минной дивизии, как и любой, впрочем, начальник, выглядел по-разному. Командиру эсминца «Страшный» капитан 2 ранга Георгий Старк пришлось узнать не самые приятные черты его характера.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «В середине марта начальник дивизии Колчак приехал к нам смотреть работы. Пестрота работ его удивила, а так как он и раньше, вероятно, был в плохом настроении, то он начал на всех орать. Ко мне он пришел к одному из последних. В радиотелеграфной рубке он увидел телеграфиста с обвязанной щекой, он закричал, что это не военный человек, а баба, и узнав, что он старший телеграфист, приказал разжаловать его в рядовые. Тут я вмешался и все еще спокойным голосом сказал, что у этого человека болят зубы, а что лишить звания мы не имеем права, так как он имеет Георгиевскую медаль и потому, согласно статусу, он может быть лишен своего звания только по приговору суда. Ни с кем не простившись, Колчак уехал. Не скажу, что после его ухода у нас было бы бодрое настроение, я был зол как черт.

После завтрака я пошел к начальнику дивизиона и просил разрешения поговорить с начальником дивизии по служебному делу. Увидев мой взволнованный вид, он мне посоветовал отложить мой разговор до завтра, но я настоял на своем и он мне дал разрешение. На своем флагманском пароходе "Либава" (тут помещался штаб, а на миноносце на походах бывало минимальное количество штаба) он [Колчак] меня принял около половины шестого, до этого он был в отсутствии. Я, прежде всего, сказал ему, что пришел с разрешения начальника дивизиона поговорить насчет сегодняшнего смотра.

Наш разговор продолжался больше часа, я выложил ему все, что у меня было на душе. Сказал, что нельзя ошибки одних взваливать на всех, что боевой дух у людей в теперешнее трудное время надо поднимать не криками, а постоянным ровным отношением, и что сегодняшней смотр в этом отношении дал отрицательные результаты. Дальше я перешел вообще к нашему дивизиону. В начале войны говорили, что наш дивизион, как совершенно исправный, всюду пройдет в первую голову, и действительно, первые два года во всех операциях мы принимали участие, идя впереди; на наше счастье или несчастье мы не встретили неприятеля; после операций все получали награды, а мы ничего, поднятию настроения у людей это не способствовало.

Александр Васильевич разволновался, и я тоже, в конце разговора мы почти кричали друг на друга. Многие подробности мне рассказывал в Маниле мой начальник штаба Николай Юрьевич Фомин, который в это время был старшим флаг-офицером у Колчака. В конце Александр Васильевич сказал: "Знаете, Юрий Карлович, этот разговор лучше прекратить".

На другой день он по делам уехал в Гельсингфорс. Через два дня, вернувшись, он сделал смотр дивизиону, благодарил всех за трудную боевую работу. Перед уходом со «Страшного» он отозвал меня в сторону и сказал: «Знаете, Юрий Карлович, после нашего разговора я много думал и по дороге в Гельсингфорс и там тоже. Вы были правы».

Я искренне поблагодарил его. После этого признания я бы пошел за ним куда угодно. Трудно бывает понять свою ошибку, но еще труднее признаться в ней».

И Георгий Старк жизнью подтвердил искренность своих слов: он и в самом деле пошел за Колчаком безоглядно - в преотчаянный сибирский поход. Да о Колчак дорожил дружбой с этим честным и преданным офицером, сожалел лишь об одном - как мало у него было там подобных помощников.

Георгий Карлович Старк прошел Цусиму на «Авроре», был ранен.

В 1917 году Старк командовал Минной дивизией Балтийского флота. Большевикам служить не стал. 2 марта 1918 года подал рапорт об отставке и был уволен в апреле. В августе 18-го прибыл в Казань, где уже формировались офицерские отряды. В декабре начал формирование отдельной бригады Морских стрелков. Прошел во главе ее через всю Сибирь. Отходил вместе с войсками генерала Каппеля. Заболел тифом. По льду через Байкал его несли на руках - в беспмятстве. Выздоровливал в Харбине.

Весной 1921 года по просьбе правительства Приморской области прибыл во Владивосток, где возглавил Сибирскую флотилию. 4 июня 1922 года был назначен командующим всем Вооруженными силами Приморской области. В октябре 22-го увел из Владивостока в Корею (порт Гензан) часть флотилии с беженцами, затем на Филиппины (остров Тюбаобао). Представил полный финансовый отчет и военно-политический доклад Великому Князю Николаю Николаевичу во Франции. Работал в Париже водителем такси. В 1946-49 годах был председателем Всезарубежного объединения русских моряков.

Скончался 2 марта 1950 года. Погребен на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

...

К весне 1916 года он был произведен в контр-адмиралы. Черные орлы, прежде чем слететь к нему на плечи, на адмиральские погоны, оставили за своими крыльями и вмерзшую в полярные льды «Зарю», и горящий Порт-Артур, и острый шпиг Генмора, и, наконец, дымные воды воюющей Балтики.

Свой новенький адмиральский флаг Колчак держал на эсминце «Сибирский стрелок». Будто судьбу себе накликал - водить ему через три года сибирских стрелков на фронтах гражданской...

В новом чине контр-адмирал Колчак проходил всего несколько месяцев. Двадцать восьмого июня 1916 года был разгромлен крупный караван германских рудовозов, шедших под сильной защитой боевых кораблей из Стокгольма. Начальник минной дивизии становится вице-адмиралом и, не успев отпраздновать свое сорокадвулетие, назначается командующим Черноморским флотом.

Если сравнивать деятельность Балтийского флота в первые два года мировой войны с эффективностью его Краснознаменного воспреемника за тот же срок в Великую Отечественную, то пальма первенства останется за адмиралами Эсеном, Каниным, Колчаком: за два года они не потеряли ни Ревеля, ни Риги, ни Гельсингфорса, ни Аландских островов, тогда как сталинские адмиралы, погубив добрую часть флота в кровавом таллинском переходе, этой «советской Цусиме», лишились всех своих военно-морских баз, кроме Кронштадта. Однако законопослушные историки всегда избегали подобных сопоставлений.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

«И было это... в год 1202 от Рождества Христова.

...И был назначен день, когда

они соберутся на суда и корабли и будут биться

не на жизнь, а на смерть,

дабы овладеть той землей, и знайте,

что предстояло им одно из опаснейших дел,

когда либо свершенных».

«Взятие Константинополя» Жоффруа де Виллардуэн

Колчаку дважды выпадал жребий спасти Россию.

Первый раз - в 1916-ом, второй раз - три года спустя...

История, разумеется, не терпит сослагательного наклонения, но варианты ее несостоявшихся исходов разбирать поучительно.

Итак, логика первой возможности спасения России состоит из трех звеньев: во-первых, Россия захватывает в 1916 году Босфорский пролив и осаждают Стамбул, во-вторых, Турция, столице которой объявили шах с угрозой мата в один ход, немедленно выходит из войны, меняя в корне всю ситуацию в Европе, в-третьих, никакой революционный февраль, а уж тем более переворотный октябрь, в стране-победительнице невозможен. И если два

последних утверждения бесспорны, то первое, то есть возможность взятия Босфора в 1916 году, требует уточнения.

Уточняет современник Колчака, человек, который стоял на острие «босфорской проблемы» в Главной ставке - контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Бубнов родился в Варшаве в 1883 году. Родом из старинной семьи, давшей России плеяду замечательных ученых в области медицины, истории, военного дела. После Морского корпуса окончил Николаевскую морскую академию. Боевое крещение получил в Цусиме на борту броненосца «Орел». Там же был тяжело ранен. Впоследствии, благодаря аналитическому уму и глубокому стратегическому мышлению, сделал блестящую карьеру в Морском Генеральном штабе. В годы мировой войны был направлен в царскую Ставку сначала в качестве флаг-капитана, потом начальником Морского управления, то есть главным советником по войне на море.

Во время гражданской войны был на стороне белых. Колчак направил вице-адмирала Бубнова в составе русской делегации на Версальскую мирную конференцию.

После краха белого движения перебрался во Францию, где написал (вместе с генералом Головниным) монографию «Тихоокеанская проблема в XX столетии». Книга была издана на английском языке в Лондоне и вызвала к себе такое внимание, что Бубнов получил приглашение из США занять место профессора в Военно-морской академии в Аннаполисе. Это приглашение наилучшим образом решало все житейские проблемы отца двух дочерей, но Александр Дмитриевич, верный чувству славянской солидарности, выбрал приглашение югославского короля Александра, который просил бывшего русского адмирала помочь организовать военно-морское училище в Дубровнике. Бубнов взял на себя преподавание всех важнейших дисциплин - стратегии и тактики, истории военно-морского искусства, фортификации и международного морского права. Можно только позавидовать югославским морякам, которым посчастливилось перенимать знания и опыт у теоретика отнюдь не кабинетного, видевшего войну и через смотровые щели орудийных башен и с высоты Ставки Верховного Главнокомандующего.

В 1930 году Бубнов по образцу некогда родной ему Николаевской военно-морской академии создает Высшую военно-морскую школу, через которую прошел весь руководящий состав югославского флота. Изданная им новая монография «Стратегия. Ведение войны на море» стала настольной книгой для многих высших чинов британского Адмиралтейства.

Бубнов дожил до глубоких седи и до великих исторических событий, был свидетелем прорыва России в космос. Адмирал русского и югославского флотов упокоился 2 февраля 1963 года в приморском поселке Кранье.

В мировую войну, или как поначалу ее называли - Европейскую, Россия вступила без четко определенной цели. Никаких территориальных претензий к супротивным державам - к Германии и Австро-Венгрии - она не имела. О черноморских проливах речь поначалу тоже не шла. Народу да и всему миру

объявлялось, что Россия вступает за братский сербский народ, над которым нависла австрийская угроза. Еще говорили о водружении святого креста над бывшим главным византийским храмом Святой Софии, ставшим за последние четыреста лет главной мечетью магометанской Турции. Но только говорили, не более того, видя подобное водружение в каких-то весьма туманных политических грезах. Ибо если бы российский самодержец со своей придворной партией (сегодня бы сказали «командой») всерьез возжелал бы «прибить свой щит на воротах Царь-града», то моряки и армейцы стали бы всерьез готовиться к тому, а не ограничились бы маниловскими благопожеланиями. И Черноморский флот готовился бы к такой операции загодя, высаживая учебные десанты еще в мирное время на гористых берегах Крыма. Однако флоту на случай войны были поставлены две весьма скромные боевые задачи: охранять свое побережье да обеспечивать морские перевозки России по Черному морю. Ни о каких рейдах против Босфора в секретных оперативных планах Генмора не было и речи.

Правда, в ходе войны и даже за два месяца до нападения германо-турецкого флота на Севастополь, то есть до официального вступления Турции в войну против России, у адмирала Эбергарда, за которым историки закрепили славу, как флотоводца сверхосторожного и нерешительного, полагал (и предлагал Главной ставке это сделать!) - внезапным ударом основных сил Черноморского флота прорваться через Босфор к Константинополю. Еще с довоенных времен разведка флота держала в своих сейфах документы с совершенно точными данными о весьма плачевном состоянии устаревшей обороны Босфора.

«Это надо делать немедленно, - убеждал Эбергард с несвойственной ему горячностью оппонентов, - пока немцы не наладили оборону пролива!».

И даже когда немцы резко усилили турецкий флот двумя своими новейшими и быстроходнейшими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», «робкий» Эбергард рвался в бой:

- Пока они приводят себя в порядок после долгого перехода, дайте мне «добро» прорваться в Босфор! Еще не поздно!

Русская агентурная разведка доносила через Бухарест, что оба крейсера срочно перебирают механизмы и щелочат котлы, что в море они выходить не способны по крайней мере еще две недели.

- Разрешите мне ввести в Босфор подводные лодки и они уничтожат крейсера на их якорных стоянках! - бомбардировал Эбергард Ставку секретными юзограммами. - Мы повторим то, что сделала U-9!

Весь военный мир был еще под впечатлением невероятного успеха всего лишь одной немецкой подводной лодки. В первый же месяц войны U-9 под командованием лейтенанта Веддингена, потопила один за другим сразу три (!) британских броненосных крейсера, стоявших на якорях: «Абукир», «Кресси» и «Хог».

В Севастополе базировалась целая бригада подводных лодок и командир любой из них был бы счастлив получить приказ войти в Босфор. Но Ставка отвечала, что она не может отдать такой приказ, поскольку право начать боевые

действия против нейтрального пока государства принадлежит только Государю. Тогда адмирал Эбергард, рискуя вызвать Высочайшее неудовольствие, обращается напрямую к императору разрешить операцию в Босфоре, если не против турок, то хотя бы против германских кораблей, которые стоят с разобранными машинами на рейде Буюк-Дере, как раз против бывшей дачи российского посольства.

Император дал невнятный ответ. МИД и правительство еще надеялись удержать Турцию от вступления в большую европейскую войну. Для этого не жалели денег на подкупы влиятельных сановников при дворе султана. Дерзкая атака черноморцев, конечно же, спровоцировала бы Великую Порту на войну против России. Но война эта была предрешена и турки, водили за нос наших дипломатов, выгадывая время. Стратегический шанс был безнадежно упущен. И это в самом начале войны!

«Севастопольская побудка» - внезапный обстрел Главной базы Черноморского флота германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» - подняла на воздух желтую, как прах, крымскую землю вместе с последними иллюзиями дипломатов.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Лучшим доказательством, выполнимости операции прорыва... Босфора в начале войны, - не без горькой иронии писал позже контр-адмирал Александр Бубнов, - служит то обстоятельство, что разрешение на эту операцию испрашивал командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард, который в оперативном руководстве Черноморским флотом проявил в дальнейшем ходе войны такую осторожность и осмотрительность, которая привела к необходимости его замены в 1916 г. более решительным и энергичным адмиралом А.В. Колчаком».

Летом 14-го года многим в России казалось, что назревавшая европейская война будет скоротечной, как морской бой. Что основные боевые действия развернутся во Франции (как и сорок четыре года назад), что Россия окажет лишь военную помощь союзникам, но никак не будет втянута в затяжную войну сама. Но первые же месяцы боевых действий, в которых после столь обнадеживающего начала генералом Самсоновым, погибли потом десятки тысяч солдат, в которых цвет русской гвардии был втоптан в топь мазурских болот, заставили правительство искать оправдание этим потерям более весомое, нежели союзнические обязательства перед Францией.

Только взятие черноморских проливов придавало стратегический смысл этой войне, навязанную России западными союзниками, только решение этой национально-государственной задачи оправдывало те ужасные потери, которые уже понесла русская армия в Восточной Пруссии, спасая Францию от неминуемого поражения на Марне. (Маршал Фош честно потом признавался: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то раньше всего мы обязаны этим России»).

И союзники поначалу благосклонно отнеслись к выходу России в черноморские проливы. В Петрограде как-то сразу уверовали в то, что после войны, после поражения Турции Босфор и Дарданеллы сами собой достанутся России в качестве ее главного военного приза. Но...

Заговорить всерьез о Босфоре вынудили Главную ставку англичане. Когда представитель Великобритании при Главнокомандующим русской армией генерал сэр Вильямс, сообщил Великому князю Николаю Николаевичу - за сутки! - о начале штурма Дарданелл, этого западного входа в черноморские проливы, тот, сохраняя хорошую мину, при столь разительном сообщении (они штурмуют *наши* Дарданеллы!), едва не обронил едкую фразу об извечном коварстве вечно туманного Альбиона. Однако удержался.

Англичанин, дабы соблюсти союзнические приличия, выразил надежду, что Черноморский флот и эскадра вице-адмирала Кардена ОДНОВРЕМЕННО появятся у Константинополя.

Однако, для того чтобы добиться такой синхронности, чтобы подоспеть к назначенному англичанами сроку, русский флот, никак не готовый к немедленному, почти завтрашнему штурму босфорских твердынь, должен был без десантного прикрытия, без предварительного траления подходов к турецкому берегу, без должной разведки и подготовки идти на расстрел из крупновесных орудий германских крейсеров, которые уже успели привести себя в полную боевую готовность после перехода, которому так странно попустительствовал британский флот в Средиземном море.

Союзнические приличия британскому представителю соблюсти, однако, не удалось, так как Великий Князь знал (через российского посла в Париже Извольского, у которого были свои друзья во французском МИДе), что англичане еще месяц назад, то есть 18 января 1915 года, известили французских коллег о своих намерениях захватить черноморские проливы, или по меньшей мере Дарданеллы, до появления там русских кораблей.

И если бы русский Главковерх вдруг высказал свое недоумение по поводу *непрошеного* участия англичан в решении вековой национально-государственной проблемы России, сэр Вильямс знал что ответить.

«Помилуй Бог! - Воскликнул бы он. - Вы же сами, Ваше высочество, просили нас отвлечь на себя турок, которые те прорвали ваш Кавказский фронт!»

И это было правдой. В декабре 1914 года у Великого Князя не было никаких резервов, чтобы бросить их на помощь Кавказской армии: в Галиции и Польше шли кровопролитнейшие бои. Поэтому 2 января нового 1915 года Николай Николаевич после завтрака в вагоне-салоне отозвал сэра Вильямса в сторону и попросил передать британскому главнокомандованию его просьбу усилить давление на Турцию со стороны Средиземного моря, оттянуть ее войска на себя, точно так же, как русская армия только что оттянула на себя два германских корпуса с французского фронта. Связной генерал пообещал незамедлительно уведомить об этой просьбе Лондон. И уведомил...

Всего через два дня Великий Князь, возможно, пожалел бы о своей просьбе, так как 4 января Кавказская армия, искусным стратегическим маневром разбила на голову турецкую армию и принудила ее не просто к отступлению - к бегству. Так что повод для просьбы Великого Князя отпал сам собой. Но в Лондоне быстро смекнули, какой замечательный повод дает им русский главковерх для того, чтобы решить проблему черноморских проливов

в пользу британской короны.

Великий Князь в круговерти дальнейших событий не дезавуировал свою просьбу. Возможно, забыл о ней. Но...

Англия без малейшего промедления уже стягивала свои корабли к Дарданеллам из всех гаваней мира, где они базировались: из Китая и Гибралтара, Южной Америки и с островов Зеленого Мыса...

Английские адмиралы прекрасно сознавали, что у русских есть реальная возможность прорваться к Стамбулу через Босфор, охранявшемуся всего лишь одной турецкой дивизией и старыми береговыми батареями. Именно поэтому они поспешили начать штурм Дарданелл, дабы поставить Россию перед свершившимся фактом - над главным выходом в Средиземное море, как и над Суэцем, как и над Гибралтаром уже развевается британский флаг, на всех трех вратах от самого главного в человеческой цивилизации *Средимирного* моря висят британские замки. А там, где британский флаг был однажды поднят, его уже никогда не спускают.

Вот тут-то из Ставки на флот, из Баранович в Севастополь полетели срочные шифровки: немедленно готовить операцию по высадке на Босфоре! В подкрепление своих директив Великий Князь сообщил адмиралу Эбергарду, что отдал приказание перебросить с Кавказского фронта три отборных дивизии для подготовки в Одессе (пять часов ходу до Босфора) десантного отряда.

Тем временем на английскую эскадру, осадившую Дарданеллы, был направлен для связи и наблюдения капитан 1 ранга Михаил Смирнов. Он изо всех сил пытался установить связь через английские корабельные станции со штабом Черноморского флота. Но несмотря на идеальные эфирные условия и близость Севастополя, связь эта никак не устанавливалась. Поскольку в Ставке никто не сомневался в качестве британских радиопередатчиков и в профессионализме английских радиотелеграфистов, то винить оставалось своих российских, несомненно обученных хуже, чем их английские коллеги. Не могут, понимаешь, принять обычную морзянку.

Никто - ни в Севастополе, ни в Барановичах - так и не знал, что творится у Дарданелл, как далеко уже продвинулась англо-французская эскадра, и как скоро она возьмет на прицел султанский дворец, выходящий окнами в Мраморное море.

Высокая сухопарая фигура Великого Князя мрачно маячила в те дни у вагонов спецпоезда. По вечерам в полном одиночестве вышагивал он по насыпи от паровоза к хвостовому вагону и обратно. Даже разгром обеих армий в Восточной Пруссии не поверг Николая Николаевича в такое уныние, как сообщение о штурме Дарданелл союзниками. Он прекрасно понимал, что отныне эта война теряет для России всяческий смысл, потому что, если даже адмирал Эбергард и совершит некое стратегическое чудо - пойдет и немедленно, не дожидаясь снятых с фронта дивизий для десанта, возьмет Босфор одними кораблями, как удавалось брать вражеские бастионы с моря лишь приснопамятному флотовождю Ушакову, то и тогда эта немыслимая победа теряла свой смысл, ибо выход из Черного моря в Средиземное, последние врата этого выхода - Дарданеллы, навсегда оставались бы в руках

англичан. Уж они-то никогда оттуда не уйдут, как не ушли из Гибралтара. И что толку говорить потом о союзнических обещаниях, когда выход из проливов уже будет принадлежать британцам по праву «*beati possidentes*» - «блаженны имущие».

Выходило, что великая всеевропейская война уже на седьмой месяц теряла для России всякий военно-стратегический смысл даже в случае капитуляции стран Тройственного Союза.

Но тут, наконец, стали поступать сообщения от капитана 1 ранга Смирнова. Как только в состав эскадры адмирала Кардена вошел русский крейсер «Аскольд» (он прибыл в Средиземное море с Тихого океана[6]), радиосвязь с его борта сразу же наладилась и Севастополь стал, наконец, принимать первые донесения наблюдателя Ставки. Судя по ним, англичане ни на фут не продвинулись вглубь Дарданелл, что было весьма странно, учитывая огневую мощь 16-тидюймовых орудий, обрушенную на турецкие форты. Так или иначе пока британцы и французы топтались перед дарданельскими фортами, (как полвека назад уперлись они в бастионы Севастополя), Ставка развернула бешеную деятельность по подготовке штурма Босфора.

Вдруг выяснилось, что Черноморский флот не в состоянии перебросить к Босфору сразу три дивизии. Для этого нет ни потребного количества пароходов, ни даже барж, которые можно было бы тащить к месту высадки на буксирах эсминцев. В мирное время никто не готовился к такой массовой переброске войск морем, поскольку задача штурма Босфора, Черноморскому флоту никак и никем не ставилась!

В этом есть некая мистика - не протянуть руку к вожделенному и доступному плоду. Даже не попытаться. Будто Царь-град обведен был незримой запретной чертой - нельзя!

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «На скорую руку можно было бы в течение одного или полутора месяцев подготовить транспортные и десантные средства для одной бригады с небольшой артиллерией, но генерал-квартирмейстер Ставки считал десантную операцию с такими средствами слишком рискованной и даже авантюристической, - горько сетовал контр-адмирал А. Бубнов, - и она не была предпринята».

Десантный отряд был расформирован и отправлен на Юго-Западный фронт ввиду нового наступления немцев, перебросивших значительные силы из Франции, чтобы помочь своим австрийским союзникам. Идея захвата проливов флотом была едва ли не навсегда похоронена в умах армейских генералов, заправлявших делами Ставки. «Что ж вы, братцы-моряки, взялись за гуж, а потом и «карачун» закричали, пароходов не хватает? Чи флот у нас, чи не флот?» - подтрунивали они.

И это было самое обидное, ибо армейские чины недвусмысленно давали понять своим флотским собратьям, что после Цусимы и Порт-Артура не верят в их способность проводить самостоятельные операции. Снова стали повторять «магическую» формулу - «Ключи от Босфора лежат в Берлине». А путь в Берлин лежал по их разумению через Карпаты.

Однако морской мозговой центр Ставки, подпитанный неизбывной

энергией «направленца» по Черноморскому флоту тогда еще капитана 1 ранга Бубнова, продолжал вопреки всем скептикам деятельно готовиться к штурму проливов. И прежде, чем просить новых войск для десантного отряда, стали формировать в Одессе Транспортную флотилию, призвав на это весьма хлопотное дело порт-артурского героя - контр-адмирала Хоменко, (того самого под началом которого командовал батареей в Скалистых горах лейтенант Колчак).

Хоменко творил чудеса. Первым делом он переподчинил себе все ремонтные средства одесского порта, поставил к его причалам все, что хоть как-то могло держаться на воде и самостоятельно передвигаться. Так он насчитал около 100 судов, но и этого было явно недостаточно. Тогда адмирал заказал на Николаевском заводе 30 мелкосидящих (чтобы могли подойти поближе к берегу) судов и превеликое множество десантных ботов. Здесь же, в Одессе, сосредотачивались и все необходимые запасы Транспортной флотилии, и штаб ее, и экипажи будущих десантных судов. В Севастополе под эгидой морского штаба Ставки разрабатывался детальный план будущего штурма. Лишь к весне 1916 года Транспортная флотилия была готова принять три полнокровные дивизии, усиленные артиллерией. Дело оставалось за малым - найти адмирала, который поведет эту армаду к утесам Босфора. Эбергард для этой цели никак не годился.

САМЫЙ МОЛОДОЙ АДМИРАЛ РУССКОГО ФЛОТА

Высадка октябрьского десанта в Рижском заливе принесла Колчаку не только долгожданный «белый крестик», но и предрешила в его судьбе крутой поворот с не менее крутым взлетом. «Босфорцы» в царской Ставке - да простится невольная игра слов - сделали ставку на энергичного дерзкого и удачливого офицера, только что принявшего Минную дивизию (предел мечтаний Колчака) и надевшего контр-адмиральские погоны.

Бубнов - «серый кардинал» русского флота, (серый, по счастью, не в смысле интеллекта, а по той тени, в которой предпочитал держаться) - и его соратники видели в Колчаке «вождя, коему в древности было бы, несомненно, отведено место среди героев Плутарха». Судьба Колчака была предрешена, о чем он сам не ведал ни сном, ни духом.

Однако осуществить столь сложную кадровую рокировку было весьма непросто, поскольку позиции адмирала Эбергарда и в Севастополе, и при императорском дворе были столь же прочны, как и незыблемость Босфора. Тем не менее и его судьба была предрешена в вагонах полевой Ставки...

Морской министр адмирал Григорович представил Государю обстоятельный доклад с предложениями по перемещению важнейших на флоте фигур.

По этому докладу, получившему положительный рескрипт, адмирал Эбергард был назначен членом Государственного Совета, а на его место был ставился «самый молодой адмирал русского флота А.В. Колчак, показавший

своей блестящей деятельностью в Балтийском море выдающиеся способности командования».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «Я почти уверен, - вспоминал много лет спустя контр-адмирал Сергей Тимирев, - что Колчак до своего назначения ничего о нем не знал, а также не предполагал, какие хитросплетенные интриги ведутся в Ставке. Прошло всего несколько месяцев, как он получил назначение, о котором давно мечтал, и было вполне естественно ожидать, что его оставят в покое хотя бы до закрытия навигации. Если ему и приходила в голову мысль о каком-либо будущем повышении по службе, то, наверно, это касалось лишь Балтийского флота: слишком уж было несообразно ожидать, чтобы адмирала, хотя бы и сверхвыдающегося, во время самого разгара войны вырвали из знакомой обстановки и назначили в совершенно чуждую, да еще на высший командный пост.

В начале июня в Ревельском Морском собрании, расположенном в чудесном историческом парке, что-то праздновалось - была музыка и танцы. Наш небольшой кружок (Непенин, Подгурский и я) воспользовались случаем и объединились в Собрании, уговорив пойти туда же и А.В. Колчака, только что прибывшего из Рижского залива для каких-то срочных дел в Штабе, т. к. на Рижском фронте наступило временное затишье. Мы сидели за столиком и мирно беседовали, когда вдруг появился флаг-офицер Колчака и передал ему записку. Колчак прочел и извинился, что его экстренно вызывает командующий Флотом. Он еще добавил: "Странно, кажется мы с ним обо всем договорились". Он уехал на "Кречет", заявив, что вернется, если не будет очень поздно (он должен был на рассвете уходить на миноносце в Моонзунд). После его ухода вскоре пришел Непенин, который ненадолго куда-то отлучался. Он сообщил, что только что получена телеграмма прямым проводом из Ставки о назначении Колчака командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы; начальником же Минной дивизии назначался Кедров (командир "Гангута") с производством в контр-адмиралы. Мы все были как громом поражены - так неожиданно для всех нас было подобное назначение. Через некоторое время появился Колчак и без особой радости в голосе, наоборот, скорее мрачно, подтвердил справедливость сообщенного Непениным. Наши поздравления Колчака, естественно, более походили на соболезнования. В последующем разговоре Колчак высказал, что ему особенно тяжело и больно покидать Балтику в такое серьезное и ответственное время, когда на Северном фронте идет наступление, тем более, что новая его служба представляется ему совершенно чуждой и слишком трудной, вследствие полного его незнакомства с боевой обстановкой на Черном море.

Неожиданностью назначения в Ставке били навряд ли: там знали, что Колчак не такой человек, чтобы во время войны отказаться от боевого назначения, хотя бы и нежелательного для него самого. Назначение Кедрова также не вызвало особой радости: он совсем не был популярен на Минной дивизии. Очень способный офицер и прекрасный работник, он всегда с редкой настойчивостью стремился к одной цели: сделать блестящую карьеру. Как все убежденные карьеристы, он был сух и скорее недоброжелателен по отношению

к своим сослуживцам и подчиненным. Он обладал сильной волей и настойчивостью, но не был талантлив: его деятельность лишена была творчества и вдохновения...

На другой день Колчак и Кедров ушли в Моонзунд для передачи Дивизии и ознакомления с боевым положением на месте, а через несколько дней мы чествовали Колчака обедом в Штабе и затем провожали его на вокзале: он уезжал в Петроград, откуда должен был через Ставку отправиться к новому месту службы.

Не только Минная дивизия, но и весь флот отнесся к отъезду Колчака с нескрываемым унынием: он пользовался большой и заслуженной популярностью, и все понимали, что заменить его слишком трудно».

Знал ли человек, писавший эти строки, что в те самые безмятежно солнечные июньские дни, Колчак сказал его жене роковые слова: «Я вас люблю. Я вас больше, чем люблю!», и слова эти были приняты? Разумеется, не знал. И никогда не узнал, поскольку умер задолго до того, как был обнародованы записки его бывшей жены.

И будет грезиться мне Ревель

И старый парк Катриненталь...

Парк этот и сейчас распускает свои сирени по майским веснам. В парке этом и сейчас еще стоит павильончик летнего Морского собрания, в котором ныне подают кофе всем забредшим под сень старых лип и дубов.

В этом парке Колчак получил быть может два самых главных в своей жизни известия - о назначении на Черное море и о принятии его любви.

...

В Ревеле Анна Тимирева остановилась у жены их общего приятеля капитана 1 ранга Подгурского. Колчак, уже целых двадцать четыре часа, как вице-адмирал, приехал в дом Подгурских с двумя большими букетами: один - хозяйке дома, другой - Анне.

РУКОЮ АННЫ. «Я решила съездить на день своего рождения к мужу в Ревель - 18 июля. На пароходе я узнала, что Колчак назначен командующим Черноморским флотом и вот-вот должен уехать.

В тот же день мы были приглашены на обед к Подгурскому и его молодой жене...»

Визитная карточка. Николай Люцианович ПОДГУРСКИЙ.

В Порт-Артуре будучи лейтенантом отличился на крейсере «Баян» при спасении команды миноносца «Страшный» 31 марта 1904 года. В середине августа по его инициативе были использованы катерные минные аппараты для стрельбы по японским окопам. Официальная история русско-японской войны утверждает, что «день 9 сентября - последний день штурма на Высокую гору - был ознаменован выдающимся подвигом... лейтенанта Подгурского, решившим участь Высокой Горы в нашу пользу тот момент, когда мы уже находились в агонии после трехдневной убийственной бомбардировки при непрерывных почти штурмах... Подвиг Подгурского отложил падение Высокой Горы более, чем на два месяца: серьезное стратегическое значение Высокой Горы дает полное основание думать, что этим самым на два месяца

было отсрочено падение крепости». Орден Георгиевского Креста 4 степени. Позже - золотое оружие «За храбрость».

1906 год - офицер стратегической части Военно-морского учебного отдела МГШ.

Командовал подводной лодкой «Дракон» в 1908-1909 годах, эсминцами «Ретивый» и «Генерал Кондратенко», крейсером «Россия» в 1914-15 годах, Бригадой, а затем Дивизией подводных лодок Балтийского моря - 1915. Отрядом судов Ботнического залива - 1916. В том же году произведен в контр-адмиралы.

Поле революций остался за рубежом. Намеревался заняться коммерческим мореплаванием. Приехал в 1918 году в Ревель для покупки парохода, но заболел «испанкой» и умер. Похоронен на кладбище Александра Невского.

Капитан 1 ранга А.П. Белобров: «Он был лихой офицер, любил выпить и команда его любила».

Капитан 1 ранга Д.И. Дараган: «Подгурский был исключительно инициативным, находчивым и храбрым человеком, отличавшимся склонностью вдаваться в самые необычные и сложные ситуации; отнюдь не человеком, согласным тянуть монотонную лямку выслуживания».

Воистину, скажи мне кто твой друг...

РУКОЮ АННЫ. «...Подгурский сказал, что Александр Васильевич тоже приглашен, но очень занят, так как сдает дела Минной дивизии, и вряд ли сможет быть. Но он приехал. Приехал с цветами хозяйке дома и мне, и весь вечер мы провели вдвоем. Он просил разрешения писать мне, я разрешила.

И целую неделю мы встречались - с вечера до утра. Все собрались на проводы: его любили.

Морское собрание - летнее - в Ревеле расположено в Катринентале. Это прекрасный парк, посаженный еще Петром Великим в честь его жены Екатерины. Мы то сидели за столом, то бродили по аллеям парка и никак не могли расстаться...».

Однако расставаться приходилось не только с милой Анной, но и с родным Балтийским флотом, с десятками верных старых друзей.

Невозможно было побывать на каждом корабле Минной дивизии, разбросанной по всей Балтике, попрощаться с каждой командой, с каждым командиром. Поэтому Колчак оставил в штабе письмо, обращенное сразу ко всем боевым сослуживцам:

«Великую милость и доверие, оказанные мне Государем Императором, я прежде всего отношу к Минной дивизии и тем судам, входящим в состав сил Рижского залива, которыми я имел честь и счастье командовать... Лично я никогда не желал бы командовать лучшей боевой частью, чем Минная дивизия с ее блестящим офицерским составом, с отличными командами, с ее постоянным военным направлением духа, носящим традиции основателя своего покойного ныне адмирал Николая Оттовича. И теперь, прощаясь с Минной дивизией, я испытываю те же чувства, как при разлуке с самым близким, дорогим и любимым в жизни».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В Ревеле, - вспоминал Бубнов, - Колчак в один

день сдал командование Минной дивизией и, взяв с собой капитана 1-го ранга М.И. Смирнова - того самого, который был при Дарданелльской операции - для назначения его вместо Кетлинского начальником оперативного отделения штаба Черноморского флота, выехал в тот же день со мной в Ставку».

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Контр-адмирал Смирнов Михаил Иванович. Родился в 1880 году. Вышел из Морского корпуса мичманом в 1899 году в Сибирскую флотилию. Начал службу младшим флаг-офицером Штаба начальника эскадры Тихоокеанского флота. Участвовал в заграничных плаваниях на крейсере «Россия». На нем же встретил японскую войну уже флаг-офицером при командующем флотилией в Тихом океане.

С 1906 году - обер-офицер Морского Генерального штаба. В первую мировую войну - в Минной дивизии. Командовал эскадренным миноносцем «Казанец». Был офицером связи в англо-французской эскадре во время Дарданелльской операции.

20 ноября 1918 года произведен в контр-адмиралы. Морской министр в Сибирском правительстве.

После гражданской войны эмигрировал во Францию. В 1930 году опубликовал написанную им биографическую книгу «Адмирал Колчак», автор других печатных работ, в частности «Действия боевой речной флотилии на Каме в 1919 г.»

Скончался в Лондоне осенью 1940 года.

Именно Михаил Смирнов стал верным оруженосцем адмирала Колчака, его младшим другом и ближайшим помощником. Верность гардемаринской еще дружбе Смирнов сохранил до последних дней своей жизни.

ФЛОТУ СНЯТЬСЯ С ЯКОРЯ!

Путь из Ревеля в Могилев лежал через Псков. Колеса выстукивали четко: «В Став-ку! В Став-ку! В Став-ку!»

Клубы паровозного дыма проносились за вагонными окнами и вязли в придорожных осинах.

В купе курьерского поезда их было трое: капитан 2 ранга Бубнов, вице-адмирал Колчак и капитан 1 ранга Смирнов - все в приподнятом радужном настроении. Колчак достал из походного чемоданчика, кочевавшего с ним по кораблям и вагонам, бутылку старки. Этот жест как бы сгладил разницу в чинах и вызвал веселое оживление. Колчак первым снял свой белоснежный китель с адмиральскими орлами на широком золоте погон, повесил на плечики, остальные немедленно последовали его примеру. Все остались в одинаково белых шелковых рубашках, отчего в купе стало и вовсе по домашнему просто и весело.

- Ого - довоенная еще! - Изучил наклейку Бубнов. Смирнов нарезал лимон и разложил на тарелочке, принесенной проводником, шпроты и маслины. Старку разлили по чайным стаканам - «до места», то бишь на три четверти ниже ватерлинии.

- Ну, Александр Васильевич, - радостно поднял импровизированную «рюмку» Бубнов, - с назначением! Дай тебе Бог оправдать все надежды на тебя возложенные. Не мы - Россия их возложила. Дай Бог!

Огненный напиток разошелся по жилам горячими струями...

- Теперь отвечу на главный вопрос, Александр Васильевич: почему Севастополь, а не Балтика.

Глаза Бубнова враз сделались строгими и озабоченными. Пряный хмель ничуть не туманил его мысли, только придал жару его суждениям:

- С Балтики Берлин не возьмешь. Но ключи от Берлина - в Константинополе. Если мы встанем на Босфоре, значит младотуркам - конец, значит Турция немедленно выходит из войны. И вся наша Кавказская армия - а это четверть миллиона штыков - перебрасывается на главные театры - в Галицию и Польшу. Да англичане бы смогли вывести из Египта полста тысяч бойцов и бросить их против немцев во Франции.

Вот и получается, что военная сила противника уменьшается на 700 000 солдат (500 000 турок и 200 000 болгар), а военная сила Антанты возрастает на 300 000 бойцов (250 000 Кавказская армия плюс 50 000 англичан). Конечно, это голые цифры. Но! Разве дисбаланс в миллион человек не сместит центр тяжести войны в нашу пользу?

Далее. Россия немедленно налаживает кратчайшую связь с союзниками через черноморские проливы. К ним идет наше зерно и продовольствие, к нам - их снаряды и прочие военные припасы. Это же не через Архангельск возить...

Если Константинополь падет, за ним посыплется весь Тройственный союз: и София, и Вена...

Босфор надо взять не позднее нынешней осени! Транспортная флотилия готова. Дредноуты готовы. Нужны десантные дивизии. Их еще не выделили. И нужен флотовождь. Босфор должен быть взят так же верно, как Карфаген должен быть разрушен.

Давайте еще раз, други, - за то, чтобы Колчак-Полярный стал Колчаком-Босфорским!

Выпили быстро - залпом - как пили только в Минной дивизии, запрокидывая голову и выдыхая коротко - «Г-ха», морщась и прибавляя при этом, обращаясь к соседу «Никогда не пей - гадость!», (На линкорах - споловинивали - пили в два приема). Закусывали тоже по-разному: на крейсерах - мгновенно, на линкорах - неторопливо, а на миноносцах пили п о д з а п а х, нюхая корочку хлеба.

- Простите за длинный спич, - снова начал Бубнов, - но, кажется, англичане готовы уступить нам честь взятия Босфора, а заодно и Дарданелл...

- В чем у них загвоздка вышла? - спросил Колчак, наполняя «рюмки» по третьему кругу.

- А это надо у Смирнова-Дарданелльского спросить. Он там был, он все сам видел. Ну-ка, Миша - дай ответ.

- Уж очень торопились союзнички нас обставить. Даже десантного отряда ждать не стали. Решили Дарданеллы в пыль раскатать из шестнадцатидюймовок. Два месяца молотили форты, пока не додумались - без

десанта не взять.

- Форты привели к молчанию? - Спросил Колчак.

- На время... Турки использовали их как великолепное укрытие для пехоты. Да и потом перешли на кочующие батареи.

Второй просчет: траление. В британском флоте траление всегда считалось десятым делом. За то и поплатились. Все корабельные потери - три броненосца - не от артогня, а от подрыва на минах.

- Превосходно! - Колчак азартно хлопнул себя по коленям. - Как у нас на Балтике!

- Так-то оно так, - рассудил Бубнов, - но все же десант они высадили. Заметьте - на прочно занятый и укрепленный берег.

- Но дальше-то не продвинулись. - Покачал головой Смирнов. - Воистину, кто спешит, тот опаздывает. Нет никаких сомнений, что прорваться сквозь Дарданеллы шансы у англичан были и немалые. И конечно же, Турция немедленно вышла бы из войны. В Константинополе и без того царил немалая паника. И если бы в Мраморном море появился британский флот, младотурецкое правительство не удержалось у власти и до вечернего намаза.

- Что же выходит, Аллах благоволил Осман-паше? - Усмехнулся Бубнов. Смирнов отвечал:

- Иногда успех боя решает последний выстрел. У адмирала Де-Робека[7] не хватило воли, чтобы его сделать. Он прекратил наступление, когда его корабли уже прошли главные минные заграждения! И на всех дарданелльских батареях у турок оставалось всего семь тяжелых снарядов!

- А ведь однажды им все же удалось прорваться через Дарданеллы! - Вступил в разговор доселе молчавший Колчак. - В 1807 году английская эскадра из 7 линейных кораблей под флагом сэра Джона Дакуорта прорвалась через Дарданеллы и вошла в Мраморное море. После нескольких дней бесплодного крейсерства сэр Дакуорт убедился, что турецкий султан не намерен сдавать ему ключи от Константинополя. Пришлось возвращаться обратно - под кинжальный огонь дарданельских батарей, которые турки за дни, проведенные англичанами в Мраморном море, не только привели в порядок, но и значительно усилили. Обратный прорыв обошелся Дакуорту много дороже, чем первый. Воистину, перед входом думай о выходе.

- Вот и я о том же! - Воскликнул Бубнов. - Не тогда ли Нельсон изрек: «любой моряк, который атакует форт, - просто дурак». Без пехоты, без стрелков на Босфор соваться заказано.

Поутру, когда проводник принес чай, Бубнов стал готовить Колчака к встрече с Государем, для чего посвятил его в некоторые «тайны мадридского двора», то бишь Ставки Верховного Главнокомандующего. Смирнову тоже было полезно войти в курс предстоящего дела. Босфорского, разумеется.

- Прежде всего - Государь с нами, с моряками. - Отхлебнул крепкого чая Бубнов. - То есть он за Босфорскую операцию - безоговорочно. С нами - Григорович, морской министр - это немало в нашем пасьянсе. С нами начальник Генмора - Русин.

Не с нами и даже против нас - генерал Алексеев, не говоря уже про других

армейцев рангами ниже. Но Алексеев - это фигура. Между нами - Государь в военных вопросах ему не перечит. Он в его глазах - непререкаемый авторитет.

У Алексеева же свой пункт. Он считает, что из войны нам надо выводить в первую очередь не Турцию, а Австрию, и потому главный удар надо готовить в Галиции, а не на Босфоре. Ибо, как он (да и большинство армейцев) полагает - «ключи от Босфора лежат в Берлине, а дорога на Берлин лежит через Вену».

Посему наше положение в Ставке двоемудрое: Государь с нами, но при этом как бы за спиной Алексеева.

Хотите анекдот, правда генерал-лейтенант Данилов уверяет, что знает случай из первых уст - от военного министра Сухомлинова.

Итак, 1912 год, решается судьба морской программы адмирала Григоровича. Сухомлинов пытается отговорить Государя от больших расходов на флот. На его беду Государь во время аудиенции был случайно в морском мундире. И вот на все инсинуации Сухомлинова против флота он услышал: «Предоставьте, Владимир Александрович, более авторитетно судить о военно-морских вопросах нам - морякам»... Вот так вот, господа!

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

Могилев. Июль 1916 года

Ставка Главковерха размещалась в трех каменных губернских особнячках. Колчак с сопровождавшим его кавторангом Смирновым прошел в приемную генерал-адъютанта Алексеева, но в кабинет начальника штаба вся русская армии Колчак прошел один. Однако через несколько минут пригласили и Смирнова. Генерал Алексеев предупредил их, что Государь совершает сейчас свою утреннюю прогулку на автомобиле и что он может вернуться в любую минуту. А пока он введет моряков в обстановку по всем фронтам. Главные же указания даст сам Государь.

Не заходя в особняк они прошли в яблоневый сад и двинулись по дорожкам, обсаженным смородиновыми кустами. Бабочка-капустница вспорхнула на полковничий погон императора. Но Николай II меньше всего хотел в эти минуты, чтобы новоиспеченный вице-адмирал видел в нем императора. Взяв Колчака под руку он повел его вглубь сада. Они были одного роста, шагать в ногу было удобно. У скамьи Николай остановился, но не сел - вытащил портсигар и предложил Колчаку папиросу. Адмирал хотел было отказаться, но понял, что он не нарушит этикета, если закурит сейчас в присутствии монарха. Император сам добивался предельной доверительности предстоявшей беседы, и потому начал ее с обычного человеческого вздоха:

- Завидую вам, Александр Васильевич, в Севастополь поедете... Прекрасный город!

- Да... - Запнулся Колчак на словах «Ваше Величество», но не произнес их, следуя предложенному приватному тону. - Мой покойный батюшка воевал в

Севастополе в Крымскую компанию.

- Вот как? - Поднял бровь Николай. - Так значит сам Господь позвал вас идти по стопам отца... Но Крымскую-то мы проиграли. Вот нынешний шанс упускать не имеем права! История, потомки не простят ни меня, ни вас...

На слове «вас» император взглянул в глаза моложавого адмирала.

- Союзники обещали мне Босфор и Дарданеллы, но сами-то они этого весьма не хотят. Особенно Англия. Коварный Альбион хочет держать в руках все три ключа от Средиземного моря - Гибралтар, Суэц и Дарданеллы с Босфором. Я даже предполагаю шулерский ход с их стороны. Мы берем Босфор, а они оставляют в своих руках Дарданеллы. Разве не для того они без малого год штурмовали этот пролив? Они уверяют меня, что хотят помочь России сокрушить Великую Порту. Но избави Бог от таких помощников, а с врагами я и сам справлюсь.

Ведь справимся, Александр Васильевич, а?

- Так точно - справимся. Я по дороге в Ставку сделал предварительные расчеты. Должны справиться.

- Иного ответа я от вас и не ожидал. Спасибо вам и спасибо туркам - они отчаянно отстаивают наши Дарданеллы от англичан. И пока они еще держатся, вам, господин вице-адмирал, - Николай с улыбкой посмотрел на новенькие погоны Колчака, - надлежит успеть взять оба пролива.

- Генерал Алексеев сказал, что Румыния вот-вот вступит в войну.

- Вот на существенную поддержку от румын рассчитывать никак не приходится. Я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование... - Император огорченно развел руками. - Они уже послали в Румынию свою миссию, боевые припасы... Приходится уступать давлению союзников.

В лучшем случае мы пройдем к Босфору через Болгарию. И тогда ударим по проливам и с суши, и с моря. Но в худшем - вам придется выполнять эту задачу одному, как Ушакову, который брал турецкие острова полагаясь на силы только морского десанта.

- Для этого надобно сначала завоевать такое же превосходство на море, как Ушаков. И я полагаю мы это сделаем.

- Я очень ценю вашу уверенность и ваш опыт. Готовьтесь все же к самостоятельному варианту. Бог вам в помощь! Примете это от меня, как благословение.

Николай достал из нагрудного кармана маленькую иконку Николая-Чудотворца и, перекрестившись, передал ее адмиралу.

ОРАКУЛ 2000:

Мог ли Колчак представить себе, что не пройдет и трех лет, как ему придется снаряжать экспедицию на поиски останков своего августейшего собеседника в сибирской глуши? А потом через год и его кости примет неизвестно сибирская река.

Тобольск станет Царьградом...

В последний год двадцатого века Николая и все семейство его признают

святыми, и лики их проступят из небытия на иконах...

Их первая беседа заняла час. Потом были и другие. Колчак был немало наслышан об ограниченных способностях самодержца и был приятно удивлен, что Николай никак не подтвердил это нелестное мнение. Напротив, выказал широту взглядов и собственное понимание подоплеку непростых событий. Ему очень понравилось и то, что император принял и его помощника Михаила Смирнова, невзирая на его невеликий чин.

РУКОЮ БИОГРАФА: «В Ставке адмирал был несколько раз принят Государем, отнесшимся к адмиралу с исключительным вниманием и напутствовавший его иконой. Адмирал говорил мне, что Государь произвел на него чарующее впечатление. Я также имел счастье быть представленному его величеству».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. (Генерал-лейтенант Данилов[8]): «Император Николай встречал лиц, являвшихся к нему, хотя и сдержанно, но очень приветливо. Он говорил не спеша, негромким, приятным грудным голосом, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались почти неловкие паузы, которые можно было даже принять за отсутствие дальнейших тем для продолжения разговора. Впрочем, эти паузы могли находить себе объяснение и в некоторой застенчивости и внутренней неуверенности в себе. Эти черты Государя выявлялись и наружно - нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов. В речи Императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «ять».

...Высочайше утвержденная директива Черноморскому флоту состояла в следующем:

1. Уничтожение или блокирование в Босфоре турецко-германского флота.
2. Борьба с подводными лодками противника на Черном море.
3. Подготовка десантной операции в тыл турецкой армии в районе Самсуна.
4. Содействие Кавказской армии подвозом продовольствия и снабжения морем из Новороссийска и Батума в Трапезунд.
5. Содействие юго-западному фронту подвозом хлеба из Хорлы и Скадовска и угля из Мариуполя в Одессу.
6. Подготовка к овладению Босфором. Для этой цели развитие способности боевого и транспортного флотов одновременно поднять и высадить десант в составе трехдивизионного корпуса.
7. Иметь в готовности для сбора в двухнедельный срок транспорты для посадки и перевозки двух пехотных дивизий с артиллерийской бригадой».

Два последних пункта этого плана занимали мысли Колчака больше всего...

Тепло распрощавшись с Бубновым Колчак и Смирнов отправились из Могилева в Севастополь более чем воодушевленные.

На перроне киевского вокзала адмирал заметил знакомый силуэт. Анна?! Обознался... Но как похожа издали. Тимирева мерещилась ему повсюду. Когда Смирнов выходил курить в тамбур, он доставал портрет Анны в русском наряде и пытался оживить ее глазами. И эта женщина сказала ему - «да»!

Боже, как она молода! Он пересчитывал ее годы и свои - выходило, что она могла годиться ему в дочери. Неужели он так стар? Нет, это просто она так молода - 23 года. Ведь вышла же она за Сергея, ничтоже сумняшеся, что кто-то скажет - «неравный брак».

Капризная, упрямая,
Вы сотканы из роз.
Я старше вас, дитя мое,
стыжусь своих я слез.
Капризная, упрямая,
о как я вас люблю!
Последняя весна моя,
Я об одном молю
Уйдите, уйдите, уйдите.
Вы шепчите таинственно:
«Мой юноша седой,
Вы у меня единственный,
Один лишь вы такой...»
Но лаской околдованный
Я сам себя бужу,
И осенью окованный
Сейчас я вам твержу:
Не лгите, не лгите, не лгите...

Он вспоминал все слова, которые они успели сказать друг другу в Катринентале. Порой, сладко кружилась голова - она прошептала ему эти три немыслимых, три заветных слова - «я вас люблю». Чего же еще желать? Только одного - скорейшей встречи. Когда-то она еще будет...

В свои сорок два адмирал знал толк в женщинах. Т а к а я встретила ему впервые. К ее ногам стоило швырнуть ключи от Босфора!

В Севастополь он летел на крыльях любви и будущего подвига - влюбленный и вдохновленный. Именно в таком состоянии души и вершатся великие деяния. Он возьмет Босфор!

«На Бос-фор! - Стучали колеса. - На Бос-фор! На Бос-фор!»

ЗАПЕРЕТЬ ВРАТА ЦАРЬ-ГРАДА

Севастополь. Лето 1916 года

Пока поезд, пройдя предпоследний - инкерманский - тоннель, огибал Северную бухту, адмирал жадно вглядывался из окна в корабли, стоявшие на якорных бочках и у стенок. Это были его корабли. Это с ними ему идти на приступ главного дела жизни и главной цели России в этой войне - на Босфор. Ближе всех к нему высилась стройная серая громадина новейшего дредноута - «Императрицы Марии». Из огромных труб курился бурый дымок - корабль стоял под парами, будто поджидал нового комфлота для того, чтобы немедленно выйти в море...

Севастополь встретил нового командующего флотом вице-адмирала Александра Колчака летним зноем, пронзительной синевой безмятежного, совсем невоенного моря и... секретным донесением морской разведки о выходе германского крейсера «Бреслау» из Босфора на обстрел кавказского побережья. Колчак приказал поднять свой флаг на линкоре «Императрица Мария» и немедленно вышел в море на пересечку вероятного курса вражеского рейдера.

Это было сделано по-макаровски!

В четыре часа дня корабли обнаружили друг друга на встречных курсах.

Первый же залп «Императрицы Марии» взметнул водяные столбы в опасной близости от «Бреслау». Не дожидаясь накрытия линкоровских двенадцатидюймовок, крейсер выпустил дымовую завесу, лег на обратный курс и, пользуясь преимуществом хода, на всех парах ринулся к Босфору,

Так состоялось представление флоту нового командующего. По ритуалу же полагался торжественный обход кораблей, стоящих на якоре посреди Северной бухты.

РУКОЮ КОЛЧАКА. «В полночь я поднял свой флаг, Эбергард спустил свой, и я вступил в командование в Черном море... Через несколько минут после этого... было принято радио, которое было расшифровано, о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в море...

Это был единственный выход крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в море за все время командования мною в Черном море.

...

Среди множества поздравительных писем пришло одно, которое Колчак перечитал несколько раз и отложил в сторону. Это было послание от баронессы Черкасовой, одной из самых красивых женщин российского императорского флота. Ее муж - командир легкого крейсера «Жемчуг» капитан 2 ранга барон Иван Черкасов вышел с началом войны из Владивостока в южные моря Тихого океана для боевых действий в составе английской эскадры. После поиска немецких пароходов, снабжавших углем германские рейдеры, «Жемчуг» вошел в малайский порт Пенанг и встал на якорь. Команда приступила к щелочению котлов и переборке механизмов, а командир съехал на берег, где его ждала жена, молодая экспансивная особа, следовавшая за мужем из страны в страну. Черкасов посылал ей телеграммы с указанием порта, где они смогут увидеться, и отважная женщина добиралась туда рейсовыми судами. Потом возникла легенда, будто бы германские агенты следили за ней и после очередной депеши мужа вызнали, что «Жемчуг» пойдет в Пенанг. Так это или не так, но только 28

октября 1914 года германский рейдер «Эмден», поставив четвертую - фальшивую - трубу, чтобы быть похожим на английский крейсер, вошел на рассвете в гавань Пенанга, подкрался к «Жемчугу» и с дистанции кинжального удара выпустил из бортового аппарата торпеду, затем вторую. На крейсере сдетонировал носовой патронный погреб, и через считанные минуты он затонул. Погибло восемьдесят два человека, сто пятнадцать было ранено.

Барон Черкасов за беспечность и оставление корабля был разжалован в рядовые и отправлен на турецкий фронт. Учитывая его немалый морской опыт барона в солдатских погонах определили поближе к воде - огромному озеру Ван, где была создана небольшая флотилия. Его жена - баронесса В. Черкасова пыталась всячески смягчить судьбу мужа.

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Искренне и сердечно поздравляю Вас с высоким назначением и Монаршей Милостью.

Сегодня, когда прочла это в газете, не могла удержаться не написать Вам письмо и выразить радости по поводу Вашего назначения. Слава Богу справедливость начинает торжествовать и Россия понемногу отделяется от засосавшей ее рутины.

Вот уже вторично призывают Вас «спасать положение». Десять лет тому назад Вас выбрали для работы в Генеральном штабе, тогда очень нуждались в Вашей помощи; что было потом - писать не буду. Вам лучше меня все известно. Позвольте же мне от всей души пожелать Вам счастья и всякого благополучия. Да хранит Вас Бог от двух врагов: от зависти и злобы людской, а с остальными Вы сумеете справиться сами.

Вы знаете, конечно, какое глубокое горе и несчастье постигло нас, то есть моего мужа; ради Бога прошу верить и понять, что не чувство личного благополучия заставило меня написать Вам это письмо, а совершенно искренняя радость за Вас. Я знаю Вас со слов мужа и знаю, что Вы человек, у которого нельзя искать протекции, а можно только справедливости.

Муж мой разжалованный в нижние чины, теперь получил, будучи в бою с курдами, солдатский орден Св. Георгия. Кроме того он сделал две трудные самостоятельные операции, как офицер на озере (оз. Урмия в Персии - Н.Ч.). У него блестящие аттестации, а делу все еще нет хода из боязни Начальника (армейский генерал), что своевременно ли представление его, как посмотрит морское начальство. Всюду рутина.

Извиняюсь, многоуважаемый Александр Васильевич, но я так много перестрадала и измучилась, прошу Вас помогите моему бедному мужу, Вы его знаете. Примите его к себе.

Глубоко Вас уважающая баронесса В. Черкасова.

25 июня (1916)

Ямская ул. дом 34, кв.3

Тел. 192-25»

Барон Черкасов был восстановлен в звании флотского офицера.

...

Дела русского флота на Черном море складывались к приезду Колчака гораздо благоприятнее, чем на Балтике. Тут сказывалось в первую очередь наше численное превосходство в корабельном составе. Но качество... Оно оставалось за германо-турецкими рейдерами «Гебен» и «Бреслау». С начала войны два этих имени звучали для черноморцев столь же неразрывно и столь же угрожающе, как библейские Содом и Гоморра или, ближе к жизни, «гром» и «молния».

Заблаговременно пришедшие в Константинополь для усиления союзного турецкого флота, быстроходные крейсера неожиданно появлялись то перед Севастополем, то близ Одессы, то в виду кавказских берегов, наносили артиллерийские удары, а потом, пользуясь превосходством в скорости, безнаказанно исчезали, укрываясь в щели Босфора под надежным заслоном береговых батарей. И хотя их налеты не наносили особого ущерба, все же рейды «Гебена» и «Бреслау» держали в напряжении жителей многих прибрежных городов, угнетающе действовали и на сознание военных моряков. Молва винила в преступном попустительстве прежнего комфлота адмирала Эбергарда, и судьба его в конце концов определилась на волне повсеместных антинемецких настроений.

Рукою БИОГРАФА. «Гораздо существеннее и действеннее с военной точки зрения была боевая деятельность германских подводных лодок, базировавшихся на Константинополь и Евксиноград близ Варны, - писал современник тех далеких событий капитан 1 ранга Н. С. Чириков. - В ту пору подводные лодки представляли собой новое оружие, появившееся на море, и средства борьбы с ними не были еще достаточно усовершенствованы. Однако Черноморский флот начал энергично принимать меры борьбы с этим новым оружием. Еще в конце 1915 и в начале 1916 годов стали применять так называемую конвойную систему охраны судов морского транспорта, конвоируемых канонерскими лодками и миноносцами. Суда охраны были вооружены глубинными бомбами, а их артиллерия - ныряющими снарядами. Подходы к портам русского побережья были ограждены противолодочными сетями. Постепенно начали вооружать пароходы-транспорты мелкой скорострельной артиллерией».

Однако, несмотря на все предосторожности, германские субмарины Менше чем за год потопили девятнадцать русских пароходов (среди них и госпитальное судно «Португаль»). Это были довольно болезненные потери, так как армии юго-западного фронта получали грузы через Одессу, а снабжение войск в Лазистане вообще осуществлялось только по морю.

От Колчака прежде всего ожидали, что он сможет оградить российское Черноморье от налетов германских крейсеров и организовать действенную противолодочную борьбу. Захват проливной зоны становился, таким образом, второочередной задачей.

Еще по дороге в Севастополь, вдохновленный милостивым приемом в Ставке, Колчак решил кардинально изменить ход морской войны на черноморском театре, прибегнув к любимому виду оружия - минному. В самых общих чертах он набросал план широкой минной войны, придав ей не

оборонительный, а активный, наступательный характер. Речь шла о том, чтобы выставлять поля «рогатой смерти» не у своих портов, а у выходов из главных вражеских баз, то есть у Босфора и Варны, дабы лишить противника возможности тралить их.

Колчак разделил свои морские силы на три части. Пока одна корабельная группировка блокировала Босфор, вторая - готовилась ей на смену, третья - отдыхала и ремонтировалась. И так поочередно. Минные постановки, по его замыслу, должны были быть массированными, такими, чтобы неприятель не успевал их вытралить. И, наконец, еще одна особенность: ставить минные заграждения Колчак полагал не дальше пяти миль от берега, чтобы не мешать своим кораблям обстреливать босфорские батареи с близкой дистанции, а подводным лодкам - вести свою охоту за одиночными целями.

По расчетам, для подобной операции требовалось две тысячи мин. Однако в Севастополе их оказалось всего четыреста штук. С той же непреклонностью, с какой осуществлял все свои решения, адмирал начал спешно наращивать длинный арсенал. По телефону он убедил морского министра, что доставка недостающих мин не терпит никакого отлагательства, и вскоре в Севастополь прибыл эшелон с опасным грузом. Вслед за ним был вытребован и ведущий конструктор минного оружия капитан 1 ранга Шрейбер, создатель специального типа малой противолодочной мины - «рыбки».

Колчак выслал срочный заказ оборонным заводам на девять тысяч «рыбок». И уже в июле 1916 года он смог начать минную блокаду Босфора,

Тридцать первого июля первый в мире подводный минный заградитель «Краб» скрытно выставил сорок мин в самом горле пролива. Позже - 2, 5 и 9 августа - русские эсминцы сбросили в прибосфорские воды семьсот двадцать мин, которые и составили шесть линий основного минного заграждения. Чтобы турки не смогли пройти в обход, на флангах поля эсминцы выставили еще сто пятьдесят шесть мин. Почти месяц ни одно судно турецкого флота не смело выйти из Босфора. Правда, за это время противник сумел протралить фарватер у самого берега, пользуясь тем, что минные поля не прикрывались дежурными кораблями и мелкие суда рискнули возобновить свои рейсы. «Гебен» же и «Бреслау» отстаивались на якорях в Золотом Роге.

Осенние штормы и турецкие тральщики проредили минные поля. Надо было что-то придумать, чтобы перекрыть все обходные пути, а заодно и усилить прежние заграждения. Но как? Подойти ближе к берегу, войти в горло пролива мешали свои же собственные минные поля. Это эсминцам, а если пустить суда с малой осадкой? Колчак озаботил всех своих помощников поиском таких судов и вскоре уже осматривал одно из предложенных. Это была плоскодонная паровая шхуна из семейства так называемых «эльпидифоров», которые строились специально для небольшого Азовского моря.

Адмирал остановил свой выбор на двух «эльпидифорах», подумав о том, что команды для них нужно набирать из охотников. Но чем-чем, а сорви-головами русский флот всегда был богат.

Темной октябрьской ночью два минных заградителя притащили на

буксире пару груженных минами «эльпидифоров». У внешней кромки заграждения паровые шхуны отдали буксиры и тихо двинулись по минному полю к темнеющим берегам Босфора. Под их днищами покачивались заякоренные рогатые шары: каждого бы из них хватило, чтобы разнести утлое суденышко вдребезги. Командиры «эльпидифоров» сознавали также и то, что взрыв, случись он ненароком, будет таким, что разбудит весь Константинополь. Ведь рванут разом все двести двадцать мин на борту шхуны. Тем не менее первый «рейс смерти» прошел благополучно. «Эльпидифоры» выставили на протраленных турками путях четыреста сорок мин и к утру вернулись к поджидавшим их минным заградителям. Днем на волне - дьявольская работенка: команды «эльпидифоров» перегрузили с кораблей по второму комплекту мин и ночью снова ушли к берегу. И вот так к концу года было выставлено у Босфора две тысячи восемьдесят восемь мин, у Варны - семьсот сорок. На них подорвались вражеский эскадренный миноносец, четыре германские подводные лодки, множество фелюг и углевозных шаланд... Но самое главное - германо-турецкие рейдеры оказались прочно заблокированными в Босфоре, где они простояли весь конец 16-го года и начало 17-го.

Титанический труд русских минеров немецкий историк контр-адмирал Лорей оценит в своем фундаментальном исследовании так:

«...Постановка минных заграждений у Босфора и Варны русскими морскими силами летом и осенью 1916 года явилась операцией во всех отношениях замечательной. По приблизительному подсчету, ими было поставлено от 1800 до 2000 мин заграждения. Для выполнения этого задания они пользовались многими ночами, потому что лишь ночью им можно было приближаться к берегу. Их линии заграждений тянулись до самого очертания побережья вплотную к берегу и новые ставились так близко от прежде поставленных, что ловкость, отчетливость и уверенность, с которой русские избегали своих же, на малую глубину ранее поставленных мин, поистине достойна удивления. В качестве приметных пунктов они обычно пользовались ракетной или спасательной станциями...»

За все время пребывания флота под началом адмирала Колчака русская транспортная флотилия потеряла лишь один пароход. Снабжение действующей армии ни разу не было прервано, в то время как Турция терпела самый настоящий энергетический кризис из-за того, что перевозка морем топлива из угольного района Зонгулдак была перекрыта русскими кораблями.

Первая директива Ставки Черноморскому флоту - добиться полного господства на море - была выполнена. Наступал следующий этап осуществления стратегической задачи - взять в свои руки Босфор и Дарданеллы. Верховное командование назначало срок - лето 1917 года. Именно к этому времени, рассчитывала Ставка, наступит общий перелом в затянувшейся войне, когда русская армия и войска союзников поведут наступление на всех фронтах.

Адмирал Колчак начал готовить детальный план грандиозной операции. Прежде всего он учел печальный опыт англо-французской эскадры, годами

штурмовавшей Дарданеллы без поддержки наземных войск.

Овладение Босфором, по замыслу адмирала, должно было начаться с высадки большого десанта на его скалы, который бы привел к молчанию береговые батареи турок, прикрывавших вход в узкий пролив с высоких круч. Только после этого по протраленным фарватерам корабли врывались в морские врата Царьграда.

Уже была сформирована транспортная флотилия для переброски десанта.

Уже были розданы командирам штурмовых отрядов подробные тактические наставления,

Уже была создана служба связи для руководства десантом с кораблей. Но в ход операции властно вмешались форс-мажорные обстоятельства: Февральская революция, брожение в войсках, падение дисциплины...

Лучший корабль флота

Седьмого октября 1916 года в 8 час. 45 минут в Главную Ставку пришла срочная телеграмма на имя Государя от командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака. Никто не хотел относить ее императору:

«Вашему императорскому величеству всеподданейше доношу: Сегодня в 7 час. 17 мин. на рейде Севастополя погиб линейный корабль "Императрица Мария". В 6 час. 20 мин. произошел внутренний взрыв носовых погребов и начался пожар нефти. Тотчас же начали затопление остальных погребов, но к некоторым нельзя было проникнуть из-за пожара. Взрывы погребов и нефти продолжались, корабль постепенно садился носом и в 7 час. 17 мин. перевернулся. Спасенных много, число их выясняется.

Колчак»

Телеграмма Николая II Колчаку

7 октября 1916 г. 11 час. 30 мин.

Скорблю о тяжелой потере, но твердо уверен, что Вы и доблестный Черноморский флот мужественно перенесете это испытание. Николай.

Письмо А.В. Тимиревой10 А.В. Колчаку 13 октября 1916 г.

Дорогой, милый Александр Васильевич, отправила сегодня утром Вам письмо, а вечером мне сообщили упорно ходящий по городу слух о гибели "Императрицы Марии". Я не смею верить этому, это был бы такой ужас, такое громадное для всех нас горе. Единственно, что меня утешает, это совершенно темные подробности, которым странно было бы верить. Вероятно, все-таки есть какие-нибудь основание к этому, ну, авария какая-нибудь, пожар, но не гибель же в самом деле лучшего из наших кораблей, не что-нибудь такое совсем непоправимое. С этим кораблем, которого я никогда не видел, я сроднилась душой за то время, что Вы в Черном море, больше, может быть, чем с любым из

наших, близких мне и милых привычных кораблей здесь. Я привыкла представлять его на ходу во время операций, моя постоянная мысль о Вас так часто была с ним связана, что я не могу без ужаса и тоски подумать, что может быть все это правда и его больше нет совсем. Если же все-таки это так, то я понимаю, как это особенно должно быть тяжело для Вас, дорогой Александр Васильевич. В эти, такие черные минуты, которые Вы должны переживать тогда, что я могу, Александр Васильевич, - только писать Вам о своей тоске и тревоге и бесконечной нежности и молиться Господу, чтобы он помог Вам, сохранил Вас и дал Вам силу и возможность отомстить за нашу горькую потерю. Где-то Вы сейчас, милый далекий Александр Васильевич. Хотя что-нибудь узнать о Вас, чего бы я не дала за это сейчас. И так у нас на фронтах нехорошо, а тут, в Петрограде, все время слышишь только разговоры о повсеместном предательстве, о том, что при таких "обстоятельствах все равно напрасны все жертвы и все усилия наших войск, слухи один другого хуже и ужаснее - прямо места себе не находишь от всего этого. Да и без всяких слухов довольно и того что подтверждается официальными донесениями, чтобы не быть в очень розовом состоянии духа. Но слух о "Марии" положительно не укладывается у меня в уме, я хочу себе представить, что это правда и не могу. Постараюсь завтра узнать от Романова, есть ли какие-нибудь основания, сейчас же бросаю писать, т.к. все равно ни о чем больше писать не могу, а об этом говорить никакого смысла не имеет. Если б только завтра оказалось, что это дежурная городская сплетня и больше ничего. До свидания, Александр Васильевич, да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева

с Вами, может быть я сумела бы лучше говорить с Вами, чем сейчас писать так трудно - лучше передать мое безграничное участие к Вашему горю. Если это что-нибудь значит для Вас, то знайте, дорогой Александр Васильевич, что в эти мрачные и тяжелые для Вас дни я неотступно думаю о Вас с глубокой нежностью и печалью, молюсь о Вас так горячо, как только могу и все-таки верю, что за этим испытанием Господь опять пошлет Вам счастье, поможет и сохранит Вас для светлого будущего.

До свидания милый далекий друг мой, Александр Васильевич, еще раз - да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева

Р.8. Это письмо я пошлю через Генеральный штаб, т.к. иначе они идут очень долго; Вы же, Александр Васильевич, милый, если соберетесь написать мне, пишите на Шпалерную, 32, кв. Плеске - я здесь живу и вряд ли еще скоро, уеду».

...

А как великолепно все начиналось...

С того самого первого своего севастопольского дня, когда, подняв на линкоре комфлотовский флаг и выйдя в море на перехват «Бреслау», «Императрица Мария» стала его любимицей... Он не раз еще выходил на ней в море, с гордостью представлял корабль государю императору во время высочайшего смотра, на нем же положил себе войти в освобожденный

Царьград... Не раз мечтал «познакомить Анну с «Марией», то есть увидеть на широчайшей палубе линкора свою возлюбленную, придумывая для этого невозможные почти сказочные комбинации...

Линкор, построенный в Николаеве, по праву считался гордостью отечественного судостроения.

ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ. "Современники и много лет спустя, - отмечал писатель Анатолий Елкин, - не переставали им восхищаться -...Черное море еще не знало таких дредноутов, как "Императрица Мария".

Водоизмещение дредноута определялось а 23 600 тонн. Скорость корабля 22 3/4 узла, иначе говоря, 22 3/4 морской мили в час, или около 40 километров. За один прием "Императрица Мария" могла взять 1970 тонн угля и 600 тонн нефти. Всего этого топлива для "Императрицы Марии" хватало на восемь суток похода при скорости 18 узлов. Команда корабля 1260 человек вместе с офицерами...

Корабль располагал шестью динамо-машинами: четыре из них боевые и две вспомогательные. В нем помещались турбинные машины мощностью в 10 000 лошадиных сил каждая. Для приведения башенных механизмов в действие на каждой башне имелось 22 электрических мотора... В четырех трехорудийных башнях размещались двенадцать обуховских двенадцатидюймовок. Палуба была предельно освобождена от надстроек, что весьма расширяло секторы обстрела башен главного калибра. Вооружение "Марии" дополняли еще тридцать две пушки различного назначения: противоминные и зенитные. В дополнение к ним были устроены подводные торпедные аппараты. Броневой пояс толщиной без малого четверть метра проходил по всему борту линкора, а сверху цитадель прикрывалась толстой броневой палубой.

Словом, это была многопушечная быстроходная бронированная крепость. Такой корабль и в наше время, в эпоху авианосцев, ракетных крейсеров и подводных атомных кораблей, мог бы быть зачислен в боевой строй любого флота.

Больше года "Императрица Мария" участвовала в боевых походах. Осенью 1915 года линкор прикрывал ударную группу русских кораблей в стратегической операции по отсечению главных баз турецкого флота от угольного района Зонгулдак. В октябре того же года «Мария» дважды вместе с другими кораблями громила порты на вражеском побережье. В ноябре корабль снова выходил на блокаду Угольного района.

В апреле 1916 года «Мария» прикрывала высадку казачьего десанта на побережье Лазистана. В июле она вела бой с германским линкором «Бреслау» и заставила его скрыться в Босфоре почти до конца войны.

Незадолго до гибели линкор прикрывал минную постановку, защищавшую подходы к союзническому порту Констанца...

На «Марию» возлагалось слишком много надежд; и хотя еще не все механизмы корабля были доведены до боевого совершенства и к самостоятельным действиям линкор не совсем был готов, ему не было дано стоять в бездействии у стенки. Через какие-то месяцы вахтенный журнал «Императрицы Марии» пестрел сводом боевых реляций с самых напряженных

участков битвы на морском театре войны. Уже 30 сентября 1915 года «Мария» вместе с крейсером «Кагул» и пятью эскадренными миноносцами прикрывает ударный отряд флота - вторую бригаду линейных кораблей «Евстафия», «Иоанна Златоуста» и «Пантелеймона», крейсеров «Алмаз» и «Память Меркурия», семь эсминцев - нанесших ощутимый удар противнику в юго-западной части моря. Более 1200 снарядов обрушили тогда корабли на Зунгулдак, Козлу, Килимли и Эрегли.

А потом было все - отражение атак немецких субмарин, тяжелые штурмовые походы, ожесточенные бои, ответственные операции.

1-2 ноября «Мария» и «Память Меркурия», держа под прицелом своих орудий выходы из Босфора, прикрывают действия русской эскадры в Угольном районе. 23-25 ноября «Мария» снова здесь. Моряки видят, как пылает вражеский порт Зунгулдак и стоящий на рейде пароход. Эскадра стремительно прошла вдоль берегов Турции, потопив два неприятельских судна.

Боевой счет «Марии» рос от дня ко дню. 2-4 февраля она прикрывает эскадру, поддерживающую с моря наступление у Виге. Турки были отброшены тогда к Агине, Потом операция по переброске войск для усиления Приморского отряда. На «Марии» держит флаг командующий флотом (адмирал Колчак - Н.Ч.). Линкор прикрывает постановку мин у Констанцы, несет боевую патрульную службу в море, а с 29 февраля идет на перехват обнаруженного в Синопской бухте «Бреслау». Пирату чудом удалось уйти, но 12-дюймовые орудия «Марии» наконец настигают его. Правда, «Бреслау» отделался маленькими повреждениями, но его крейсерская операция была сорвана. Преследуемый «Марией», «Бреслау» укрылся в Босфоре.

Появление «Марии» и «Екатерины Великой» на коммуникациях означало также, что время безнаказанных действий на море кайзеровских пиратов «Гебена» и «Бреслау» кончилось: в первой половине 1916 года «Гебен» всего три раза рискнул высунуться из Босфора.

Одним словом, новые русские линкоры, уже успевшие причинить немцам великое множество неприятностей, становились для кайзеровского флота врагами № 1.

Над тем, как их уничтожить, бились не только лучшие умы в германском морском генеральном штабе, но и в кабинетах руководителей тайной войны против России».

* * *

«В течении августа и сентября никаких особо выдающихся событий не произошло. - Сообщал бывший офицер штаба командующего Черноморским флотом капитан 2 ранга А. Лукин, - «Мария» продолжала выполнять очередные задачи по прикрытию различных операций и перегруппировки войск.

Делегацией от города Севастополя, во главе с городской головой г. Ергопуло, ей был поднесен роскошный шелковый кормовой флаг, торжественно освященный на шканцах в присутствии самого командующего.

В август произошла смена командиров. Князь Трубецкой был назначен начальником минной бригады, а в командование «Императрицей Марией» вступил капитан 1-го ранга Кузнецов.

6-го октября «Мария» в последний раз вернулась с моря...

Для Севастополя октябрь столь же роковой месяц, как для Москвы - август.

ВЗРЫВ НА ЗАРЕ

Гром грянул 7 октября 1916 года в Северной бухте Севастополя. Взорвался новейший и крупнейший корабль русского флота - линкор «Императрица Мария»...

7 октября в 6 часов 20 минут матросы, находившиеся в каземате № 4, услышали резкое шипение, идущее из погребов носовой башни главного калибра. Вслед за тем из люков и вентиляторов, расположенных в районе башни, вырвались клубы дыма и пламени. До рокового взрыва оставалось две минуты... За эти сто двадцать секунд один из матросов успел доложить вахтенному начальнику о пожаре, другие раскатали шланги и стали заливать водой подбашенное отделение. Но катастрофу уже ничто не могло предотвратить.

РУКОЮ СОВРЕМЕННОГО. (старший флагманский офицер минной дивизии Черного моря капитан 2 ранга А.П. Лукин): «В умывальнике, подставляя головы под краны, фыркала и плескалась команда, когда страшный удар грохнул под носовой башней, свалив с ног половину людей. Огненная струя, окутанная ядовитыми газами желто-зеленого пламени, ворвалась в помещение, мгновенно превратив царившую здесь только что жизнь в груду мертвых, сожженных тел...»

Страшной силы новый взрыв вырвал стальную мачту. Как катушку, швырнул к небу броневую рубку (25 000 пудов). Взлетела на воздух носовая дежурная кочегарка. Корабль погрузился во тьму.

Минный офицер лейтенант Григоренко бросился к динамо, но смог добраться только до второй башни. В коридоре бушевало море огня. Грудами лежали совершенно обнаженные тела.

Взрывы гудели. Рвались погреба 130-миллиметровых снарядов.

С уничтожением дежурной кочегарки корабль остался без паров. Нужно было во что бы то ни стало поднять их, чтобы пустить пожарные помпы. Старший инженер-механик приказал поднять пары в кочегарке № 7. Мичман Игнатьев, собрав людей, бросился в нее.

Взрывы следовали один за другим (более 25 взрывов). Детонировали носовые погреба. Корабль кренился на правый борт все больше и больше, погружаясь в воду. Вокруг кишели пожарные спасательные пароходы, буксиры, моторы, шлюпки, катера...

Последовало распоряжение затопить погреба второй башни и прилегающие к ним погреба 130-мм орудий, чтобы перегородить корабль. Для

этого нужно было проникнуть в заваленную трупами батарейную палубу, куда выходили штоки клапанов затопления, где бушевало пламя, клубились удушливые пары и каждую секунду могли сдетонировать заряженные взрывами погреба.

Старший лейтенант Пахомов (трюмный механик) с беззаветно отважными людьми вторично ринулся туда. Растаскивали обугленные, обезображенные тела, грудами завалившие штоки, причем руки, ноги, головы отделялись от туловищ. Пахомов со своими героями освободили штоки и наложили ключи, но в этот момент вихрь сквозняка метнул в них столбы пламени, превратив в прах половину людей. Обожженный, но не сознающий страданий, Пахомов довел дело до конца и выскочил на палубу. Увы, его унтер-офицеры не успели... Погреба сдетонировали, ужаснейший взрыв захватил и разметал их, как осенняя вьюга опавшие листья...

В некоторых казематах застряли люди, забаррикадированные лавой огня. Выйди - сгоришь. Останешься - утонешь. Их отчаянные крики походили на вопли безумцев. Некоторые, попав в капканы огня, стремились выброситься в иллюминаторы, но застревали в них. По грудь висели над водой, а ноги в огне.

Между тем в седьмой кочегарке кипела работа. Зажгли в топках огни и, выполняя полученное приказание, подымали пары. Но крен вдруг сильно увеличился. Поняв грозящую опасность и не желая подвергать ей своих людей, но полагая все же, что нужно поднимать пар - авось пригодится, - мичман Игнатьев крикнул:

- Ребята! Топай наверх! Ждите меня у антресолей. Понадобитесь - позову. Я сам перекрою клапана.

По скобам трапа люди быстро вскарабкались наверх. Но в этот момент корабль опрокинулся. Только первые успели спастись. Остальные вместе с Игнатьевым остались внутри... Долго ли жили они и чего натерпелись в воздушном колоколе, пока смерть не избавила их от страданий?

Много позже, когда подняли «Марию», нашли кости этих героев долга, разбросанные по кочегарке...»

Всего на линкоре погибло 216 человек, ранено и обожжено.

Жертв могло быть и больше, если бы часть экипажа не творила утреннюю молитву в корме корабля.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ВАХТЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

Итак, седьмого октября 1916 года город и крепость Севастополь были разбужены взрывами, разнесшимися над притихшей гладью Северной бухты. Люди бежали к гавани, и их глазам открывалась жуткая, сковывающая холодом сердце картина. Над новейшим линейным кораблем Черноморского флота - над «Императрицей Марией» - поднимались султаны черного дыма, разрезаемые молниями чередующихся почти в математической последовательности взрывов.

В те страшные минуты было не до хронометража событий, но позднее, по

записям в вахтенном журнале стоящего неподалеку от «Марии» линкора «Евстафий», можно было проанализировать последовательность происходящего:

«6 часов 20 минут -

На линкоре «Императрица Мария»

большой взрыв под носовой башней.

6 часов 25 минут - Последовал второй взрыв, малый.

6 часов 27 минут - Последовали два малых взрыва.

6 часов 30 минут - Линкор «Императрица Екатерина» на буксире портовых катеров отошел от «Марии».

6 часов 32 минуты - Три последовательных взрыва.

6 часов 35 минут - Последовал один взрыв. Спустили гребные суда и послали к «Марии».

6 часов 37 минут - Два последовательных взрыва.

6 часов 47 минут - Три последовательных взрыва.

6 часов 49 минут один взрыв.

7 часов 00 минут - Один взрыв. Портовые катера начали тушить пожар.

7 часов 08 минут - Один взрыв. Форштевень ушел в воду.

7 часов 12 минут - Нос «Марии» сел на дно.

7 часов 16 минут - «Мария» начала крениться и легла на правый борт".

Телеграмма А.В.Колчака начальнику Генерального морского штаба адмиралу А.И. Русину.

Секретно N 8997

7 октября 1916 г.

«Пока установлено, что взрыву носового погреба предшествовал пожар, продолжавшийся ок. 2 мин. Взрывом была сдвинута носовая башня. Боевая рубка, передняя мачта и труба взлетели на воздух, верхняя палуба до второй башни была вскрыта. Пожар перешел в погреб второй башни, но был потушен. Последовавшим рядом взрывов числом до 25 вся носовая часть была разрушена. После последнего сильного взрыва ок. 7 час. 10 мин. корабль начал крениться на правый борт и в 7 час. 17 мин. перевернулся килем вверх на глубине 8,5 сажень. После первого взрыва сразу прекратилось освещение и нельзя было пустить помпы из-за перебитых трубопроводов. Пожар произошел через 20 мин. после побудки команды, никаких работ в погребах не производилось. Установлено, что причиной взрыва было возгорание пороха в носовом 12-дм погребе, взрывы снарядов явились как следствие. Основной причиной может быть только или самовозгорание пороха или злоумышление. Командир спасен, из офицерского состава погиб инженер-механик мичман Игнатьев, нижних чинов погибло 320. Присутствуя лично на корабле свидетельствую, что его личным составом было сделано все возможное для спасения корабля. Расследование производится комиссией.

Колчак».

Колчак был потрясен гибелью лучшего корабля своего флота. Боль была бы не так остра, если бы «Мария» погибла в бою. Но в родной гавани... Почему? По чьей вине или по чьему умыслу рванули погреба на дредноуте?

Да, на все воля Божья... И стоя на панихиде во Владимирском соборе, Александр Васильевич пытался постичь этот удар судьбы, как плату за свои военные удачи на Балтике, за свое скоропалительное вице-адмиральство, за свою нечаянную и ответченную любовь... Быть может, это знамение свыше, которое не предвещает ничего хорошего ни ему, ни флоту. Ведь на борту погибшего линкора было имя не просто императрицы, но самой Богородицы...

Архиепископ Таврический Дмитрий утешая его в письме, распределял вину за трагедию в Северной бухте на всех, но он-то знал - mea culpa, моя вина. Письмо это, подписанное и настоятелем Херсонесского монастыря Сильвестром, Колчак носил у сердца - в левом нагрудном кармане белого кителя:

«Ваше превосходительство, милостивый государь, Александр Васильевич!

Сегодня, по попущению Божьему и, несомненно, по грехам всех нас - сынов России, создалась общая отечественная скорбь, которая прежде всего и более всех поразила Ваше благородное сердце.

Вместе с Вами безмерно скорбим и мы, наш дорогой отважный вождь, и, братски обнимая Вас, вслед за святым Христовым Апостолом, громко говорим Вам: "Мужайтесь и да крепится сердце Ваше". Идет великая война, потери неизбежны, погибло и наше любимое военное судно, наша гордость, наша похвала... Но милостив Господь, не до конца Он будет гневаться на нас, Он же найдет и укажет пути, коими покроется и облегчится наша общая русская скорбь. В беде познаются люди. Вы наш мужественный вождь, Вас полюбила вся Россия; Отечество стало верить в Ваши силы, в Ваше знание и возлагает на Вас все свои надежды на Черное море. Проявите же и ныне присущие Вам славное мужество и непоколебимую твердость. Посмотрите на совершившееся прямо как на гнев Божий, поражающий не Вас одного всех нас - Его Творца и Промыслителя русских чад, и, оградив себя крестным знамением, скажите: "Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно Имя Его во веки".

Вы всем нам обязаны перед Господом показать в эти страшны времена пример мужества, бодрости, терпения и светлой надежды наше будущее. Помните, вождей избирает помазанник Божий по особому внушению Божественного духа. Вожди нужны для Отечества, они должны хранить свое сердце, свою жизнь для благоденствия народа. Храните же себя, наш любимый вождь, и да пошлет свыше Отец наш небесный каплю благодатной росы Своей для погашения возгоревшегося в неповинном сердце Вашем жестокого огня печали.

Пишу Вам из Херсонесского монастыря; думал посетить Вас сегодня, но совершившееся изменило решение. Выраженное в письме вполне разделяет и Преосвященный Сильвестр и закрепляет своей подписью. Не печальтесь же, наш родной вождь. Господа ради не забывайте, что весь народ Вас любит и верит в Вас, Вы принадлежите не себе, а всему русскому народу, посему Вы

обязаны хранить свою жизнь, свое здоровье. Все это говорим мы Вам как епископы Божьей Церкви, выразители совести Богом и царем вверенного нашему духовному руководству части русского народа.

Дмитрий, Архиепископ Таврический и
Симферопольский Сильвестр, Епископ Севастопольский».

...

Вечером скорбного дня адъютант подал ему телеграмму от доброго друга - командующего Балтийским флотом вице-адмирала Адриана Ивановича Непенина: «Ничего, дружище, все образуется. Непенин».

Однако никакие утешения и благопожелания не могли вывести Колчака из глубокой депрессии.

рукою очевидца. «Гибель «Императрицы Марии» глубоко потрясла Колчака. - Писал начальник морского управления Царской ставки контр-адмирал А. Д.Бубнов. - Со свойственным ему возвышенным пониманием своего начальнического долга, он считал себя ответственным за все, что происходило на флоте под его командой, и потому приписывал своему недосмотру гибель этого броненосца, хотя на самом деле тут ни малейшей вины его не было. Он замкнулся в себе, перестал есть, ни с кем не говорил, так что окружающие начали бояться за его рассудок. Об этом начальник его штаба немедленно сообщил по прямому проводу нам в Ставку.

Узнав об этом государь приказал мне тотчас же отправляться в Севастополь и передать А.В. Колчаку, что он никакой вины за ним в гибели «Императрицы Марии» не видит, относится к нему с неизменным благоволением и повелевает ему спокойно продолжать его командование.

Прибыв в Севастополь я застал в штабе подавленное настроение и тревогу за состояние адмирала, которое теперь начало выражаться в крайнем раздражении и гневе.

Хотя я и был по прежним нашим отношениям довольно близок к А.В. Колчаку, но, признаюсь, не без опасения пошел в его адмиральское помещение; однако, переданное мною ему милостивые слова Государя, возымели на него чрезвычайно благотворное действие, и после продолжительной дружеской беседы он совсем пришел в себя, так что в дальнейшем все вошло в свою колею и командование флотом пошло своим нормальным ходом».

Прислал свою телеграмму и морской министр - адмирал И.К. Григорович:

«С чувством глубокой скорби узнал вчера по приезде из Ставки о гибели корабля с большей частью его личного состава. Слова государя на Вашу телеграмму да поддержат Вас в этой тяжелой потере. Приму меры к скорейшему изготовлению третьего корабля. Да хранит Вас Господь. Григорович.»

Колчак ответил ему прочувствованным письмом:

«Ваше высокопревосходительство, глубокоуважаемый Иван Константинович!

Позвольте принести Вам мою глубокую благодарность за внимание и нравственную помощь, которую Вы оказали мне в письме Вашем от 7-го сего октября. Мое личное горе по поводу лучшего корабля Черноморского флота так

велико, что временами я сомневался в возможности с ним справиться. Я всегда думал о возможности потери корабля в военное время в море! и готов к этому, но обстановка гибели корабля на рейде и в такой окончательной форме действительно ужасна. Самое тяжелое, что теперь осталось и вероятно надолго, если не на всегда, - это то, что действительных причин гибели корабля никто не знает и все сводится к одним предположениям. Самое лучшее было бы, если оказалось возможным установить злой умысел - по крайней мере было бы ясно, что следует предвидеть, но этой уверенности нет и никаких указаний на это не существует...»

Но самое желанное письмо пришло 13 октября. Колчак сразу же нашел его в ворохе казенной корреспонденции, сразу же узнал милый почерк:

«Дорогой, милый Александр Васильевич, отправила сегодня утром Вам письмо, а вечером мне сообщили упорно ходящий по городу слух о гибели "Императрицы Марии". Я не смею верить этому, это был бы такой ужас, такое громадное для всех нас горе. Единственно, что меня утешает, это совершенно темные подробности, которым странно было бы верить. Вероятно, все-таки есть какие-нибудь основание к этому, ну, авария какая-нибудь, пожар, но не гибель же в самом деле лучшего из наших кораблей, не что-нибудь такое совсем непоправимое. С этим кораблем, которого я никогда не видел, я сроднилась душой за то время, что Вы в Черном море, больше, может быть, чем с любым из наших, близких мне и милых привычных кораблей здесь. Я привыкла представлять его на ходу во время операций, моя постоянная мысль о Вас так часто была с ним связана, что я не могу без ужаса и тоски подумать, что может быть все это правда и его больше нет совсем. Если же все-таки это так, то я понимаю, как это особенно должно быть тяжело для Вас, дорогой Александр Васильевич. В эти, такие черные минуты, которые Вы должны переживать тогда, что я могу, Александр Васильевич, - только писать Вам о своей тоске и тревоге и бесконечной нежности и молиться Господу, чтобы он помог Вам, сохранил Вас и дал Вам силу и возможность отомстить за нашу горькую потерю. Где-то Вы сейчас, милый далекий Александр Васильевич. Хоть что-нибудь узнать о Вас, чего бы я не дала за это сейчас. И так у нас на фронтах нехорошо, а тут, в Петрограде, все время слышишь только разговоры о повсеместном предательстве, о том, что при таких обстоятельствах все равно напрасны все жертвы и все усилия наших войск, слухи один другого хуже и ужаснее - прямо места себе не находишь от всего этого. Да и без всяких слухов довольно и того что подтверждается официальными донесениями, чтобы не быть в очень розовом состоянии духа. Но слух о "Марии" положительно не укладывается у меня в уме, я хочу себе представить, что это правда и не могу. Постараюсь завтра узнать от Романова, есть ли какие-нибудь основания, сейчас же бросаю писать, т.к. все равно ни о чем больше писать не могу, а об этом говорить никакого смысла не имеет. Если б только завтра оказалось, что это дежурная городская сплетня и больше ничего. До свидания, Александр Васильевич, да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева»

14 октября

«Сейчас получила от Романова Ваше письмо, Александр Васильевич, отнявшее у меня последнюю надежду, очень слабую надежду на то, что гибель "Императрицы Марии" только слух. Что мне сказать Вам, какие слова найти, чтобы говорить с Вами о таком громадном горе? Как ни тяжела, как ни горько мне, я понимаю, что мне даже представить трудно Ваше душевное состояние в эти дни. Дорогой Александр Васильевич, Вы пишете: "Пожалейте меня, мне тяжело". Не знаю, жалость ли у меня в душе, но видит Бог, что если бы я могла взять на себя хоть часть Вашего великого горя, облегчить его любой ценой, - я не стала бы долго думать над этим. Сегодня до получения Вашего письма я зашла в пустую церковь и молилась за Вас долго этими словами. Если я радовалась каждому Вашему успеху и каждой удаче, то последнее несчастье также большое горе для меня. За всю войну я помню только три события, которые так были бы ужасны для меня, - Сольдау, оставление Варшавы и день, когда был убит мой брат. Вы говорите о расплате за счастье - эта очень тяжелая расплата не соответствует тому, за что приходится платить. Будем думать, Александр Васильевич, что это жертва судьбе надолго вперед и что вслед за этим ужасом и горем более светлые дни. Вы говорите, что жалеете о том, что пережили гибель "Марии", если бы Вы знали сколько на Вас надежд, сколько веры в Вас приходится подчас мне видеть, Вы не говорили бы этого даже в такие тяжелые минуты. Милый Александр Васильевич, что бы я дала за то, чтобы повидать Вас, побыть с Вами, может быть я сумела бы лучше говорить с Вами, чем сейчас писать так трудно - лучше передать мое безграничное участие к Вашему горю. Если это что-нибудь значит для Вас, то знайте, дорогой Александр Васильевич, что в эти мрачные и тяжелые для Вас дни я неотступно думаю о Вас с глубокой нежностью и печалью, молюсь о Вас так горячо, как только могу и все-таки верю, что за этим испытанием Господь опять пошлет Вам счастье, поможет и сохранит Вас для светлого будущего.

До свидания милый далекий друг мой, Александр Васильевич, еще раз - да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева

Р.8. Это письмо я пошлю через Генеральный штаб, т.к. иначе они идут очень долго; Вы же, Александр Васильевич, милый, если соберетесь написать мне, пишите на Шпалерную, 32, кв. Плеске - я здесь живу и вряд ли еще скоро уеду.

Анна Т.»

Вряд ли у кого из влюбленных на белом свете был столь надежный канал связи, как фельдегерская служба Морского Генерального штаба и столь надежный поверенный в сердечных делах как офицер того же Штаба капитан 2 ранга Владимир Вадимович Романов.

* * *

Спустя месяц после катастрофы в Севастополе, 8 ноября 1916 года, в 13 часов, в Архангельском порту прогремел взрыв еще большей силы, чем на

злосчастной «Марии». Взлетел на воздух «по неизвестной причине» транспорт «Барон Дризен», груженный по горловины трюмов полутора тысячью тонн тротила, бездымного пороха, мелинита. Обломки судна разлетелись так далеко, что их находили потом даже на путях железной дороги.

Немногие уцелевшие свидетели рассказывали, что предвестником взрыва был хлопок, напоминавший выстрел из охотничьего ружья. Стихия огненного удара (по мощи своей в десятую часть атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму) убила, обожгла, искалечила 810 человек, уничтожила три судна и столько же плавкранов, пять паровозов, причинила огромные разрушения береговым постройкам.

Рассуждая о причинах гибели «Барона Дризена», известный исследователь Константин Пузыревский не исключает «диверсионный акт со стороны германских тайных агентов с целью экономического и военного ослабления своего противника».

«Металлические трубочки в женском белье...»

В ноябре 1916 года итальянская контрразведка, пришедшая в себя после взрыва «Леонардо да Винчи», напала «на след большой шпионской германской организации, - как пишет Пузыревский, - во главе которой стоял видный служащий папской канцелярии, ведавший папским гардеробом. Был собран большой обвинительный материал, по которому стало известно, что шпионскими организациями на кораблях производились взрывы при помощи особых приборов с часовыми механизмами с расчетом произвести ряд взрывов в разных частях корабля через очень короткий промежуток времени, с тем чтобы осложнить тушение пожаров».

В журнале «Морские записки», издававшемся в Нью-Йорке Обществом бывших офицеров императорского флота, в номере за 1961 год, я обнаружил любопытную заметку, подписанную так: «Сообщил капитан 2 ранга В. Р.»

«...До сих пор необъяснима катастрофа - гибель линкора «Императрица Мария». Необъяснимыми были и пожары на ряде угольщиков на пути из Америки в Европу, до тех пор пока причину их не установила английская разведка. Их вызывали немецкие «сигары», которые немцам, очевидно имевшим своих агентов, проникавших в среду грузчиков, удавалось подбросить при погрузке. Этот сигарообразный дьявольский прибор, заключавший в себе и горючее и воспламенитель, зажигающийся током от электроэлемента, приходившего в действие, как только кислота разъедала металлическую мембрану, преграждавшую доступ кислоте элемента. В зависимости от толщины пластинки это случалось через несколько часов или даже несколько дней после того, как «сигара» была установлена и подброшена. Я не видел чертежа этой чертовой игрушки. Помню только, что говорилось о выходящей из острия «сигары» струе пламени, на манер бунзеновской горелки.

Довольно было одной «с толком» поставленной в подбашенное отделение «сигары», чтобы прожечь медную кору полузаряда. На «Марии» работали

заводские мастерские, но, надо думать, проверка и контроль были не на высоте... Так что мысль о немецкой «сигаре» сверлила мозги... И не у меня одного.

Через 15-20 лет после этого памятного дня мне пришлось сотрудничать в одном коммерческом деле с немцем, милым человеком. За бутылкой вина мы вспоминали старое, времена, когда мы были врагами. Он был уланский ротмистр и в середине войны был тяжело ранен, после чего стал неспособным к строевой службе и работал в штабах в Берлине. Слово за слово, он рассказал мне о любопытной встрече.

«Знаете ли вы того, кто только что вышел отсюда?» - спросил его однажды сослуживец. «Нет. А что?» - «Это замечательный человек! Это тот, кто организовал взрыв русского линкора на Севастопольском рейде». «Я, - ответил мой собеседник, - слышал об этом взрыве, но не знал, что это было делом наших рук». - «Да, это так. Но это очень секретно, и никогда не говорите о том, что вы от меня услышали. Это герой и патриот! Он жил в Севастополе, и никто не подозревал, что он не русский...»

Да, для меня после того разговора сомнений больше нет. «Мария» погибла от немецкой «сигары»! Не одна «Мария» погибла в ту войну от необъяснимого взрыва. Погиб также и итальянский броненосец «Леонардо да Винчи», если память не изменяет мне».

Эту версию как бы продолжает уже упоминавшийся кавторанг А. Лукин в своей книге «Флот»:

«Летом 1917 года секретный агент доставил в наш Морской генеральный штаб несколько небольших металлических трубочек. Найдены они были среди аксессуаров и кружевного шелкового белья очаровательного существа... Миниатюрные трубочки-«безделушки» были направлены в лабораторию. Они оказались тончайше выделанными из латуни химическими взрывателями. Выяснилось, что точь-в-точь такие трубочки были найдены на таинственно взорвавшемся итальянском дредноуте «Леонардо да Винчи». Одна не воспламенилась в картузе в бомбовом погребе. Вот что по этому поводу рассказал офицер итальянского морского штаба капитан 2 ранга Луиджи ди Самбуи: «Следствие с несомненностью установило существование некой тайной организации по взрыву кораблей. Нити ее вели к швейцарской границе. Но там их след терялся. Тогда решено было обратиться к могущественной воровской организации - сицилийской мафии. Та взялась за это дело и послала в Швейцарию боевую дружину опытейших и решительнейших людей. Прошло немало времени, пока дружина путем немалых затрат средств и энергии наконец нашла след. Он вел в Берн, в подземелье одного богатого особняка. Тут и находилось главное хранилище штаба этой таинственной организации - забронированная, герметически закрытая камера, наполненная удушливыми газами. В ней сейф...

Мафии приказали проникнуть в камеру и захватить сейф. После длительного наблюдения и подготовки дружина ночью прорезала броневую плиту. В противогазных масках проникла в камеру, но за невозможностью захватить сейф взорвала его. Целый склад трубочек оказался в нем».

Журнал журналом, книга книгой, но вот перед моими глазами на экране архивного проектора телеграмма № 2784/12 от 6 марта 1917 года.

«Нагенмору от агенмора в Риме.

Источник-4.

Кража документов австрийской шпионской организацией в Цюрихе была совершена наемными ворами-специалистами, нанятыми итальянской контрразведкой. Найдена целая сеть шпионажа в Италии, где участвовали почти исключительно итальянцы, среди которых много ватиканских. Найдены следы организации взрывов на «Бенедетте Брине» и «Леонардо да Винчи» и готовящихся еще на двух. Взрывы были совершены итальянцами при помощи особых приборов с часовым механизмом, работающих с расчетом произвести ряд взрывов в разных частях корабля через короткие промежутки времени, чтобы затруднить тушение пожаров. Указание на хранение документов в Цюрихе было получено еще при первом раскрытии части шпионажа, о котором я телеграфировал 5 января.

Беренс».

«...И ТУТ ЯСНОВИДЯЩАЯ ПРОСНУЛАСЬ»

Причину взрыва на севастопольском рейде пытались разгадать, что называется, по горячим следам. Порой прибегали при этом к самым невероятным средствам. Вот, что рассказывал в своей книге «Флот» все тот же капитан 2 ранга А. Лукин:

«В сентябре 1916 года товарищ морского министра, вице-адмирал П. П. Муравьев, производил инспекторский объезд судостроительных заводов Николаева. 7 октября возвращался в Петроград, когда, под Харьковом, ему доставили в вагон срочную депешу морского министра, как громом его поразившую: «Поезжайте в Севастополь. Выясните причину гибели «Императрицы Марии». -

Адмирал немедленно телеграфировал в Харьков о задержании севастопольского поезда и на следующий день был уже на месте катастрофы.

Сквозь прозрачные воды смутно виднелись очертания днища покоившегося на глубине дредноута. Потрясенные люди окружили адмирала. В их ушах слышалась еще жизнь внутри корабля. Сотни страшно обожженных, заживо разлагающихся, умирающих людей. Погребальный перезвон церквей. Удрученный Колчак, пославший Государю телеграмму об отставке...

Что?! Как?! Почему?!... Никто, решительно никто не мог ничего ответить на эти вопросы.

Злой умысел? Самовозгорание пороха?... Много было всяких предположений, но ничего определенного,

Ни разговор с Колчаком, ни беседа с председателем следственной комиссии вице-дмиралом Маньковским, ни со спасшимися чинами экипажа, не выявили ничего. Тайна происшедшего покоилась на дне.

Душевно разбитый, утомленный безрезультатными поисками в течение

целого дня, министр направился к себе в Малый дворец. Долго ходил по кабинету, вспоминая и обдумывая все показания, предположения, беседы.

Самовозгорание, разложение пороха?! Адмирал, блестящий техник, специалист по взрывчатым веществам, бывший лектор и руководитель минного офицерского класса и, наконец, глава всей технической части морского ведомства - отбрасывал эту мысль. Она не состоятельна. Самовозгорание не могло иметь места. Весь процесс изготовления и анализа порохов не допускает этого. Исключающей 'в проведении химических реакций быть не могло. Всякое мельчайшее изменение тщательно фиксировалось. Каждая партия пороха выдерживала все законные испытания. Сам Бринк наблюдал за этим. Тем более этого не могло случиться на «Марии», где возраст пороха был молодой. - Старый никак не мог попасть в снабжение кораблей. - Нет, тысячу раз нет! Я отбрасываю эту мысль!

Адмирал приостановился.

«А недавний взрыв «Леонардо да Винчи»? И еще другого итальянского корабля? А в Тулоне? - взрыв французского броненосца, английского. И все -теперь, недавно... Пять таинственно взлетевших на воздух кораблей... И все у союзников. Ни одного у немцев.»

Адмирал снова зашагал...

- Но как?!... Каким путем?... Мысль о взрыве на расстоянии вполне допустима. Я сам присутствовал при испытаниях катера, управлявшегося с берега по радио. Тогда, в присутствии государя, он без единого человека прошел из Кронштадта в Петергоф... Были даже технические работы по испытанию взрывов на расстоянии...

Теряясь в догадках, адмирал опустился в кресло. Не заметил, как погас день и сгустились сумерки...

Еще в первый свой приезд в Севастополь (в последние дни командования флотом адмиралом Эбергардом), товарищ министра встретился со своим старым знакомым г. NN, бывшим драгоманом нашего генерального консульства в Константинополе, назначенного во время войны заведовать политической частью штаба Командующего черноморским флотом;

Супруги NN-проживали в Севастополе.

Если бы я имел право назвать фамилию этой четы, каждый узнал бы в ней известное в оккультном мире имя. Сам адмирал в тогдашней свой первый приезд, воочию убедился в необычайной, положительно сверхъестественной силе дарования г-жи NN. Ее поразительная способность ясновидения создала ей известность, далеко выходящую за пределы России. Можно привести много примеров ее поистине странного таланта, но я приведу только те два, которые «неверующего» адмирала обратили в «верующего».

Зайдя однажды вечером в гости к NN, товарищ министра обратился к хозяйке с просьбой продемонстрировать сеанс. Та согласилась:

- Вот, адмирал, вам карандаш, бумага, конверт. Я уйду в другую комнату, вы же напишите два вопроса и запечатайте в конверт. Я отвечу на них.

Хозяйка вышла.

Адмирал написал два вопроса: «1. когда я родился? 2. будет ли Римский-

Корсаков назначен начальником артиллерийского отдела?»

Первый вопрос адмирал задал вот почему. Всю свою жизнь он считал себя родившимся 30 декабря 1859 года. И родители его, и он сам всегда 30 декабря праздновали этот день. Когда, вдруг, адмирал, потребовав из Морского корпуса (где хранятся подлинные метрики офицеров флота) - свою метрическую выпись, неожиданно узнал, что родился он не 30 декабря 1859 года, а 30 января 1860.

Второй вопрос задал потому, что, находясь в служебной поездке по югу России, получил из Питера сообщение, что на освободившуюся вакансию начальника артиллерийского отдела морского ведомства предложено назначить Римского-Корсакова, что не согласовалось с мнением его - товарища министра.

Написав оба вопроса, вложил в конверт и запечатал.

На первый запрос ясновидящая незамедлительно ответила: - «шестидесятый год, 30 января.» На второй - задумалась.

- Ах, какое трудное имя!... Пойдите!... Двойное... Римский... Корсаков... Назначен не будет.

Адмирал был поражен. Ведь о действительном дне его рождения никто решительно не знал кроме его самого, да бумаги.

Но дальнейшее еще более поразило его. На завтра адмирал собирался уезжать в Петроград и уже отдал распоряжение о вагоне. Прощаясь в передней с провожавшими его хозяевами, он им это и сказал.

- Нет, адмирал! Завтра, 8-го, вы не уедете - вы уедете 11-го.

Адмирал улыбнулся.

- Ну, на этот раз вы ошибетесь. В Петрограде меня ждут неотложные дела, и я уже заказал себе вагон.

- Увидите, адмирал, вы уедете 11-го.

Министр вернулся во дворец.

Ему подали депешу: «Адмирал Колчак, назначенный командующим Черноморским флотом, завтра приезжает в Севастополь. Не уезжайте не повидавшись с ним. Григорович.»

Утром адмирал послал своего адъютанта встретить Колчака и спросить, когда он может принять его.

- Передайте товарищу министра - ответил командующий, - что сейчас я уеду к адмиралу Эбергарду и буду принимать флот. Адмирала же Муравьева прошу пожаловать завтра, 9-го, к 11 ч. утра.

Но ночью получилось сообщение, что «Бреслау» вышел в море. Колчак немедленно снялся с якоря и пошел в погоню за ним.

Только 11-го он вернулся на рейд и только 11-го. вечером министр, переговорив с Колчаком, смог выехать в Петроград...

Но вернемся к прерванному рассказу.

Был поздний час, когда П. П. Муравьев позвонил у подъезда NN. Хозяева еще не спали и радушно встретили неожиданного гостя.

- Я к вам за помощью. Помогите вашим необычайным дарованием проникнуть в тайну гибели «Марии».

Взволнованная речь, расстроенный вид адмирала действовали.

- Хорошо!- Ты поможешь мне? - обратилась. хозяйка к мужу.
Через несколько минут она впала в транс,
- Что видишь? - спросил муж.
Ответа не последовало. Муж повторил вопрос.
- Вижу!... Как будто Восток... Азиатский кабинет... Сидят трое, смотрят на карту.
- Какую? Географическую?
- Нет!... Нарисованы корабли...
- Что видишь еще?
- Они что-то обсуждают... Ушли...
- Дальше!
- Не вижу ничего... Нет, постой!... Вижу длинный коридор... Два человека крадутся... Один в кожаной куртке... Другой... в грязном рабочем...
- Что видишь еще? Что делают они?
- Тот, в рабочем, держит под мышкой ящик... Болтается веревка... Спускаются вниз...
- Куда же они идут?...
- Вошли!... Не понимаю... Не знаю... Странная. комната... Не знаю...
- Но какого же вида комната? Что видишь в ней?
- Не пойму... Какие-то металлические вещи...
Смутно описывает помещение. Адмирал догадывается - бомбовый погреб...
- Говори дальше!
- Зажгли спичку. Подожгли... Уходят О, ужас!... Пламя!!... Взрыв!
- А где же люди?
- Бегут... Один упал... Лежит... -
- А другой?
- Другой?!... Бежит...
- Видишь его?
- Вижу!... Он смотрит на меня.
- Кто он? Как его фамилия?
- Не могу сказать.
- Почему?!
- Он смотрит на меня... Вы его повесите... Не могу сказать...
Адмирал взволнованно встал.
- Вы должны назвать его. Вспомните всю кровь, страдания, гибель лучшего корабля. Эта гибель быть может грозить и другим...
- Назови, назови его! Ты должна сказать, - с тяжелейшим напряжением всей воли подтвердил муж.
- Но вы повесите его...
- Во-первых, я никого не вешаю. А если возмездие покарает его - от своей судьбы не уйти. Во-вторых, во имя погибнувших и живых, вы должны назвать его!
- Хорошо!... Я согласна...
Но в этот самый момент ясновидящая проснулась...»

Чем дальше от нас это печальное событие, тем яростнее попытки разгадать эту тайну взрыва на севастопольском рейде 7 октября 1916 года. Ответить на вопрос, что погубило лучший дредноут Черноморского флота брались историки и писатели, инженеры и моряки, профессиональные следователи и фанаты-любители пытали свои силы в решении этой загадки века. О трагедии на «Императрице Марии» написаны книги: роман Сергеева-Ценского «Утренний взрыв», «Арбатская повесть» Елкина, главы воспоминаний А. Лукина «Флот»...

По версии писателя-мариниста Анатолия Елкина взрыв на «Марии» был подготовлен германской агентурой, обосновавшейся еще до войны в Николаеве, где строили дредноут. Довольно стройно и убедительно изложены елкинские доводы в «Арбатской повести», вышедшей отдельной книгой.

Категорически не согласен был с этой версией известный историк флота доцент военно-морской академии ныне покойный капитан 1 ранга Залесский. Однако до недавнего времени были живы и те, кто пережил чудовищный взрыв на «Марии». Один из них скончался 4 октября 1980 года в Русском приюте в Монмаранси - бывший лейтенант российского флота Владимир Владимирович Успенский.

Огнеопасные подметки

Итак, вахтенным начальником на «Марии» в день трагедии был командир башни главного калибра мичман Владимир Успенский. От гибели его спасло то, что в момент взрыва он находился в районе кормовой трубы. Жизнь его полна превратностей и крутых поворотов.

После революции служил в Белом флоте. Затем чужбина. В Париже работал шофером такси, портным театральных костюмов... Только в 1969 году бывший лейтенант опубликовал свои заметки о возможных причинах гибели «Императрицы Марии» на страницах Бюллетеня общества офицеров российского императорского флота.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В настоящих воспоминаниях я не стал говорить об агонии корабля, длившейся 54 минуты. Ограничусь лишь сообщением об одном практически не известном факте, свидетелем которого мне выпала судьба быть.

Линейный корабль «Императрица Мария» проектировался и закладывался до первой мировой войны. Многочисленные электромоторы для него были заказаны на германских заводах. Начавшаяся война создала тяжелые условия для достройки корабля. К сожалению, те, что нашли, были значительно больше по размерам, и пришлось выкраивать необходимую площадь за счет жилых помещений. Команде негде было жить, и вопреки всем уставам прислуга 12-дюймовых орудий жила в самих башнях. Боевой запас трех орудий башни состоял из 300 фугасных и бронебойных снарядов и 600 полузарядов бездымного пороха.

Наши пороха отличались исключительной стойкостью, и о каком-либо самовозгорании не могло быть и речи. Совершенно необоснованно

предположение о нагревании пороха от паровых трубопроводов, возможности электрозамыкания. Коммуникации проходили снаружи и не представляли ни малейшей опасности.

Известно, что линкор вступил в строй с недоделками. Поэтому до самой его гибели на борту находились портовые и заводские рабочие. За их работой следил инженер-поручик С. Шапошников, с которым у меня были приятельские отношения. Он знал «Императрицу Марию», как говорится, от киля до клотика и рассказал мне о многочисленных отступлениях и всяческих технических затруднениях, связанных с войной.

Через два года после трагедии, когда линкор уже находился в доке, Шапошников в подбашенном помещении одной из башен обнаружил странную находку, которая навела нас на интересные размышления. Найден был матросский сундучок, в котором находились две стеариновые свечи, одна начатая, другая наполовину сгоревшая, коробка спичек, точнее то, что от нее осталось после двухлетнего пребывания в воде, набор сапожных инструментов, а также две пары ботинок, одна из которых была починена, а другая не закончена. То, что мы увидели вместо обычной кожаной подошвы, нас поразило: к ботинкам владелец сундучка гвоздями прибил нарезанные полоски бездымного пороха, вынутые из полузарядов для 12-дюймовых орудий! Рядом лежали несколько таких полосок.

Для того чтобы иметь пороховые полоски и прятать сундучок в подбашенном помещении, следовало принадлежать к составу башенной прислуги. Так, может быть, и в первой башне обитал такой сапожник?

Тогда картина пожара проясняется. Чтобы достать ленточный порох, нужно было открыть крышку пенала, разрезать шелковый чехол и вытянуть пластину. Порох, пролежавший полтора года в герметически закрытом пенале, мог выделить какие-то эфирные пары, вспыхнувшие от близстоящей свечи. Загоревшийся газ воспламенил чехол и порох. В открытом пенале порох не мог взорваться - он загорелся, и это горение продолжалось, быть может, полминуты или чуть больше, пока не достигло критической температуры горения - 1200 градусов. Сгорание четырех пудов пороха в сравнительно небольшом помещении вызвало, без сомнения, взрыв остальных 599 пеналов.

К сожалению, гражданская война, а затем уход из Крыма разлучили нас с Шапошниковым. Но то, что я видел своими глазами, то, что мы предполагали с инженер-поручиком, не может разве служить еще одной версией гибели линейного корабля «Императрица Мария»?»

И все-таки - «злой умысел»?

Капитан 1 ранга Октябрь Петрович Бар-Бирюков служил в пятидесятые годы на линкоре «Новороссийск», пережившим в той же злосчастной Северной бухте трагедию своего предшественника - дредноута «Императрица Мария». Много лет расследовал он обстоятельства обеих катастроф. Вот, что ему удалось установить по «делу «Марии»:

«После Великой Отечественной войны исследователями, сумевшими добраться до документов из архива КГБ, были выявлены и обнародованы сведения о работе в Николаеве с 1907 года (в т. ч. на судостроительном заводе, строившем русские линкоры) группы немецких шпионов во главе с резидентом Верманом. В нее входили многие известные в этом городе лица и даже городской голова Николаева - Матвеев, а главное - инженеры верфи: Шеффер, Линке, Феокистов и другие, кроме того - обучавшийся в Германии электротехник Сгибнев. Это вскрылось органами ОГПУ еще в начале тридцатых годов, когда ее члены были арестованы и в ходе следствия дали показания об участии в подрыве "И. М.", За что, по этим сведениям, непосредственным исполнителям акции - Феокистову и Сгибневу - Верманом было обещано по 80 тысяч рублей золотом каждому, правда, после окончания боевых действий...

Наших чекистов тогда все это мало интересовало - дела дореволюционной давности рассматривались не более чем исторически любопытная "фактура". И поэтому в ходе расследования текущей "вредительской" деятельности этой группы информация о подрыве "И. М." не получила дальнейшей разработки.

Не так давно сотрудники Центрального архива ФСБ России А. Черепков и А. Шишкин, разыскав часть следственных материалов по делу группы Вермана, документально подтвердили факт разоблачения в 1933 году в Николаеве глубоко законспирированной сети разведчиков, работавшей на Германию, действовавшей там с предвоенных времен и "ориентированной" на местные судостроительные заводы. Правда, они не нашли в первоначально обнаруженных ими архивных документах конкретных доказательств их участия в подрыве "И. М." Но содержание некоторых протоколов допросов членов группы Вермана уже тогда давало довольно веские основания полагать, что эта шпионская организация, располагавшая большими возможностями, вполне могла такую диверсию осуществить. Ведь она вряд ли "сидела сложа руки" во время войны: для Германии нужда вывести из строя новые русские линкоры на Черном море, представлявшие смертельную угрозу для "Гебена" и "Бреслау", была острейшей...

Недавно упомянутые выше сотрудники ЦА ФСБ РФ, продолжив поиск и исследование материалов, связанных с делом группы Вермана, нашли в выявленных ими архивных документах ОГПУ Украины за 1933-1934 годы и Севастопольского жандармского управления за октябрь - ноябрь 1916 года новые факты, существенно дополняющие и по-новому раскрывающие "диверсионную" версию причины подрыва "И. М." Так, протоколы допросов свидетельствуют, что уроженец (1883 г.) города Херсона - сын выходца из Германии, пароходчика Э. Вермана - Верман Виктор Эдуардович, получивший образование в фатерланде и Швейцарии, преуспевающий делец, а потом инженер кораблестроительного завода "Руссуд", действительно являлся немецким разведчиком с дореволюционных времен (деятельность В. Вермана подробно изложена в той части архивного следственного дела ОГПУ Украины за 1933 год, которая называется "Моя шпионская деятельность в пользу Германии при царском правительстве"). На допросах он, в частности, показал:

"...Шпионской работой я стал заниматься в 1908 году в Николаеве (именно с этого периода начинается осуществление новой кораблестроительной программы на юге России. - О. Б.), работая на заводе "Наваль" в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоявшей из инженера Моора и Гана", И далее: "Моор и Ган», а более всех первый, стали обрабатывать и вовлекать меня в разведывательную работу в пользу Германии...". После отъезда Гана и Моора в фатерланд "руководство" работой Вермана перешло непосредственно к германскому вице-консулу в Николаеве господину Винштайну. Верман в своих показаниях дал о нем исчерпывающие сведения: "...Я узнал, что Винштайн является офицером германской армии в чине гауптмана (капитана), что находится он в России не случайно, а является резидентом германского генерального штаба и проводит большую разведывательную работу на юге России. Примерно с 1908 года Винштайн стал в Николаеве вице-консулом. Бежал в Германию за несколько дней до объявления войны - в июле 1914 года". Из-за сложившихся обстоятельств Верману было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал там людей для разведывательной работы (на юге Украины тогда проживало много обрусевших немцев-колонистов), собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строившихся военных судах надводного и подводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости хода и т. п. На допросах Верман рассказывал: "...Из лиц, мной лично завербованных для шпионской работы в период 1908-1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке... Линке Бруно, инженера Шеффера... электрика Сгибнева" (с последним его свел в 1910 году германский консул в Николаеве Фришен, выбравший опытного электротехника Сгибнева, падкого на деньги владельца мастерской, своим наметанным глазом разведчика в качестве нужной фигуры в затеваемой им "большой игре". Учитывая при этом, что и Верман, и Сгибнев знали друг друга по городскому яхт-клубу, так как оба были завязаными яхтсменами...). Все завербованные были или, как Сгибнев, стали (он по заданию Вермана с 1911 года перешел на работу в "Руссуд") сотрудниками судостроительных заводов, имевшими право прохода на строившиеся там корабли. Электрик же Сгибнев отвечал за работы по электрооборудованию на строившихся "Руссудом" военных кораблях, в том числе и на "Императрице Марии".

В 1933 году в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема электрооборудования артиллерийских башен главного калибра на новых линейных кораблях типа "Дредноут", особенно на первом из них, переданном флоту, - "Императрице Марии". "В период 1912-1914 гг., - рассказывал Сгибнев, - я передавал Верману различные сведения о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков - в рамках того, что мне было известно". Особый интерес немецкой разведки к электросхемам артиллерийских башен главного калибра этих линкоров становится понятен: ведь первый странный взрыв на "Императрице Марии" произошел именно под ее носовой артиллерийской башней главного калибра, все помещения которой

были насыщены различным электрооборудованием...

В 1918 году, после оккупации немцами Юга России разведывательная деятельность Вермана была вознаграждена по достоинству.

Из протокола его допроса:

"...По представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени". Пережив интервенцию и гражданскую войну, Верман осел в Николаеве.

Таким образом, взрыв на "И. М.", несмотря на депортацию Вернера в этот период, скорее всего осуществлен по его замыслу. Ведь не только в Николаеве, но и в Севастополе им была подготовлена сеть агентов. На допросах в 1933 году он так говорил об этом: "...Я лично осуществлял связь с 1908 года по разведывательной работе со следующими городами:...Севастополем, где разведывательной деятельностью руководил инженер-механик завода "Наваль" Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа достраивавшегося в Севастополе броненосца "Златоуст". Знаю, что у Визера была там своя шпионская сеть, из состава которой я помню только конструктора адмиралтейства Карпова Ивана; с ним мне приходилось лично сталкиваться". В связи с этим возникает вопрос: не участвовали ли люди Визера (да и он сам) в работах на "Марии" в начале октября 1916 года? Ведь на ее борту тогда ежедневно находились работники судостроительных предприятий, среди которых вполне могли быть и они. Вот что об этом говорится в докладной от 14.10.16 г. руководителя севастопольского жандармского управления начальнику штаба Черноморского флота (недавно выявленной исследователями). В ней приводятся сведения секретных агентов жандармерии на "И. М.": "Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва до 10 часов вечера, могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра. Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, в д. 355, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя... А взрыв мог произойти от неправильного соединения электрических проводов, так как перед пожаром на корабле погасло электричество..." (верный признак короткого замыкания электросети. - О. Б.). О том, что постройка новейших линкоров Черноморского флота тщательно "опекалась" агентами германской военной разведки, свидетельствуют и другие недавно выявленные документы».

Как бы там ни было, но даже роковой взрыв не смог, как говорят артиллеристы, "привести к молчанию" пушки "Императрицы Марии". Башни погибшего линкора незадолго перед Великой Отечественной войной были извлечены со дна морского водолазами ЭПРОНа (Экспедиции подводных работ

особого назначения) и установлены под Севастополем. О подвиге 30-й береговой батареи, оснащенной поднятыми двенадцатидюймовками, - рассказ особый. Во всяком случае, орудиям "Императрицы Марии" довелось стрелять не только по кайзеровским кораблям, но и по гитлеровским танкам.

ОРАКУЛ 2000

Летом 1987 года в Севастополь в музей Черноморского флота пришла объемистая бандероль из Парижа. Когда ее вскрыли, на столе начальника музея заструился блеклый белый шелк старого флага. Огромное полотнище пересекал наискось голубой андреевский крест.

То был кормовой флаг дредноута «Императрица Марии», под которым корабль встретил свой смертный час. Его прислал сын контр-адмирала Павла Остелецкого, эмигрантская судьба которого забросила во Францию.

- Мы очень благодарны Николаю Павловичу Остелецкому, - говорит главный экспозиционер музея Генриетта Васильевна Парамонова, - за то, что он сохранил и передал нам эту прекрасную реликвию. У флага "Императрицы Марии", спасенного матросами, мы будем рассказывать молодым морякам о самоотверженности их прадедов, будем учить их бдительности и мужеству.

Мне довелось подержать в руках это историческое полотнище. Сегодня, сложенный раз пять - музейные стены слишком малы для него - флаг «Марии» положен под стекло.

Так устроен человек: все, что было до его рождения, кажется ему древностью. Я тоже считал, что гибель «Марии» - глубокая старина, пока однажды севастопольские друзья не познакомили меня с рыбаком-старожилом, носившего фамилию замечательного гоголевского героя - Бульба. Рыбак жил на Северной стороне в маленьком домике с большим садом. Мальчишкой ему довелось быть очевидцем рокового пожара на «Марии», а в зрелых годах - стал свидетелем трагедии линкора «Новороссийск». Именно Бульба и рассказал мне, что в старинных - лазаревских - казармах Учебного отряда Черноморского флота находится рында - судовой колокол - с «Императрицы Марии»... Поначалу просто не поверил. Но на другой день заместитель начальника отряда провел меня в комнату боевой славы. Огромный бронзовый колокол висел на специальном кронштейне. Я и мечтать не мог о том, что однажды смогу прикоснуться к реальному металлу «Императрицы Марии». Однако вот он передо мной!

Как странно: давным-давно нет корабля, но голос его можно услышать и ныне.

- Бам-мм!... - Многопудовая рында гудит чуть надтреснуто. Край колокола рассекала трещина - след памятного взрыва, чье эхо и по сию пору отзывается болью в каждом русском сердце.

...

Но даже такая потеря, как линкор «Императрица Мария» не прервала работы адмирала Колчака по подготовке десанта на Босфор. Только теперь надо было рассчитывать только на свои силы. Что же касается союзников, тот тут вполне был справедлив стародавний афоризм: «избави Бог, нас от таких

друзей, а с врагами мы и сами справимся».

Колчак и Черчилль.

Как ни странно, но у этих полярно разных деятелей было немало общих параллелей в характерах и судьбах.

Они родились в один и тот же год. Ровесники. Один появился на свет в Лондоне, другой в Санкт-Петербурге. В жилах обоих текла горячая кровь: у Колчака - казачья, у Черчилля - пиратская (его предок капитан некий капитан Черчилль женился на правнучке знаменитого корсара и мореплавателя Фрэнсиса Дрейка).

В один и тот же год оба они поступили в привилегированные военные школы - один в Морской корпус, другой в кавалерийское училище в Сэндхерсте. Правда, как отмечают биографы британского премьера, особенными способностями молодой Уинстон Черчилль не блистал: «в тот же Сэндхерст ему удалось поступить только с третьей попытки». Колчак блестяще кончил курс с премией адмирала Рикорди.

Закончив училище в 1895 году новоиспеченный кавалерист начинает тосковать, что «возможности вести жизнь, полную приключений, стали в британской армии весьма ограниченными». Не та ли тоска сдает и молодого мичмана русского флота, томящегося на старом учебном корабле?

Колчак рвется на юг Африки - в Трансвааль, где вовсю пылает война буров с англичанами. «Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать.» Участвовать, разумеется, на стороне буров.

Именно туда же в Капскую колонию направляется и Черчилль. Правда, ему приходится снять погоны и прибыть в район боевых действий в качестве военного корреспондента. Во время глубокой разведки блиндированный поезд англичан, в котором находился и Уинстон, попадает в западню. Буры берут в его плен.

Колчаку не суждено попасть в Южную Африку. (За него это сделает его сын Ростислав, который немало лет проработает во французском Алжире). Стрелка его судьбы показала «чистый норд». Он отправляется искать счастья на север Сибири. Но через четыре года он найдет свое поле славы - Порт-Артур.

Первая мировая война возвращает обоих на Балтику. Военно-морской министр Черчилль отправляется в Бельгию, чтобы лично руководить обороной Антверпена. А эсминец капитана 2 ранга Колчака действует в восточном секторе Балтийского моря.

Но через несколько лет и Колчак, и Черчилль окажутся по обе стороны одной цели - перед Босфоро-Дарданельскими проливами. Но видели они ее диаметрально разное.

Формально Британия объявила войну Турции 5 ноября, но за два дня до того, адмирал Карден получил приказ от своего адмиралтейства - «опробовать

эффект воздействия корабельных орудий на внешние форты» Дарданелл. Четыре броненосца (два британских и два французских) в течение десяти минут выпустили 76 тяжелых снарядов по главным фортам, прикрывающим вход в пролив - Кум-Кале и Седд-уль-Бахру. Стрельба имела некоторый успех - один турецкий артпогреб взлетел на воздух. Адмиралтейство решило, что предупреждение великого Нельсона устарело, и стало готовить операцию по захвату пролива одними кораблями, для чего решено было принести в жертву старые линкоры. «Важность результата оправдывает тяжелые потери». Убеждал Черчилль вице-адмирала Кардена, стоявшего под Дарданеллами.

Черчиллю, главному вдохновителю дарданельской операции, точно также, как потом и Колчаку, воителю Босфора, высшее командование отказало в выделении драгоценных сухопутных войск. Черчилль просил 75 тысяч «опытных солдат из Франции» и получил решительный отказ, поскольку Франция балансировала на краю поражения, а проливы могли подождать.

«Удобный случай не долго ждет» - не устал повторять Черчилль старую английскую поговорку, - «иначе русские захватят проливы до того, как над ними взвьется британский флаг».

С ним соглашались, но полагали, что мощная корабельная артиллерия решит дело сама собой. На всякий случай адмиралтейство направило на эскадру Кардена...два батальона морской пехоты. Много позже, когда началось правительственное расследование дарданелльской катастрофы, Черчилль заявил, что он не начал бы операции, если бы знал, что для ее успеха понадобится не 75 тысяч отборных солдат, а 100 тысяч.

Немецкий морской министр адмирал Тирпиц 8 августа 1915 года: «У Дарданелл идет ожесточенная борьба. Если они будут взяты, мы неминуемо проиграем войну». То же самое он мог сказать и о Босфоре.

Знаменитый французский адмирал Давелью: «Трудно было нагромоздить больше военных ошибок на столь малом театре военных действий, каковыми были Дарданеллы».

Английский адмирал Вимис: «Во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована».

Так же как и морской штаб русской Ставки, так же как и Колчак, полагавшие, что взятие Босфора резко ускорит поражение Германии, Черчилль утверждал, что Дарданеллы - это мягкое подбрюшье Германии, через которое можно и надо нанести ей смертельный удар. Но...

Коварный Альбион, оправдывая свое прозвище, в разгар мировой войны начал строить планы против собственных союзников в случае разгрома Германии общими усилиями:

Черчилль умел быть откровенным: «Если мы сумеем сокрушить германскую морскую мощь, мы должны быть готовы сосредоточить на Средиземном море флот против Франции и России».

«Когда Россия окажется в Константинополе, Франция в Сирии, Италия на Родосе, наше положение на Средиземном море станет невыносимым».

«В Сибири был только один союзник, который мог действовать быстро и с

надлежащей мощью. Япония была близка, свежа, готова и глубоко предана делу...»

О правительстве Колчака в палате общин он говорил так: «Мы вызвали его к жизни...» Но не добавлял при этом - «и мы же его погубили».

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ №1

Царь Петр начал прорубать окно в Европу вовсе не с невских берегов - а с южных: с Азова. В прямом смысле слова прорубил - саблями да шашками казачьими - узенькую щель с видом Азовское море. Но зато открыл выход России через Дон на морской путь, ведущий хоть куда - в Египет ли, в Грецию, к торговым дворам Венеции и Рима, Марселя и Барселоны, и далее - сквозь Гибралтар в страны остального мира. Волга-то, даром, что великая река, но вела лишь в глухой «мешок» Каспийского моря. А вот с Дона через Азов простор открывался немереный, даром, что трижды перекрытый османами - меж Керчью и Таманью, в Босфоре и в Дарданеллах. Но уже при Петре Великом первый русский военный корабль прошел через заветный Босфор в Средиземное море - «тысячелетнюю колыбель благосостояния и культуры европейских народов».

АДМИРАЛ БУБНОВ. «Направив Россию на путь ее грядущей славы и величия - Петр почил. Но его гений озарял еще целое столетие И его наследники, следуя его заветам, продолжали упорную работу на предначертанном им пути. В конце 18-го века великая Екатерина окончательно утвердила господство России на Балтийском море и завоеванием Крыма положила прочное основание владычеству России на Черном море.

В течение всего 18-го века морская проблема была руководящим основанием для всей деятельности России... Результаты не замедлили сказаться: к концу 18-го века Россия - за какие-нибудь сто лет - обратилась из полукультурного и слабого государства в мощную и великую империю. И этим сказочным превращениям Россия главным образом обязана тому, что наследники Петра..., выводили Россию твердой рукой на широкий простор морских сообщений».

Однако в следующем - 19-м веке - морское стремление державы затихло. Небывалая война с Наполеоном, вся тяжесть которой и вся славы победы легла на плечи сухопутной армии, отодвинула роль флота и морской политики на задний план. Только к середине века Николай 1, вспомнив заветы своего прапрадеда, начал возрождать морскую силу государства, обратив свой взор к черноморским проливам. И тут же получил сокрушительный удар от англо-франко-итал властителей Средиземного моря в Крымской войне, которую по сути дела надо было бы именовать Средиземноморской войной, ибо главная цель европейских союзников и прежде всего Британии - понадежней запереть от России Босфоро-Дарданельские врата. На целые полвека в Петербурге забыли слово «проливы», хотя большая часть российского зернового вывоза шла именно босфорским путем под надзором пушечных жерл турецких

береговых батарей.

АДМИРАЛ БУБНОВ. «... Следуя бессистемным изгибам мысли русских государственных людей того времени, забывших ясный и определенный путь, начертанный Петром, русская морская проблема устремляется в конце 19-го века на Дальний Восток к Тихому океану. Туда - в пространство, ничем не связанное с реальными интересами России, - направляются все ее морские усилия. Черное море не только в умах государственных деятелей, но даже в сознании самой морской среды, обращается в пасынка русской морской мысли.

После уничтожения русской морской силы на Дальнем Востоке, морская проблема вновь возвращается в Европу и здесь воплощается в своеобразную формулу: «ключи от морских сообщений через Босфор лежат в Берлине», - каковая формула кладется в основу воссоздания русского флота после несчастной войны с Японией.

В связи с этим все усилия и средства направляются в первую очередь на создание флота и подготовку к войне на Балтийском море, в результате чего Россия вступает в 1-ую мировую войну совершенно неподготовленной, именно на Черном море, где фактически лежит единственно правильное и целесообразное решение вопроса ее морских сообщений с внешним миром...

... В период, предшествовавший 1-й мировой войне, почти 80% вывоза России совершалось морем; из этого морского вывоза 60% падало на долю Черного моря; 35% на долю Балтийского моря и 5% на долю остальных морей, при чем выявилась неуклонная тенденция повышения процентуального участия Черноморских морских путей сообщения в общем морском экспорте России».

Идея завладения проливами всплыла только в ходе мировой войны, когда царское правительство было поставлено перед двумя фактами: война будет затяжной и война уже забрала слишком много жертв. Необходимо было политическое оправдание понесенным жертвам - за что погибла русская гвардия в прусских лесах? - за водружение православного креста над святой Софией в Константинополе. Про насущную экономическую необходимость этих проливов для русского государства говорить постеснялись. Ее постарались декорировать религиозно-исторической идеей. Но генералы Ставки отмахивались от нее, как от некой химеры, рожденной в мозгах политиков и газетчиков, как от третьестепенного дела, отвлекающего силы умственные и военные от главного направления - на Берлин! Падет кайзер и ворота Босфора откроются сами собой, ибо Турция лишится самого мощного своего союзника.

Правда, и тут среди них не было единства. Одни считали, что до Берлина своими силами не дойти, а вот Австро-Венгрию вполне можно одолеть, вывести ее из войны и тем самым внести большой вклад в победу Антанты, а значит главный театр - это Галиция, откуда лежал кратчайший и более легкий путь на Вену.

Никто однако не хотел вспоминать при этом Крымскую войну, когда кайзер, то бишь Берлин был союзником (моральным) России, а ее нынешние союзники рьяно защищали проливы на подступах к Севастополю.

Ирония судьбы: через шесть лет в итоге всех головоломных операций в Галиполи высадились и стали лагерем русские. Это были белые полки генерала

Кутепова, нашедшие на этой обетованной британским адмиралтейством земле свой временный приют.

На острове Лемнос, бывшей главной базой англичан в дарданелльской операции, (русское морское ведомство планировало устроить на нем в случае захвата проливной зоны нечто вроде «царь-градского Кронштадта» - передовой базы флота) разместились навсегда покинувшие Россию кубанские и донские казаки.

...

Дальнейшая история показала, что даже тогда, когда Берлин в 1945 году был в руках российской (советской) армии, никаких «ключей от Босфора» маршал Жуков там не обнаружил... Даже в самый благоприятный для себя - ялтинский период - грозный Сталин не смог решить босфорскую проблему, хотя лучше иных российских самодержцев понимал всю значимость черноморских проливов - как стратегическую, так и экономическую.

Это чутко подметил главный морской идеолог «Босфора» адмирал Бубнов еще в пятидесятые годы:

«При первой попытке нажима советской России на Турцию в этом направлении последняя была решительно поддержана всеми великими державами, и ответила советской России категорическим отказом. Включением же ныне Турции в Атлантический пакт, выход из Черного в Средиземное море был закрыт для России гигантской силой всех двенадцати держав, этот пакт составляющих...»

ОРАКУЛ 2000

Замечательная песня «... Не нужен нам берег турецкий, чужая земля не нужна» звучит сегодня издевательски. Нам, действительно, не нужна чужая земля, и берег турецкий, но «турецкие проливы» - Босфор и Дарданеллы - нужны нам были всегда, и сегодня особенно остро, когда танкеры с российской нефтью турецкие власти через «свои» проливы в Средиземное море, то бишь на мировой рынок, не пропускают, несмотря на все потуги нашей нынешней дипломатии.

И проход российских военных кораблей, особенно авианесущих, через Босфор и Дарданеллы во многом затруднен турецкой стороной, свято выполняющих свои обязательства по блоку НАТО. Надо полагать, Турция, малоазиатская страна, далекая от североатлантических проблем, была принята в этот военный блок только потому, что держала стратегически важную для Запада позицию - вход в Средиземное море со стороны России.

Более половины российской нефти и нефтепродуктов отправляется зарубежным потребителям по морю, а до 80 процентов отечественного танкерного флота сконцентрировано в черноморско-азовском бассейне, столицей которого стал Новороссийск. Однако возраст наших морских нефтевозов приближается к критической отметке - 15 лет. Турция немедленно обратила эту российскую проблему себе во благо: объявив танкеры под бело-сине-красными флагами экологически опасными, Анкара стала всячески препятствовать проходу их через Босфор и Дарданеллы. Не спасает положения

и уход российского нефтеэкспорта под иностранные флаги - либерийский, румынский, кипрский, мальтийский... Тогда российские нефтяные компании стали сами строить новые танкеры, безупречные по всем требованиям Морского Регистра. Первенец сошел со стапелей николаевской судовой верфи в 1996 году. Тем не менее турок мало волнует герметичность танков российских нефтевозов, их больше заботит количество этих судов, идущих через проливную зону в Средиземное море. По сути дела Босфор и Дарданеллы стали природным нефтепроводом, эдакой морской “трубой”, на распределительном кране которой лежит турецкая рука.

Сегодня черноморские проливы включены в «зону жизненных интересов США» и этим все сказано.

ЧЕМОДАН ЗАМЕРЗШИХ ЛАНДЫШЕЙ

Гельсингфорс. Январь 1917 года

Балтика в эту зиму долго не замерзала. Море стало лишь к середине декабря. Зато уж сковало так, что ледяной панцирь затянул не только Ботнику; Финский и Рижский заливы, но дошел и до Мемеля, Кенигсберга, лег по всему Померанскому побережью.

Зима повязала враждующие флоты ледяными путами, будто давала остыть бойцам-кораблям, воспаленным мозгам их командиров.

Война застыла до весны. Разве что рогатые шары мин тихо покачивались под ледяной кровлей да самолеты с голубым крестом Андреевского флага на перепончатых хвостах кружили над Ирбенами. Ледовая разведка доносила: льды, льды, льды. Бело как в Арктике.

Еще германские цеппелины. Словно огромные лодки, медленно подплывали к ночным портовым городам и сбрасывали под лай противозаэропланной пушки бомбы. Но наплывы эти успеха не имели.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ. По заснеженному льду скользили бурые тени жидковатых корабельных дымов. Свеаборгский рейд походил на деревню в чистом поле, где хозяева изб разом затопили печи.

Кочегарки работали в полсилы, валя пар на турбины динамо-машин.

Линкоры и крейсера, окрашенные в белый цвет, спускали трапы прямо на лед, и к ним подваливали уже на катере и баркасы, а конные сани, а то и авто, если шоферы-лихачи за «беленькую» съезжали на лед и, рискуя увязнуть в снегу, катили по наезженной полозьями колес к высокому стальному борту «Павла» ли, «Андрея» или «Петропавловска». То для пущего куражу и шику подкатывали к своим кораблям лейтенанты и кавторанги, засидевшись в «Фении» до последнего отпускного часа.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «С января нового года начался зимний период, - писал в каюте вмерзшего «Новика» старший офицер Граф, - с его обычной жизнью: отпусками, ремонтами, занятиями, комиссиями и тому подобными

зимними развлечениями. В этом году все как-то старались бесшабашно веселиться. В последние месяцы это стало носить даже какой-то дикий отпечаток, будто людям нечего терять впереди и они, махнув на все рукой, торопились забыться...»

Сторонний глаз нашел бы мало что нового в жизни Главной базы. Служба правилась по-зимнему: запирались штурманские рубки, выключались матки гирокомпасов, плотники сколачивали над палубными люками будки-тамбуры, чтобы метели не заносили внутренние трапы, связисты тянули телефонные провода с линкора на линкор и на причалы...

Корабли срастались с берегом, точно форты одной крепости. Флот начинал жить страстями суши. Вместе с морозами на корабли приходила политика...

РУКОЮ АННЫ. «В начале февраля 1917 года мой муж, С. Н. Тимирев, получил отпуск, и мы собирались поехать в Петроград - то есть мой муж, я и мой сын с няней. Но в поезд сесть нам не удалось - с фронта лавиной шли дезертиры, вагоны забиты, солдаты на крыше. Мы вернулись домой и пошли к вдове адмирала Трухачева, жившей в том же доме, этажом ниже. У нее сидел командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Иванович Непенин. Мы были с ним довольно хорошо знакомы. Видя мое огорчение, он сказал: «В чем дело? Завтра в Гельсингфорс идет ледокол «Ермак», через четыре часа будете там, а оттуда до Петрограда поездом просто».

Уже плоховато было в Финляндии с продовольствием, мы накупили в Ревеле всяких колбас и сели на ледокол. Накануне отъезда я получила в день своих именин от Александра Васильевича корзину ландышей - он заказал их по телеграфу. Мне было жалко их оставлять, я срезала все и положила в чемодан. Мороз был лютый, лед весь в торосах, ледокол одолевал их с трудом, и вместо четырех часов мы шли больше двенадцати. Ехало много женщин, жен офицеров с детьми. Многие ничего с собой не взяли - есть нечего. Так мы с собой ничего и не привезли.

А в Гельсингфорсе знали, что я еду, на пристани нас встречали - в Морском собрании был какой-то вечер. Когда я открыла чемодан, чтобы переодеться, оказалось, что все мои ландыши замерзли. Это был последний вечер перед революцией».

Чемодан замерзших ландышей.... Эти остекленевшие от мороза цветы нечаянно предрекали их судьбу - Сибирь, ледяной поход, лед Ангары и вечный холод небытия.

Примечания

1

Знак ордена Святого Георгия прапорщику морской артиллерии Василию Колчаку вручил комендант Севастопольского гарнизона князь Васильчиков 4 августа 1854 года (Здесь и далее все примечания автора)

2

В 1900 году на русском флоте было только четыре офицерских звания: мичман, лейтенант, капитаны 2 и 1 рангов.

3

Зюйдовую (южную) часть океана. Здесь и далее Колчак для обозначения сторон света будет помечаться на морской лад. Н.Ч.

4

Для 20 человек, составлявших экспедицию, меньше вельботов было иметь нельзя.

5

Сегодня считают, что земля Санникова представляла собой скопление песка и пакового льда, которое к началу XX века было разнесено подводными течениями.

6

Крейсер «Аскольд» следовал на Север к берегам Мурмана, но был задержан для символического участия русского флота в штурме Дарданелл».

7

Адмирал Де-Робек - командующий союзным флотом.

8

Генерал-лейтенант В.А. Данилов - начальник оперативного отделения Главного штаба (Ставки).